

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

17 (728)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
“Moscow State Linguistic Universitat”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic Universitat

The year of foundation – 1940

Issue 17 (728)

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

**INTERCULTURAL COMMUNICATION. LANGUAGE
LEARNING AND ACQUISITION**

Moscow
FSBEI HE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 17 (728)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

Халеева И. И. (<i>председатель</i>)	
Нечаев Н. Н. (<i>заместитель председателя</i>)	
Комаров А. В. (<i>ответственный секретарь</i>)	
Гаджиев А. А. (Азербайджан)	Моисеенко Л. В.
Баранова Н. П. (Белоруссия)	Мусаев А. И. (Кыргызстан)
Бурнацева З. К.	Ноздрина Л. А.
Голубина К. В.	Потапова Р. К.
Воронина Г. Б.	Прохоров Ю. Е.
Гаспарян Г. Р. (Армения)	Радченко О. А.
Гусейнова И. А.	Русецкая М. Н.
Дудик Н. А.	Семенова Т. И.
Залиханов М. Ч.	Сорокина Т. С.
Имомов М. С. (Таджикистан)	Сухарев Ю. А.
Ирисханова К. М.	Тарасова А. Н.
Ирисханова О. К.	Титкова О. И.
Касюк А. Я.	Убин И. И.
Краева И. А.	Ли-Янке Х. (Швейцария)
Красноженова Г. Ф.	Ченки А. Д. (Нидерланды)
Кунанбаева С. С. (Казахстан)	Шерер Р. (Швейцария)
Лодейро Ф. Г. (Испания)	Шулепов Н. А.
Лю Лиминь (КНР)	Форстнер М. (Швейцария)
Маркес Д. С. (Испания)	
Медведева Т. В..	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИК МГЛУ». Выпуск 17 (728)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. А. М. Каплуненко (*ответственный редактор*);
д-р филол. наук, проф. Т. И. Семёнова (*зам. ответственного редактора*);
д-р филол. наук, проф. Н. Н. Казыдуб (*ответственный секретарь*);
д-р филол. наук, проф. Т. Е. Литвиненко (*зам. ответственного секретаря*);
д-р филол. наук, доц. П. П. Дашинимаева
(директор Ин-та филологии и массовых коммуникаций БГУ);
д-р филол. наук, проф. Е. Ю. Кунцицына;
д-р филол. наук, проф. С. Н. Плотникова; д-р филол. наук, проф. Е. Ф. Серебренникова;
д-р филол. наук, проф. В. А. Степаненко; канд. филол. наук, доц. О. М. Готлиб;
канд. пед. наук, доц. Т. В. Живокоренцева;
руководитель Российско-Испанского университетского центра
Университета Кадиса А. С. Аррибас

Издание входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

СОЦИАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ В СЕМИОТИКЕ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>Каплуненко А. Е.</i>	
Роль игры в речевой деятельности ролевиков.....	9
<i>Кузнецова Н. В.</i>	
Речевая агрессия как особенность текстов социальной рекламы США Verbal aggression as a characteristic feature of U. S. public service advertising.....	22
<i>Леонов В. А.</i>	
Игровая сущность иронического детектива: дискурсивно- семиотический аспект.....	33
<i>Смирнова У. В.</i>	
Знак «Hitler» как маркер Времени Культуры «The Crisis of Multiculturalism».....	45
<i>Шаманская М. А., Шарманова О. С.</i>	
Репрезентация стереотипов о российских политиках в немецких СМИ.....	58

Раздел II

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ И СТИЛИСТИКИ ЯЗЫКОВ РАЗНОГО СТРОЯ

<i>Ермолаева Е. В.</i>	
Индексальные каузативные конструкции с глаголами «point», «welcome», «charm».....	70
<i>Кобжицкая О. Г.</i>	
Лексико-фразеологические средства гиперболизации речи в русском и китайском языках.....	82

Раздел III
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ОБЪЕКТОВ

Каверзина А. В.
Семантическая сеть Петри как инструмент исследования дискурса
редакционно-издательской деятельности 91

Хахалова С. А.
Грамматика метафоры 105

Раздел IV
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Верхотурова Т. Л., Дзюба А. Б.
Природа и функция когнитивно-языкового феномена нормы
(в картине мира английского языка) 120

Игнатьева Е. П.
Ценностные характеристики энциклопедического антропонима как
особенность его функционирования в семиотическом пространстве . 133

Иванова Т. В.
Комический эффект в ситуации шантажа 146

Семенова Т. И.
Языковая концептуализация ситуации поведения в английской языковой
картине мира 157

Соколова О. А.
Место перцептивной визуальной метафоры в концептуализации
метальной сферы английской языковой картины мира 170

CONTENTS

Section I

HOMO LUDENS IN ACTION

<i>Kaplunenko A. E.</i>	
The role of game/play in rolleplayers' speech	9
<i>Kuznetsova N. V.</i>	
Verbal aggression as a characteristic feature of U. S. public service advertising	22
<i>Leonov V. A.</i>	
The ludic nature of ironic detective story: discourse and semiotic perspectives	33
<i>Smirnova U. V.</i>	
Hilter as the semiotic marker of the time of culture «The Crisis of Multiculturalism»	45
<i>Shamanskaya M. A., Sharmanova O. S.</i>	
Representation of stereotypes of the Russian politicians in German mass media	58

Section II

GRAMMATICAL AND STYLISTIC ASPECTS OF LANGUAGES

<i>Ermolaeva E. V.</i>	
Indexal causative constructions with the verbs «point», «welcome», «charm	70
<i>Kobzhitskaya O. G.</i>	
Lexical and phraseological means of hyperbole speech in the Russian and Chinese languages	82

Section III
MODELS AND INSTRUMENTS OF LINGUISTIC RESEARCH

Kaverzina A. V.
The Petri representation system as a means of discourse analysis in a sphere
of publisher activity..... 91

Khakhalova S. A.
The Grammar of metaphor..... 105

Section IV
CONCEPTUAL AND AXIOLOGICAL ASPECTS
OF VERBAL IMAGES OF THE WORLD

Verkhoturova T. L., Dzyuba A. B.
The nature and function of the linguo-cognitive phenomenon of norm
(in the English world view)..... 120

Ignatyeva E. P.
Axiological characteristics of the encyclopaedic anthroponym and its
functions in a semiotic space..... 133

Ivanova T.V.
The comic effect in a situation of blackmail..... 146

T. I. Semenova
Cognitive Status of Interpretative Progressive in Representing Emotions and
Observerbal Behavior Meanings 157

Sokolova O. A.
Perceptive visual metaphor in conceptualization of mental sphere in the
English world view 170

РАЗДЕЛ I

СОЦИАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ В СЕМИОТИКЕ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81

А. Е. Каплуненко

аспирант кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: saffik_velikii@mail.ru

РОЛЬ ИГРЫ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОЛЕВИКОВ

В статье рассматривается неформальное объединение ролевиков, предлагается определение феномена и его анализ с позиции критериев субкультуры: ценности, картина мира, стиль и образ жизни, социальные роли и статусы, социальные институты как системы норм, процедурное знание, потребности и склонности. В ходе анализа выявляется особое значение идеи игры для ролевого сообщества на всех уровнях его существования, из чего делается предположение о том, что игра должна присутствовать и на уровне речи. Для доказательства гипотезы была взята простейшая игровая ситуация и проанализирована с точки зрения игры.

Ключевые слова: игра; ролевые игры живого действия; ролевик; архаизм.

Kaplunenko A. E.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; e-mail: saffik_velikii@mail.ru

THE ROLE OF GAME/PLAY IN ROLEPLAYERS' SPEECH

The article reviews the live-action role-playing games society, gives the definition of this phenomenon and its analysis from the perspective of subculture criteria: values, worldview, lifestyle, social roles and social classes, social institutions as systems of standards, procedural knowledge, needs and inclinations. In the course of analysis we figured out the special role of game/play in the system of live-action role-playing games subculture at every level of its existence. This permits us to assume that the phenomenon of game/play should also be present in speech of role-players. To prove this hypothesis we examined the simplest dialogue and tried to analyze it from the standpoint of the game/play.

Key words: game/play; live-action role-playing games; role-player; archaism.

«Что наша жизнь? Игра», – сказал Герман в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама». Эту фразу можно было бы воспринимать ис-

ключительно как поэтический прием, призванный *играть* на чувствах читателя, если бы не исследования, проведенные в XX в., доказавшие, что такое сравнение имеет под собой еще и научное обоснование.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что игра пронизывает все уровни человеческого бытия, заняла свое место в становлении и развитии культуры. «Человек играет только тогда, – писал Ф. Шиллер, – когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [12].

Тема игры уже довольно продолжительный период времени интенсивно эксплуатируется учеными в разных областях науки: теория игр в математике, получившая свое развитие благодаря работам Дж. Нэша; психология игры Д. Б. Эльконина, игра как связь поколений у Г. В. Плеханова, роль игры в воспитании ребенка у Г. А. Покровского и т. д. Особый интерес этот вопрос представляет для субкультуры ролевиков – людей, для которых игра стала основой формирования их сообщества.

Ролевики – это общность людей, играющих в ролевые игры живого действия. Для более четкого представления о рассматриваемой субкультуре приведем следующее описание: «Если попытаться в двух словах рассказать о том, что же такое ролевая игра, то у нас получится следующая аналогия. Возьмем для примера какой-либо приключенческий или детективный роман или кинофильм. Представьте себе, что вы оказались на месте главного героя (о чем в детстве каждый из нас мечтал) и должны сами решить, что говорить, какие поступки совершать, сами устанавливаете цели и стремитесь их достичь. Любым своим действием вы повлияете на общий сюжет кинофильма или книги. Если вы будете действовать неосмотрительно и непродуманно, то, скорее всего, вам не удастся выполнить поставленной задачи. Более того, вполне возможно, что вы поставите под угрозу свою и чужие жизни, ведь мы взяли в качестве примера приключенческий сюжет, полный опасностей и загадок» [11].

Из приведенного определения очевидно, что ролевик – это человек-актер, человек играющий; однако к такому сравнению стоит относиться осторожно. Несмотря на поверхностную схожесть (и актер, и ролевик в момент принятия на себя чужой личности начинают играть), ролевая игра и игра актера не будут идентичными по ряду причин: во-первых, актер всегда знает, чем и как закончится его роль, ролевик

таким знанием не обладает и играет по обстоятельствам; во-вторых, сюжетная линия фильма или театральной постановки довольно четко прослеживается, и актер всегда знает, «ради кого/чего» играет – он разыгрывает сюжет; ролевая игра представляет собой совокупность множества сюжетных линий, количество которых зависит от количества участников и, несмотря на наличие неких ключевых моментов в игре, охватить взглядом все действие целиком не представляется возможным; в-третьих, для актера игра является профессиональной деятельностью, работой, для ролевика игра – это добровольно-инициируемое хобби, более того, это основа всего сообщества, главная идея, вокруг которой формировалась субкультура.

Исследуя особенности ролевого сообщества, любопытным представляется подход Н. Н. Слюсаревского, который предлагает рассматривать субкультуры в следующей системе: картина мира (в узком смысле слова); ценности; стиль и образ жизни => социальные роли и статусы; социальные институты как система норм; процедурное знание: навыки, умения, способы осуществления, методы; потребности и склонности [8].

Проанализируем ролевое сообщество с заявленных позиций:

1. Картина мира. Несмотря на утверждение о том, что ролевая игра живого действия развивается стихийно и часто совершенно непредсказуемо, внутриигровые действия, благодаря вариативности и повторимости игры, можно представить в виде перечня сценариев. Когда новичок только попадает на ролевою игру, он начинает неизбежно осваивать эти сценарии, принимая на себя различные роли, многие из которых заставляют персонажа действовать не так, как ему хочется, а как велят обстоятельства или как будет выгоднее для человека в дальнейшем. Интересным в рамках этого пункта можно считать следующий пример:

«Москва – это город гномов: здесь любят золото, много денег, много бородачей и огромные подземные дворцы-метро. Питер – это эльфы: <...> с зашкаливающим самомнением, тонкой чувственной натурой и локальным патриотизмом. Остальная Россия населена орками» [14].

Такое в некоторой степени утрированное видение реальности, тем не менее, можно в более мягкой форме наблюдать у представителей

субкультуры ролевиков. По причине того, что ролевая игра – это своеобразная игра в жизнь (модель жизни), на ней, как правило, представлены все основные группы людей по классификации психологов (помощник, перфекционист, наблюдатель, романтик, борец, миротворец, последователь, авантюрист и индивидуалист) [13]. Уже в неигровом мире окружающие ролевика люди на подсознательном уровне и, безусловно, мысленно определяются в некую игровую категорию в соответствии с особенностями их поведения, общения и т. д. Такое мысленное распределение людей по группам облегчает ролевика взаимодействие – он быстро подбирает соответствующую линию поведения и общения с потенциальным собеседником.

2. Ценности. Основной и главной ценностью субкультуры ролевиков можно по праву считать игру, так как именно на игровой процесс нацелены стремления участников. Принимая во внимание тот факт, что большинство игр проводятся в теплый период (лето/ранняя осень), а субкультура существует как феномен на постоянной основе, безусловная значимость игровых событий для ролевого сообщества не вызывает сомнений. Среди других идеальных (нематериальных/духовных) ценностей можно обозначить честность в следовании правилам игры, продумывание и развитие роли своего персонажа (манеры, речь), что, в свою очередь, делает игру сложнее и интереснее. Ценности же материального характера, как правило, разнятся от команды к команде, однако могут быть выражены, например, в сложности исполнения и репрезентации костюма.

3. Стиль и образ жизни => социальные роли и статусы. В рамках ролевого сообщества довольно сложно говорить о стиле и образе жизни, так как внешняя составляющая, т. е. одежда, имеет решающее значение только на самой игре – за пределами полигона стиль одежды определяется предпочтениями человека, а не модой субкультуры. Говоря же об образе жизни, особенностях характера, можно выделить ряд черт, которые разделяют если не все, то преобладающее большинство ролевиков. Среди них можно отметить любовь к истории и, как следствие, ревностное к ней отношение, патриотизм, глубокое уважение к культуре и ценностям своего народа. Следование игровым правилам вырабатывает в человеке чувство справедливости, а сама механика игры воспитывает в нем терпение и умение слушать. Несмотря на довольно размытые границы в сфере стиля и образа жизни,

деление на социальные роли и статусы в субкультуре ролевиков прослеживается довольно четко.

Это связано, в первую очередь, со сложностями организации игрового события.

В связи с этим ролевое сообщество представляет из себя следующую систему:

- мастера – люди, которые организуют игру, разрабатывают правила, назначают место и время проведения игрового события;
- капитаны – люди, сформировавшие свои собственные команды разной направленности;
- игроки – участники игр, чаще всего находящиеся в подчинении у одного из капитанов;
- наблюдатели – отдельная группа людей, которые не вмешиваются в игровые события, являются зрителями с потенциальной возможностью участия в других играх.

Уже на внутрикомандном уровне можно наблюдать более сложное деление и даже свои наименования для членов команды. Так, группа со спецификой направленности, скажем, в русло Тевтонского ордена, будет называть своего капитана комтуром (от нем. *Comtur* – глава комтурства, т. е. наименьшей административной области в составе ордена), опытных игроков – братьями ордена, новичков – наемниками и т. д.

4. Социальные институты как системы норм. Помимо общественных норм морали, субкультура ролевиков выработала ряд правил, которые характерны именно для этого сообщества и направлены на адекватное его функционирование. Например, каждая команда использует для тренировок свои миниполигоны, которые неофициально за ней закреплены, т. е. другие команды могут оказаться там только для совместной тренировки, организованной капитанами.

Тренировочный полигон является важным элементом доигровой подготовки, так как здесь продумываются и отрабатываются различные тактики и стратегии, проводится обучение и воспитание новичков. В случае, если другая команда нарушает это негласное правило, т. е. начинает претендовать на чужой полигон, решение конфликта доверяют либо капитанам, либо, если это не помогло – мастерам. В ролевом сообществе также существует система наказаний. Например, в случае грубого поведения на играх мастера могут общим решением

запретить команде появляться на любых игровых событиях в течение установленного времени или на постоянной основе.

5. **Процедурное знание:** навыки, умения, способы осуществления, методы. Этот пункт имеет особое значение в рамках ролевого сообщества, так как сама субкультура является довольно требовательной структурой по отношению к своим участникам. Так, например, Н. Ю. Гаврилова отмечает: «Интеллектуальный уровень участников движения довольно высок и самоподдерживается: если человек не любит читать, то сюжетно-ролевая игра будет для него трудна, а общение с игроками не интересно» [1, с. 142]. Уже это накладывает свои ограничения на представителей субкультуры. Помимо прочего, ролевое сообщество предполагает, что человек обладает хотя бы минимальной физической подготовкой, так как значительную часть доигровых тренировок занимает искусство фехтования. Специфика команды вынудит потенциального игрока подробно изучить соответствующую историческую эпоху, а выбор в пользу игрового события заставит не просто прочитать литературу, относящуюся к игровому миру, но и запомнить правила, разработанные мастерами, и следовать им.

6. **Потребности и склонности.** Для описания этого пункта показательной можно считать следующую характеристику: «Анализируя движение, можно сказать, что, в большинстве своем, ролевики бегут не от действительности или собственных проблем (хотя это тоже встречается), а от рутины и обыденности. Для одних в игре заключена возможность снятия груза социальных норм и обязанностей (в игре я могу обмануть, быть грубым, не думая, махать мечом). Другие приходят сюда, чтобы реализоваться как специалисты в том, что не удалось в жизни (программист показывает свою культурологическую и историческую эрудицию, а научный работник – ремесленное мастерство и физическую силу). Третьи находят в игре возможность примерить различные маски, зачастую, более чем экзотические (кардинал или самурай, наложница в гареме или монашка, крестьянин или полководец)» [5].

Приведенные характеристики ярко свидетельствуют о роли игры в становлении и развитии рассматриваемой субкультуры, что позволяет нам предположить, что она нашла свое отражение и в речевой деятельности представителей рассматриваемой субкультуры. Когда

актер играет роль в кино или даже театре – он получает текст с необходимыми репликами – заранее продуманный и написанный человеком, разбирающимся (или относительно разбирающимся) в тематике. Ролевик не располагает текстами, никто заранее не разрабатывает ему роль и, соответственно, не пишет речь. Таким образом, игрок оказывается в ситуации, где единственными его помощниками становятся прочитанные им книги, просмотренные по тематике фильмы и интуиция. Принимая во внимание богатое разнообразие игр (от эпохи Римской Империи или Древней Руси до игр по фэнтезийным тематикам), можно сделать вывод, что ни один из участников не может владеть всеми необходимыми знаниями заранее. Соответственно, в своей устной речи он будет полагаться, вероятнее всего, на интуицию.

Рассмотрим простейшую игровую ситуацию: в импровизированную деревню приехал барон, пытаясь агитировать крестьян на военные действия. Его изначальной мотивацией было заставить простой народ идти на битву как «пушечное мясо» – своих людей, хорошо вооруженных, но немногочисленных, барон терять не хотел. В результате развернулся следующий диалог:

- Ох, сударь пожаловали! Здрaвы будьте, господин! Чего изволите-с?
- Ты тут староста?
- Знамо, я.
- Собирай народ – воевать пойдем!
- Папа Римский вас упаси! Нас?! Воевать?! У нас ведь одни вилы на всех – и те ржавые!
- Ты еще спорить смеешь! Собирай народ, говорю! На моей земле живете, мой хлеб едите – значит, будете делать то, что я вам скажу! Сказал – пойдем воевать за веру и короля – значит, пойдем!
- На кой ляд нам король тот сдался? Ему до нас дела нет, и нам без него хорошо.
- Ой, черти... а за казну пойдете?! Всем, кто пойдет со мной, я щедро заплачу!

– За козу? За козу – пойдём. Эй, мужики! Пошли за козу воевать! Нам сударь ещё и заплатит обещал!

Если рассматривать весь диалог с позиции языка социального статуса [4], можно утверждать, что фатическая функция диалога реализуется уже в первых трёх высказываниях. Подобострастие, традиционно характеризующее отношения типа «низший класс <=> высшее сословие», в приведенном примере отсутствует. В частности, это можно проследить на примере фразы «чего-изволите-с?», которая была скорее свойственна городским служащим, торговцам, трактирщикам и т. д. Иными словами, была характерна для отношения типа «средний класс <=> средний класс» или «средний класс <=> высшее сословие» [6; 9].

Поведение крестьянина в рассматриваемой нами ситуации наводит на мысль о том, что несмотря на принадлежность персонажей, участвующих в диалоге, разным ролевым классам, игрок-личность не может полностью отказаться от факта принадлежности современной культуре и, несмотря на четкое деление игровых статусов и принятие игроком такого деления, он подсознательно продолжает придерживаться современной догмы «все люди равны». Этот фактор и характеризует независимое поведение персонажа и его отказ подчиняться без видимых оснований. Этот вывод подтверждается и в последующем развитии диалога, когда крестьянин на последовавший приказ заявляет: «Папа Римский вас упаси! Нас?! Воевать?! У нас ведь одни вилы на всех – и те ржавые!». Такая формулировка является фактическим возражением, к тому же заряженным иронией, отказ подчиняться свидетельствует об относительном статусном равенстве говорящих.

Далее между персонажами разворачивается спор, который можно отнести к жанру торга, что тоже является необычной ситуацией для ассиметричных социальных ролей. В первую очередь, барон пытается апеллировать к ценности, которую можно выразить высказыванием «я ваш кормилец» с последующим ее усилением ценностями «вера» и «король». Ответ крестьянина – полное опровержение короля как ценности.

Очевидно, что у барона по условиям игры нет реального властного ресурса, поэтому он продолжает торг, меняя ценность на «казну». В заключительном высказывании крестьянина подмена «казны» на «козу» подчеркивает независимость ценностного мира

крестьянина, отказывающегося воевать за чуждые ему ценности, однако с радостью идущего в бой за что-то родное, понятное, являющееся неотъемлемой частью крестьянского бытия. Более того, если знать ситуативные обстоятельства этого диалога, можно заключить, что мы имеем дело с неискренним дискурсом [7]. Барон смело идет на такой торг с крестьянами, обещает им деньги, потому что хорошо знает, что крестьяне в бою погибнут первыми и платить никому не придется.

Таким образом, весь диалог целиком подчеркивает установленную в ролевой игре специфику статуса «барона», с одной стороны, и «крестьянина», с другой. Очевидно, что соотношение ролей значительно изменено по отношению к тому, что известно нам из традиций, и лишено действенной иерархичности. Тем не менее, связь с традиционными образами не отвергается, но поддерживается на чисто языковом уровне.

Несмотря на то, что само игровое действие, согласно задумке, происходит в фэнтезийном мире, за основу которого был взят период XII–XIII вв. в Европе, язык и формулировки напоминают некий симбиоз изречений, свойственных современной культуре, и архаизмов, характерных для периода Российской империи. Выбор в пользу русского языка в данной ситуации очевиден – для обеспечения максимального уровня взаимопонимания на играх всегда отдается предпочтение в пользу родного языка. Исключения составляют лишь религиозно-сакральные или мистические элементы (например, исцеляющее заклинание, молитва рыцарей перед битвой или боевой клич), которые могут произноситься на латыни. Вопросы вызывает уже непосредственно выбор языковых единиц, диалог привлекает внимание обилием архаизмов. Сами игроки такую ситуацию объясняют следующим образом:

«Мир, хоть и выдуманный, ориентирован на древность. Даже если это Европа, все мы понимаем, что иностранный язык за одну ночь никто не выучит. Вот и получается, что, используя родной язык, мы стараемся хоть как-то приблизить эпоху, создать атмосферу старины. Отсюда и архаизмы».

Так, обращение к «сударю» во множественном числе на сегодняшний день считается устаревшим и противоречит правилам рус-

ского языка, однако в 1847 г. у В. И. Даля в «Отечественных записках» читаем: «А что вам, сударь, угодно? Ха-ха-ха! А зачем вы, сударь, пожаловали?» [2, с. 249].

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, как уже отмечалось ранее, само слово «сударь» – это сокращение от «государь» [9, с. 540]. Во времена Российской империи это слово считалось вежливой формой обращения, равно как и «-с», которое подставлялось к глагольным формам (в данном случае как во фразе «чего изволите-с»), это дальнейшее сокращение слова «сударь» до одной буквы, т. е. вся фраза в развернутом виде должна была звучать «чего изволите, сударь».

Последующее «здравы будьте» является намного более древней формой приветствия. Такую формулировку можно встретить уже в «Слове о полку Игореве», т. е. она находилась в употреблении уже приблизительно в XII в. Игрок же объяснил свой выбор тем, что в русской сказке «Аленький цветочек» Степан Емельяныч произносит фразу: «Будьте здравы, хозяин с хозяйшкой!». Такая необычная для уха современного человека формулировка понравилась, легко запомнилась и стала использоваться в игровых ситуациях.

Обращает на себя внимание употребление крестьянином слова «знамо», которое помимо того, что является устаревшим, считается просторечием. Такая формулировка характерна для середины XIX в., что подтверждают данные Национального корпуса русского языка [6] – в 1859 г. И. А. Гончаров в романе «Обломов» пишет: «Озимь ино место червь сгубил, ино место ранние морозы сгубили; перепахали было на яровое, да не знамо, уродится ли что?». Необходимо отметить, что у И. А. Гончарова «знамо» выполняет роль предикатива, который принимает на себя значение «известно» (или, как в данном случае, «не известно»). В ролевом же диалоге «знамо, я» является вводной конструкцией, которую можно перефразировать как «конечно, я». Такое положение дел, вероятно, является следствием принадлежности ролевиков современной культуре: архаизмы для них не являются естественной формой общения, что приводит к смещению смысловых акцентов, наращиванию смыслов и т. д. Здесь можно говорить о том, что, несмотря на явное отхождение от изначального смысла, архаизм, в некоторой степени, получает новую жизнь.

Интересным представляется выражение «на кой ляд <...> сдался», которое является просторечным бранным словом. Само слово «ляд»

уже можно найти в словаре В. И. Даля, где он в качестве примера приводит следующую фразу: «Ну ее к ляду, собаку эту, она зря мечется на человека!» [3, с. 238], что свидетельствует о том, что аналогичное выражение было в употреблении в XIX в., в словаре М. Фасмера указывается, что эта лексема имеет более древние корни, берет свое начало в праславянском языке и имеет аналоги практически во всех славянских языках [9, с. 549]. Несмотря на то, что слово это не считается устаревшим и не отмечается соответствующей пометой в словарях русского языка, Е. В. Цветкова в своей статье пишет: «Поскольку многое исчезает из речи современных жителей деревни, не все опрошенные нами информанты смогли объяснить значение диалектной лексики, вошедшей в состав топонимов [ляда, лядина и др.]. Нечасто можно услышать сегодня и заинтересовавшее нас слово “ляд”» [10]. Можно утверждать, что предпочтение сегодня отдается схожему по смыслу выражению «на кой черт» или совсем современной версии «на фига».

Помимо архаичных форм, встречающихся в речи персонажей, не может не обратить на себя внимания ряд формулировок, которые появились только в XX-XXI вв. Таковой, например, можно считать саркастичное «Папа Римский вас упаси», которое является перефразированным «Господь вас упаси». Эта трансформация была проделана отчасти ради достижения комического эффекта, отчасти для того, чтобы «привязать» диалог к отыгрываемой эпохе, однако очевидно, что такая фраза могла появиться только в наше время. Анализ толковых словарей, равно как и данных Национального корпуса русского языка результатов не дал. Такая формулировка отсутствует даже на всех доступных сайтах и форумах сети Интернет, что позволяет утверждать, что эта фраза является авторской, следовательно, принадлежит нашей эпохе.

Если рассматривать всю ситуацию с точки зрения игры, то можно утверждать, что в разыгрываемом диалоге речь идёт о трех игровых уровнях. На первом уровне игроки создают себе некий образ и играют его, т. е. надевают соответствующий костюм и ведут себя согласно своей роли.

Второй уровень игры менее очевидный, но не менее важный – манера речевого поведения. Нельзя утверждать, что этим навыком владеют все игроки, однако речь является одним из важнейших атри-

бутов роли; отказ следовать определенной речевой манере может восприниматься как дилетантство или неуважение. Речь крестьянина и речь барона в рассматриваемом нами примере представителями субкультуры оценивается как «подходящая», «соответствующая ситуации», и «отвечающая роли», что наводит на мысль о существовании негласных правил общения участников игр. Этот вывод подтверждают и сами игроки:

«Мы все смотрим фильмы и читаем книги, представление о том, как общаются благородные или крестьяне так или иначе усваивается. Если на игре благородный будет изъясняться как крестьянин – это будет неправильно, по меньшей мере, странно. Если же никакую форму общения игрок не выбирает, т. е. просто общается так, словно он не на игре, а у себя дома – это будет считаться плохим тоном».

Третий уровень игры – это игра словом, которая строится на глубоко понимании ролевой структуры и ценностей того или иного социального класса, а также на игре этими ценностями и игровыми реалиями. Игра слов сама по себе уже является весьма сложным художественным элементом, в рамках ролевой игры, помимо прочего, ее необходимо «привязывать» к игровому событию и обстоятельствам этого события. Как результат, такое владение словом является отличительной чертой скорее опытных игроков.

Из всего перечисленного можно сделать вывод: в субкультуре ролевиков существует две реальности, где одна из них (окружающая действительность) нацелена на другую, которая является ядром (игра). Все доигровые действия (тренировки, пошив костюмов, выбор роли на грядущую игру и т. д.) устремлены к главному событию – игре. Будучи основой субкультуры, она определяет виды ролевой деятельности, в том числе и речевой.

Речь ролевиков, исходя из представленного анализа, можно охарактеризовать как симбиоз архаизмов и слов, присущих современной культуре, что создает одновременно ощущение отчужденности и причастности к разворачивающемуся действу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаврилова, Н. Ю.* Актуальные проблемы социологии молодежи / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : УрФУ, 2010. – 679 с.
2. *Даль, В. И.* Избранные произведения. – М. : Директ-Медиа, 2010. – 386 с.

3. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – Т. 2: И – О. – 672 с.
4. *Карасик, В. И.* Язык социального статуса. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический ин-т, 1991. – 495 с.
5. *Куприянов, Б., Подобин, А.* Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России (очерк четвертый) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/5/31/2>.
6. *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/>.
7. *Плотникова, С. Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональных аспектах). – Иркутск : ИГЛУ, 2000. – 244 с.
8. *Слюсаревский Н. Н.* Субкультура как объект исследования [Электронный ресурс] / Культурология: Типология субкультур. – Режим доступа : <http://www.countries.ru/library/typology/subkultura.htm>.
9. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
10. *Цветкова, Е. В.* Диалектная лексика в костромской топонимии (ляд, ляда, лядина и др.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/dialektnaya-leksika-v-kostromskoy-toponimii-lyad-lyada-lyadina-i-t-d>.
11. *Что такое* ролевая игра [Электронный ресурс] // Ответы @mail.ru. – Режим доступа : <https://otvet.mail.ru/question/17997840>.
12. *Шиллер, И.-Х.-Ф.* Письма об эстетическом воспитании человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shiller=letters.htm>.
13. *Kathleen, V. H., Dobson T. E.* What is my type? – HarperOne, 1992. – 208 p.
14. *WOOWX* [Электронный ресурс] // Смешные статусы. – Режим доступа : http://woowx.com/status/funny_status/.

УДК 81.2

Н. В. Кузнецова

старший преподаватель кафедры информационных технологий МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: Kn185@yandex.ru

**РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ТЕКСТОВ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ США**

В статье рассматривается один из возможных подходов к изучению социальной рекламы – выявление способов выражения речевой агрессии в рекламных текстах. Установлено, что речевая агрессия в рекламе может рассматриваться как способ манипулирования сознанием адресата посредством использования различных языковых средств как на лексическом, так и на грамматическом уровнях. Отличительной чертой проявления речевой агрессии в текстах социальной рекламы является использование инвективной лексики. Кроме того, агрессивные намерения адресанта в социальной рекламе чаще выражены эксплицитно.

Ключевые слова: социальная реклама; речевая агрессия; языковая агрессия; инвективы.

Kuznetsova N. V.

Senior Lecturer, MSLU EALI; e-mail: Kn185@yandex.ru

**VERBAL AGGRESSION AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF U. S.
PUBLIC SERVICE ADVERTISING**

The article reveals the ways of expressing verbal aggression in public service advertising. It is stated that verbal aggression in advertising can be viewed as a way of manipulating the addressee by using different lexical and grammatical means. Addresser's aggressive intentions in public service advertising are often expressed explicitly.

Key words: public service advertising; verbal aggression; invective words.

В социальной рекламе, как и в других видах коммуникативного общения, существуют определенные речевые правила. Соблюдение этих правил приводит к достижению результата, к которому стремятся авторы рекламы при выборе языковых средств. Данная статья посвящена анализу проявления речевой агрессии в текстах социальной рекламы США. Для выявления особенностей использования речевой агрессии мы сравнили тексты видеороликов социальной и политической рекламы, произведенных в США для американской аудитории:

Затранскрибированные нами и проанализированные в данной статье рекламные ролики размещены на каналах The Advertising Council видеохостинга YouTube [12] и Reckless tortuga [11].

В лингвистике наряду с термином «речевая агрессия» используются термины «вербальная агрессия», «коммуникативная агрессия», «языковая агрессия», «конфликтная интеракция», «патогенная коммуникация», «коммуникативный конфликт» и др. При этом в основном противопоставляется языковая (вербальная) и речевая (коммуникативная) агрессия. Так, в работе «Имплицитная агрессия в языке» В. Ю. Апресян рассматривает языковую агрессию как «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные *при помощи языковых средств*» (курсив наш. – Н. К.) [1, с. 32].

Речевую агрессию В. В. Глебов определяет как «установку адресанта на антидиалог, характеризующийся двойной позицией: с одной стороны, это сознательная ориентация адресанта на субъектно-объектный тип отношений (прагматический вектор), который может быть выражен как через содержание высказывания, так и через деструктивные формы речевого поведения; с другой стороны, в агрессивном общении, независимо от типа коммуникации, обязательно присутствует выражение негативного отношения либо к адресату, либо к предмету речи (аффективный вектор)» [2]. В речевой агрессии, как видим, помимо языковых, присутствуют и другие средства. Таким образом, можно утверждать, что понятие «языковая агрессия» входит в понятие «речевая агрессия». Отсутствие единого определения термина «речевая агрессия», как отмечает Ю. В. Щербинина, заключается в том, что данный термин применяется к разнообразным речевым действиям независимо от мотивации, ситуации проявления и форм словесного воплощения. Речевая агрессия не является единой формой поведения, вызванного каким-то одним побуждением [Цит. по: 10]. Под «речевой агрессией» мы будем понимать способ коммуникативного взаимодействия, целью которого является установление доминирования роли говорящего, выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому/чему-либо посредством использования языковых средств и нарушения коммуникативных норм.

В рекламном дискурсе коммуникативная асимметрия как результат агрессивного речевого поведения является способом языкового

манипулирования и используется для воздействия на массового адресата.

Рассмотрим способы выражения речевой агрессии в текстах социальной и политической рекламы на лексическом уровне. Стоит заметить, что агрессивные намерения адресанта в рекламе могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно. Например, имплицитным проявлением речевой агрессии (коммуникативной асимметрии) может считаться указание профессии или должности адресанта.

Чаще профессиональный статус в социальной рекламе озвучивается в текстах, посвященных борьбе с различными заболеваниями. В данном случае персонажами рекламы становятся медицинские работники. Указание профессии персонажа рекламы является не только презентацией профессиональной компетентности, но и средством реализации установки адресанта на речевое доминирование, «переводя обсуждение проблемы на уровень “профессионал – дилетант”, где приоритетное право на речь, конечно же, у профессионала» [2]:

(1) *When you smoke every puff damages cells throughout your body. The latest research shows cigarette smoke contains over 7000 chemicals that spread through your blood vessels, causing inflammation and clotting, restricting oxygen flow and doubling your risk of heart attack and death. I'm Dr. Regina Benjamin, U.S. Surgeon General. With each cigarette, you have to ask yourself, "Is this the one that will cause a heart attack?"*

В примере 1 указание на профессиональный статус персонажа позиционирует его как человека, имеющего профессиональные знания о вреде табакокурения, тем самым подчеркивается неравенство адресанта и адресата в социальном и интеллектуальном плане. Данный прием используется для установления авторитета персонажа рекламы и, следовательно, повышения весомости приводимых аргументов.

Кроме того, для актуализации коммуникативной асимметрии может использоваться персонаж, в профессиональную компетентность которого не входит решение общественных проблем, представленных в рекламных роликах, но имеющий определенный социальный статус. Данный прием встречаем в текстах социальной рекламы с участием деятелей искусства:

(2) *I'm Toni Braxton. It's time to listen. Autism is the fastest-growing serious developmental disorder in the United States. Today, 1 in 68 children*

is diagnosed, a 33% increase in just the last two years. Despite this high prevalence, research shows that many parents have very little knowledge about autism and are not seeking help soon enough. Learn more at autismspeaks.org/signs.

Как и в предыдущем примере, дискурсивный дисбаланс достигается в рекламе посредством установления авторитета адресанта и призван обеспечить речевое воздействие на массового адресата.

Для того, чтобы определить, есть ли особенности проявления речевой агрессии в социальной рекламе, мы сравнили выражение агрессивного поведения адресанта в текстах социальной и политической рекламы. В политической рекламе речевая агрессия направлена также на установление дискурсивного дисбаланса. Однако важность высказывания в политической рекламе, как показано в примере 3, может акцентироваться путем дополнительных указаний на сферу интересов персонажа рекламы:

(3) *I'm Ruth Ulrich. I'm not a bureaucrat. I'm a mother. I'm a business woman and a conservative. We have an opportunity to bring new ideas, new leadership.*

В данном примере для актуализации представления о профессиональной компетентности используется апелляция не только к профессиональным, но и к личностным качествам (*I'm not a bureaucrat. I'm a mother. I'm a conservative*). Презентация данных качеств направлена на подтверждение способности кандидата быть политическим лидером. Таким образом, имплицитно выражается повышение статуса персонажа рекламы и, следовательно, его доминирование.

Кроме того, имплицитное проявление речевой агрессии в политической рекламе может быть направлено на понижение статуса оппонента путем констатации его некомпетентности:

(4) *View may conflict with many Oklahomans. Andrew Rice: against traditional marriage; for higher taxes. Andrew, you are too liberal to Oklahoma.*

В примере 4 речевая агрессия выражена посредством эпитета *too liberal*, который в данном случае приобретает отрицательную коннотацию и выражает эмоциональную оценку. Кроме того, в рекламе представлена аргументация несоответствия проводимой политики в данном штате (*against traditional marriage; for higher taxes*):

(5) *Two candidates. Two very different records on taxes. Mark Udall likes higher taxes for families, seniors, and small business. And this year Mark voted \$683 billion tax hike. Bob Schaffer wants to stop tax increases and control spending, because higher taxes are not the solution.*

В примере 5 видим одновременное повышение социального статуса рекламируемого кандидата и понижение статуса его оппонента. Речевая агрессия реализуется посредством противопоставления качеств героев рекламы. В отличие от своего оппонента, который выступает за увеличение налогов (*likes higher taxes for families, seniors, and small business; voted \$683 billion tax hike*), второй кандидат хочет остановить рост налогов и контролировать расходы (*wants to stop tax increases and control spending*).

Имплицитное проявление речевой агрессии в политической рекламе направлено на создание позитивного образа кандидата за счет дискредитации его оппонента. Подрыв доверия к оппоненту, умаление его профессиональных достоинств, понижение авторитета в целом реализуется посредством акцентирования негативных результатов его деятельности.

Как отмечает В. М. Глушак, различие типов речевого взаимодействия основывается на интенциях коммуникантов: «адресант, являющийся инициатором речевого взаимодействия, может использовать стратегии сближения, дистанцирования или сохранения имеющегося характера отношений» [3, с. 171]. В социальной рекламе речевая агрессия направлена на адресата, поэтому авторы рекламы могут «сглаживать» доминирование роли говорящего и, следовательно, снижать формирование негативного отношения к рекламному сообщению при помощи стратегии сближения:

(6) *Hi! I'm an actor (Elizabeth Banks). You should listen to me. Some public service announcements by celebrities are kind of joke. Malaria is not. Malaria kills more than 2000 kids a day. Still interested? Nice. You are a good person. Text "NET" to 85944 to make a \$10 donation. Let's make Malaria no more.*

В данном рекламном тексте о борьбе с распространением малярии речевая агрессия представлена имплицитно – мы наблюдаем проявление коммуникативной вертикали между адресантом и адресатом за счет указания профессии персонажа рекламы (*actor*).

Кроме того, усиление доминирования адресанта достигается за счет использования рекомендации «*You should listen to me*». Однако для последующего устранения неравенства между адресантом и адресатом используется стратегия сближения, которая выражается в использовании комплимента адресату (*You are a good person*), тем самым достигается смена модуса агрессивного на модус вежливого речевого поведения.

Анализ текстов социальной рекламы показал, что в большинстве случаев речевая агрессия выражена эксплицитно через «лексемы агрессии» – слова и словосочетания, служащие для выражения агрессивности в письменной или устной речи. «Лексемы» используются для реализации потенциала агрессивности в символической форме, поскольку являются вербальными или текстуальными символами [Цит. по: 4].

(7) – *Hey, can I get noodles with shrimp no spicy (говорит с китайским акцентом). Yes, I hold.*

– *Listen, don't try to order Chinese food on Chinese accent. It doesn't help to understand you. It's hard to open a small business in this country as a minority. And now listen to **your speaking some bullshit language**. Unless you speak fluently mandarin, shut up!*

В примере 7 выражено обвинение адресата в нетолерантном поведении. При этом агрессивное отношение адресанта к попытке людей говорить с китайским акцентом представлено посредством использования ненормативной лексики (*your speaking some bullshit language*).

В следующем случае (пример 8) также применяется ненормативная лексика (*douchebag*) для выражения пренебрежительного отношения к людям, которые используют атрибуты других культур (в частности, китайские иероглифы), не понимая их значение.

(8) *What does it mean? (показывает на футболку с изображением иероглифа) You don't know. Maybe it's the symbol of prosperity. Right? Wrong! Did you know that most Asian characters are spelled wrong? What if you wore a T-shirt with misspelled words, for example "destiny" with ie in the end? So please, we are asking you, "do not be a **douchebag**"!*

В исследованиях некоторых лингвистов понятие языковой агрессии приравнивается к понятию инвективы. Так, В. И. Жельвис считает, что цель инвективной речи в межличностной коммуникации

заключается в желании оскорбить, унижить речевого партнера, понизить социальный статус объекта речевого воздействия, уровень его самооценки [Цит. по: 4].

О. В. Саржина дает следующее определение инвективы: «Инвектива является намеренным, активным, прямым (так называемым «в глаза») или непрямым (“за глаза”) вербальным оскорблением или вербальным причинением вреда другому человеку, не желающему подобного поведения» [9, с. 138].

В своем исследовании применительно к вербальной агрессии О. В. Саржина характеризует инвективный дискурс несколькими тезисами:

– в отличие от других видов агрессии инвектива затрагивает только человека;

– под инвективой понимаются лишь те вербальные действия, которые направлены против реципиента, не желающего подобного обращения;

– инвектива, как языковая агрессия, представляет собой намеренное вербальное оскорбление.

В примере 9 мы наблюдаем оскорбление посредством инвективы:

(9) *Hi! Every 45 seconds a Black man is in an elevator. And some **stupid White bitch clutches** her purse for her dear life. You might not think we know but we do. And while you're thinking of protecting yourself actually **you're provoking a savage attack**. It makes us **wanna snatch that purse** out of your hands and **beat your racist face** on the ground. However we're not gonna do that.*

Здесь, во-первых, автор использует сниженную лексику (*stupid White bitch; racist face*) для определения сторонников расизма. Во-вторых, вместо нейтрального слова намеренно употреблен стилистически окрашенный синоним *clutch*. Кроме того, текст может рассматриваться как угроза, так как говорящий выражает желание причинить вред (*wanna snatch that purse out of your hands and beat your racist face on the ground*).

Как отмечает О. В. Саржина, коннотация, содержащаяся в инвективной лексике при наименовании личности, может как бы «наслаиваться» на высказывание, придавая ему эмотивно-экспрессивную окраску, при этом само высказывание становится двуплановым: оно и сообщает о чем-то, и выражает эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому объекту [9, с. 140].

(10) *Nathan Fillion here to talk about serious conditions that affect millions of gamers every year. **Swamp ass. Blunt** gaming sessions can create a humid bio style climate in the back of your pants, leading to irritation, foul body odor. Powder only masks the problem. So do something about it. Put the controller down, stand up, take a walk outside or use your mother's hairdryer between raids. I do.*

В примере 10 дается негативная оценка пристрастию людей к компьютерным играм. При этом автор показывает свое отношение не только эксплицитно, употребляя прилагательное *blunt* для определения игровых сеансов. Пренебрежение к людям, страдающим от данной зависимости, выражено также имплицитно через комическое описание проблемы (*swamp ass*), возникающей при длительной игре за компьютером. Кроме того, наряду с адекватными советами, которые помогут «геймерам» (*stand up, take a walk outside*), герой предлагает нестандартное решение (*use your mother's hairdryer between raids*).

Имплицитная инвектива предполагает возможность передачи негативно-оценочной информации о лице без использования особых лексических единиц, воспринимаемых в сознании носителей языка как инвективные [5]. Важно отметить, что выбор языковых единиц для создания инвективной коммуникации, как способа воздействия на адресата, характеризуется осознанностью и продуманностью. Эта особенность сближает понятие имплицитной инвективы с понятием коммуникативной стратегии, подразумевающей «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [6, с. 54]. В данном случае уместно говорить о дискурсивной технологии как «осознанном, обдуманном и спланированном управлении партнерами по коммуникации при помощи дискурса» [8, с. 140]. Применение той или иной дискурсивной технологии, как отмечает С. Н. Плотникова, позволяет технологю управлять адресатом в заданных параметрах. При этом технологии разрабатываются в пользу одних людей и против других [7, с. 139].

В текстах политической рекламы мы не встретили использования инвективной лексики для выражения речевой агрессии. На наш взгляд, это связано с тем, что политическая реклама, с одной стороны, является формой политического дискурса, задающего рамки социальных отношений и определяющего ограничения для реализации

речевой агрессии, и выступает как средство презентации и позиционирования личности в политическом пространстве. С другой стороны, политическая реклама направлена на поддержание конкретных политиков и партий, а также на понижение социального и профессионального статуса оппонента, поэтому авторы политической рекламы не свободны в выборе способов выражения речевой агрессии в связи с возможностью судебных преследований за оскорбление и клевету.

Рассмотрим выражение речевой агрессии на грамматическом уровне.

Как отмечает В. Ю. Апресян, «количество грамматических средств для выражения агрессии весьма ограничено. Это связано с тем, что грамматикализация – процесс, как правило, более долгий, чем лексикализация» [1, с. 33].

В примерах 11 и 12 мы отмечаем, что вопросительные предложения в текстах социальной рекламы являются проявлением речевой агрессии и используются для выражения упрека или обвинения адресата в том, что он не замечает очевидного или же не делает того, что требуют от него.

(11) *Because I am afraid. Because I've donated once. Because there is enough. Because it is raining. Because I'm too busy. Because it is unsafe. Because I don't care. **What is your excuse? Stop giving excuse. Start giving life.***

В данном рекламном тексте вопрос не только привлекает внимание адресата к социальной проблеме, главная его цель – упрекнуть адресата в пассивности и нежелании быть донором крови.

(12) *This year alone throughout the United States some of little girls were told at school that their natural hair was unacceptable. Subliminally this sends a message to Black & Non-White little girls everywhere by society and media. Here a few questions they have for you... **Do you dislike my natural hair? Do you think it's ugly?** They are being told that their natural hair texture just isn't good enough. These little girls need to know that the hair they are born with is the hair they can grow with. The truth is their hair is presentable. It is beautiful. Accept them for who they are.*

В примере 12 вопросы *Do you dislike my natural hair? Do you think it's ugly?* служат способом выражения речевой агрессии, целью которой является апелляция к чувству вины у адресата. При этом образ

маленьких девочек в рекламе только усиливает эффект обвинительной тональности.

В политической рекламе также используются вопросительные предложения как способ речевой агрессии (пример 13):

(13) *All our economy is in crisis. A big government castle is a big shadow on us all. Obama as a liberal congressional realizes a massive government. And we will pay painful income taxes, skyrocketing taxes. Can your family afford that? McCain.*

Однако, в отличие от социальной рекламы, в политической рекламе вопросительные предложения не выражают обвинения адресата. Основная их цель – акцентирование недостатков оппонента и, следовательно, доказательство его политической несостоятельности.

Таким образом, речевая агрессия выступает прагматической характеристикой текстов социальной рекламы. С одной стороны, авторы рекламы выражают негативное отношение к актуальным общественным проблемам или к определенным социальным группам. С другой стороны, речевая агрессия в рекламе может рассматриваться как способ манипуляции сознанием адресата посредством использования различных языковых средств как на лексическом, так и на грамматическом уровнях, в то время как в текстах политической рекламы речевая агрессия направлена на понижение статуса оппонента и является способом опровержения его позиции. Отличительной чертой проявления речевой агрессии в текстах социальной рекламы является использование инвективной лексики. При этом негативная оценка может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Таким образом, основная цель использования речевой агрессии в социальной рекламе – привлечение внимания аудитории к общественной проблеме и создание особого эмоционального фона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф. «Диалог 2003». – М. : Наука, 2003. – С. 32-35.
2. Глебов, В. В. Особенности речевой агрессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html>.
3. Глушак, В. М. Коммуникативные стратегии сближения при переводе общения из модуса вежливости и агрессивности в модус фамильярности //

- Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – Вып. 6 (717). Языкознание и литературоведение. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – С. 170-178.
4. *Жельвис, В. И.* Инвективная агрессия в ряду эмотивных средств // Социальная психолингвистика. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 278-322.
 5. *Заложная, И. В.* О возможности рассмотрения имплицитной инвективы в современных газетных текстах с позиции стратегического речевого планирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ncfu.ru/uploads/doc/zalozhnaya.pdf>.
 6. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М. : Изд-во ЛКИ, 2006. – 288 с.
 7. *Плотникова, С. Н.* Дискурсивное оружие: роль технологий политического дискурса в борьбе за власть // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 2. – С. 138-144.
 8. *Плотникова, С. Н.* Технологизация дискурса: процесс и результат // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 4. – С. 138-147.
 9. *Саржина, О. В.* Русские инвективные имена лица: комплексный анализ : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2005. – 209 с.
 10. *Щербинина, Ю. В.* Вербальная агрессия. – М. : КомКнига, 2006. – 360 с.
 11. *Reckless tortuga* [Electronic resource]. – URL : <http://www.youtube.com/user/RecklessTortuga>.
 12. *The Advertising Council* [Electronic resource]. – URL : <http://www.youtube.com/user/adCouncil>.

УДК 82

В. А. Леонов

аспирант кафедры перевода и межкультурной коммуникации МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: leonov.vasilij@mail.ru

ИГРОВАЯ СУЩНОСТЬ ИРОНИЧНОГО ДЕТЕКТИВА: ДИСКУРСИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена рассмотрению игровой сущности ироничного детектива, обуславливающей его основные конститутивные признаки. В связи с этим устанавливаются ключевые моменты взаимосвязи понятий «жанр детектив» и «ироничный детектив» в контексте дискурсивно-семиотического подхода. Стратегия использования иронии рассматривается в качестве главного компонента при моделировании ироничного детектива как постмодернистского типа текста.

Ключевые слова: игра; детективный дискурс; постмодернизм; ироничный детектив; жанр.

Leonov V. A.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; e-mail: leonov.vasilij@mail.ru

THE LUDIC NATURE OF IRONIC DETECTIVE STORY: DISCOURSE AND SEMIOTIC PERSPECTIVES

The article is devoted to the consideration of the game essence of an ironic detective story which determines some of its constitutive features. The key points of the relationship established by the concepts of «the detective genre» – «ironic detective story» in the context of discursive and semiotic approach. The strategy of using game methods is seen as a major component of modelling of a postmodernist ironic detective story as a type of text.

Key words: game; detective discourse; postmodernism; ironic detective story; genre.

Уникальность процессов, происходящих в литературе на рубеже XX-XXI вв., определяется особенностями пограничного состояния культуры. Известно, что все переходные периоды развития, как правило, отходят от принципов поступательного, эволюционного развития и характеризуются наличием и главенствующей ролью «хаосогенных начал», размытостью (диффузностью) сложившихся принципов и стиранием границ жанровой организации того или иного объекта художественного мира. Происходит экспериментиро-

вание над тем, что уже есть, его переосмысление и поиск новых форм. В этом случае логика мимезиса предсказывает появление того, что будет в культуре и искусстве представлять прототип в его более или менее приемлемой форме.

Понятие жанра органично включает в себя динамику и статику. Всякий жанр имеет определенный запас прочности, обладая при этом гибкостью и возможностью развиваться с учетом «времени культуры» [9, с. 13]. Выход за рамки жанровой структуры возможен путем смещения акцента жанровой специфики, либо путем трансгрессии, что является наиболее радикальным способом. При этом происходят размытие границ жанра и его адаптация к условиям и феноменам литературного процесса в целом. Однако все это, как ни парадоксально, способствует «выживанию» жанра, сохранению его устойчивости и не допускает архаизации – застывания в неизменном виде.

Детектив сегодня остается в ряду самых распространенных жанров литературы – статистические данные показывают, что детективные произведения популярны среди читателей всех возрастов.

Теоретические изучения жанра в каждом конкретном случае используют различные подходы, определенную методологию исследования, например, когнитивистский подход, феноменологически ориентированная нарратология, школа читательской реакции, опросные методы и др.

Первооснова жанровой матрицы детектива, как генетически обусловленного комплекса наиболее характерных признаков, заложена у Э. А. По в его произведении «Убийство на улице Морг». Это произведение, изданное в 1841 г., положило конец эпизодическому и случайному употреблению детективного расследования. Спустя четыре года, когда Э. А. По написал три своих детективных рассказа, все элементы жанра были четко обозначены. И все последующие работы были только усложнением, дополнением, улучшением – но ничто уже не выходило за рамки первоначального творения [Цит. по: 12].

Как отмечают исследователи, в период постмодернизма в искусстве складывается ситуация, когда авторы пытаются переосмыслить опыт художественного отражения мира путем его ироничного цитирования – «рефлексия по поводу модернистской концепции мира как хаоса вылилась в опыт игрового освоения этого хаоса, превращения его в среду обитания человека культуры. В темпоральном плане

особую ценность приобрело прошлое, точнее, “прошлонастоящее”: прошлое как бы просвечивало в постмодернистских произведениях сквозь наслоившиеся стереотипы о нем, инкрустировалось в современные реалии» [4, с. 326]. Умение распознать постмодернистскую поэтику через призму жанра помогает сформировать особый взгляд как на отдельные тексты, так и на традиционные жанровые особенности в целом.

Осознание и принятие мысли о том, что опыт прошлого невозможно вычеркнуть из системы современного искусства подтолкнуло к тому, что он стал переоцениваться и переосмысливаться в ироничном ключе – «иронизм стал одним из системообразующих принципов постмодернистского мироощущения. Постмодернистские артефакты выступили генераторами интерпретаций, стимулами интертекстуального прочтения сформировавшей их культуры прошлого. Уникальность постмодернистского художественно-эстетического сознания связана с неклассической трактовкой классических традиций» [4, с. 328]. Таким образом, в детективном дискурсе появляется особый тип текста «ироничный детектив». Это было обусловлено кризисом самоидентичности, поиском новых форм взаимодействия человека и социальных институтов, новых смысловых ориентиров. Он явился своего рода ретранслятором поведенческих моделей, ментальных установок и ценностных ориентиров, обуславливал их переход из внешнего, объективного мира, в мир художественный, субъективный.

Неоднозначные и порой трудные для осмысления постмодернистские произведения традиционно называют игровыми, так как они воспринимаются через игру, предложенную их создателями: роман-игра, писатель-игра, интержанровая игра (трансгрессия жанров), сюжетная игра, игра ремарки, образов, слов, наконец, игра смыслов. Таким образом, главным методом создания такого текста является игровой метод: герои играют в свои и чужие игры, автор играет своим и чужим словом. Игра как жанрообразующий механизм оказывает существенное влияние на развитие детективного жанра, раскрывая его пластические возможности и расширяя рамки ожидания.

Мы не можем представить себе детектив, в котором ожидаемое преступление не совершается, где все попытки сыщика окажутся безрезультатными. Итак, что же есть детектив – игра, развлечение? Несомненно. Игровое начало – неотъемлемый признак жанра, но

разве это вступает в противоречие с общими законами построения и существования художественной литературы в целом и – шире – вообще искусства? Что останется от произведения искусства, если из него удалить то самое игровое начало? Тем не менее, детектив – это не просто игра со своими весьма четкими правилами и игроками, но и сугубо специфичная форма литературного освоения и отражения окружающей действительности. В зависимости от намерений автора детектив может быть гуманным и жестоким, социально-критичным и консервативно-охранительным, может говорить правду об обществе или же, претендуя на проблемность, умело мистифицировать верно намеченные конфликты.

Жанровые эксперименты в области детективного творчества связаны с активными поисками языка и форм новой эстетики. Особую значимость в постмодернистском дискурсе приобретает его знаковая сущность – лингвокультурные коды, наполненные особыми трансцендентальными смыслами, имеющими основополагающее значение и требующие специальной расшифровки.

Детективному жанру, в целом, соответствует определенная схема, «независимо от национально-культурных особенностей и в плане структуры, и в плане семантики» [10, с. 148].

Детективное произведение всегда основывается на некоторой загадке, тайне (mystery). Читатель проходит путь от тайны, которая сбивает с толку и пугает, до ее разгадки.

По мнению Н. Ю. Филистовой, в основе детектива лежат «ведущие концепты: «преступление», «тайна», «расследование», «наказание», которые образуют особую концептосферу детектива» [10, с. 147].

Такова обычная формула детективного произведения. В таком тексте все работает на разгадывание этой тайны – быт, характеры, окружающая обстановка.

Литературную традицию ироничного детектива характеризуют множественные жанровые взаимодействия и насыщенная интертекстуальная природа, которые лежат в основе эвристической в своей сущности интержанровой игры. Скрытые реминисценции, цитаты и краткие отсылки к поэтическим и прозаическим литературным произведениям, семиотичность жанра детектива и жанра игры формируют особый горизонт ожидания, в котором закодирована соответ-

ствующая реакция интерпретатора-адресата на заданную жанровую принадлежность.

Проблематика жанровых взаимодействий связана с эстетической игрой с текстом, читателем, автором и миром. Все они взаимодействуют в поле интертекстуальной и интержанровой игры: читатель и автор играют с текстом, текст играет с читателем и автором с оглядкой на реальность.

Ирония, выражающаяся в «критике языка» – одна из господствующих в таком произведении стихий. Она отражает уникальное видение и восприятие окружающего мира. Обретая языковое воплощение, явления ироничной реальности достигают интересубъективного статуса и выражаются в разных формах и видах социокультурной объективации (языковой, знаковой, предметной и др.) Вместе с тем, ироничная реальность в ее опредмеченном значении (в виде содержания книги, вещи и т.д.) оказывается мертвой, если нет интерпретатора, который сможет прочесть и декодировать текст (заложенные в нем смыслы и послылы автора) [Цит. по: 8, с. 12-13].

В своей работе М. М. Бахтин отмечал, что «создавая художественное произведение, автор имеет дело не с простой действительностью, а с действительностью, оцененной и оформленной, что создает предпосылки для “размыкания” произведения и его вхождения в историю и культуру» [2, с. 78]. Существенным в ироничном детективе является его ориентированность на повседневность и массового читателя.

Ощущение и ситуация игры, давая, как убеждает нас непосредственный опыт, максимально возможную свободу ее участникам, реализуются в рамках контекста, который сводится к появлению тех или иных жестко очерченных правил – правил игры.

Нет контекста – нет правил. Смысл и значение игры целиком определяются отношением непосредственного, феноменального текста игры к так или иначе опосредованному универсальному, т. е. включающему в себя весь мир, контексту человеческого существования. «В качестве одного из существенных условий и признаков игры мы с самого начала установили наличие игрового пространства, некий намеренно ограниченный круг, внутри которого и происходит действие в соответствии с провозглашенными правилами. Возникает склонность поэтому чуть ли не внутри каждой ограды уже заранее видеть игровое пространство» [11, с. 280-281]. В таком контексте

игра переходит границу своей развлекательной функции и становится средством достижения субъектом коммуникации определенных целей. Постановка таких целей и задач требует от говорящего особого «экспериментирования» с языком – выведение его за пределы стандарта, нормы, сознательное нарушение существующих прагматических канонов – это может быть достигнуто использованием арсенала иронии.

С одной стороны, игровое общение, прецедентные феномены, пространственные и временные элементы ландшафта скрепляют жанр ироничного детектива и жанр игры, позволяя им свободно варьироваться и одновременно не терять прочной связи.

С другой стороны, к сути ироничного детектива применима главная метафора для нынешней стадии современной эпохи – «текучесть». Свойство жидкостей – подвижность – связано с идеей «игра» и далее с понятиями «легкость», «непостоянство» и т. д. «Текучесть» является подходящей метафорой для постижения характера ироничного детектива, органично вписанного в новый этап в дискурсе современности. Само понятие «текучесть» предполагает изменение формы под действием определенных внешних факторов без изменения свойств субстанции. Таким образом, это свойство позволяет «обновляться на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении» [3, с. 124].

Союз жанра детектива и жанра игры (внелитературного, универсального жанра) как жанрового гибрида существует, как мы полагаем, в виде коммуникативного центра, стягивающего другие жанры в единый смысловой узел как конструктивное целое.

Постмодернистская сущность ироничного детектива нацелена на игру с понятиями «единство мира» и «множественность бытия»: глубинное сопряжение этих понятий вовлечено в игру противопоставления в виде альтернативы «или-или». Принято считать, что идея философии постмодерна – это не «множественность в единстве», а «множественность без единства».

Калейдоскопичность доминирующего жанра игры способствует актуализации одних смыслов и затушевыванию других на фоне одномоментного сопряжения множества смысловых инстанций. Взаимодействие различных коммуникативных единиц, форм построения текста, постоянные обновления не препятствуют созданию большого

интертекстуального мира в его единстве. Всегда считалось, что оценить по достоинству истинное творение и произведение искусства можно лишь возвращаясь к нему снова и снова, выявляя и обнаруживая новые и новые глубинные пласты и смыслы, ускользнувшие от внимания при первом обращении.

И тут перед нами возникает вопрос – не игра ли это, игра, в которую можно сыграть лишь один раз? Детективное произведение немислимо без преступления, которое чем оно серьезнее, тем больше к нему читательский интерес. И если это убийство (теоретики жанра считают, что это самый лучший вид преступления для детектива), то должна быть жертва. Необходим преступник, который должен быть пойман. Ну и, конечно же, должен быть главный герой – сыщик. Успех сыщика как профессионала складывается из количества раскрытых им преступлений, но это еще не все. Другой важной стороной является завоевание определенного успеха у читателей, которые только и смогут по достоинству оценить героя.

Безусловно, современные детективные произведения испытывают мощное влияние постмодерна. В отличие от драматизма модернистского детектива, трагизм современного произведения заключается не в том, что читатель не может выбрать адекватную версию трактовки происходящего из несколько возможных, а в полном отсутствии «правильной» и однозначной версии как таковой.

В таком случае, как пишет Н. А. Зоркая, «столь же значимой оказывается для трансформаций детективного жанра в контексте современной культуры и постмодернистская презумпция “смерти субъекта”»: собственно, детективный сюжет зачастую аксиологически сдвигается в сферу поисков героем самого себя, реконструкции своей биографии и личностной идентичности» [7, с. 72-78].

Таким образом «постмодернистские детективы не завершаются традиционным открытием тайны (как оно было “на самом деле”) – искомый продукт оказывается растворенным в самой процессуальности поиска» [6, с. 10]. Современный детектив не просто является своеобразным зеркалом, отражающим особенности культурного пространства постмодерна, но и «выступает специальным жанрово-семантическим полем реализации его программных посылок» [6, с. 11]. В этой связи, по мнению Ю. Демьяненко, известную фразу У. С. Моэма, констатирующую «упадок и разрушение» детектива, следует от-

нести не к детективу как жанру в целом, но лишь к классической его версии.

Сегодня ироничные детективы представлены большим корпусом текстов, это позволяет актуализировать задачу системного описания подобных произведений и ряда текстообразующих характеристик, которые позволят говорить о детективе нового формата. В данной работе обратимся к книге А. Петера «Загадка замка Карентин» (1977).

Своеобразное воплощение детективного дискурса в данной книге связано с типичной для постмодернизма репрезентацией базовых концептов детективного повествования – «загадка», «раскрытие тайны», «сыщик». Представление, разворачивание и раскрытие событий происходит многовекторно – в частности, мы можем выделить интерпретационный, функциональный и подтекстный планы выражения авторской позиции.

Выбранная коммуникативная стратегия автора представлена перед читателем в подзаголовке к книге «детективный гротеск о нравах английского общества». Это позволяет эксплицировать авторскую интенцию – представить адресату нечто специфическое и одновременно является сигналом в реализации интерпретационной стратегии текста, которая предполагает активное вовлечение читательского сознания в игру поиска ответов и разгадывания предлагаемых автором загадок.

Несмотря на то, что автор строго следует в рамках канонически заданного способа сюжетного моделирования «тайна – расследование – развязка», он принципиально его нарушает: его герои не вызывают у читателя ни тени сочувствия, они всего лишь куклы-марионетки в руках опытного кукловода, имя которого – жажда наживы, зависть, злость. «Если деньги вы цените дороже, чем собственную жизнь, то надо рисковать», – не без сарказма наставляет охотников за наследством полицейский инспектор Бейли.

Все персонажи лишены стереотипичности, характерной для большинства героев детектива. Автор, используя гротеск и иронию, создает портреты и характеры, в которых резко обнажается человеческая природа, являющаяся отпечатком борьбы за выживание в жестких условиях социума: «...из-за куста вынырнул высокий человек лет шестидесяти, типичная карикатура на бывшего офицера колониальных войск. Он выглядел так, как и должно было быть: седые, расче-

санные на прямой пробор волосы, глупый взгляд вытаращенных глаз, нос крючком, пожелтевшие от никотина усы, торчащий подбородок, жилистая шея, плоская грудь, длинные тощие ноги» [1, с. 8]. Таков Гарри Декстер, главный принцип которого – тот, кто стреляет первым, живет дольше.

Еще один герой и охотник за наследством – Стелла Грэди, заведующая почтой. В ней удивительным образом сочетается наглость, высокомерие к окружающим и откровенное лакейство, как только речь заходит о деньгах и тогда она становится безжалостной: именно она подталкивает полковника к совершению преступления – отравить Дороти Торп.

Следующий персонаж – полубезумный изобретатель Эванс. Его изобретения не направлены на созидание, они несут разорение и разрушение. Группу охотников за деньгами баронета замыкает Эрвин Конрой, молодой археолог. Известие о наследстве, которое он может получить, вскрывает истинную сущность его поступков – он жертвует свой замок под детский интернат, но благородство этого жеста показное. Так он пытается избежать уплаты налога на наследство.

С первых же страниц читатель сталкивается с необычной манерой письма. Использование игровой стратегии позволяет автору выбрать особый, стилизованный под манеру письма английских романистов XVIII в. Г. Филдинга и Т. Смоллета тип повествования. Каждая глава предваряется комментарием автора и кратким изложением ее содержания, это позволяет создать определенную интригу и, несмотря на то, что «маски сброшены», напряженность читательского интереса не снижается.

Игра, оказавшаяся в фокусе создаваемого П. Адамсом художественного пространства, позволяет ему обнажить проблему трансформации традиционных клише и штампов детективного дискурса и придать смысл, изначально несвойственный. Механизмом «подрыва» устоявшихся типизированных значений выступает ирония, которая привносит добавочный смысл в ситуацию внутритекстовой коммуникации. Обратимся к примеру – комментарию предстоящих событий перед первой главой:

«Глава первая, в которой благосклонная публика познакомится со злополучной таверной “Кровавая кузница” в небольшом портовом городке Англии, страны, которая, как известно, определяет мировой

уровень по числу преступлений и способностям своих криминалистов» [1, с. 3].

В прагматическом фокусе иронии в данном предисловии оказывается Англия с ее уровнем преступлений и возможностями криминалистов. Если страна на одном из первых мест по числу преступлений, то каков уровень способностей криминалистов?

«Глава вторая, в которой садовник, принятый на работу скорбящей вдовой» [1, с. 11].

Включение заведомо абсурдной информации, выраженной словосочетанием «скорбящая вдова», нарушает максиму Качества, так как никак не соответствует тому образу, который видит читатель в первой главе, где Дороти Торп не скрывает своей радости по случаю смерти мужа:

«... ты знаешь, что эта смерть не была для меня болезненной утратой, напротив, это радостное событие. <...> О, если бы он на следующий же день после нашей свадьбы свалился с лошади или утонул! Любая другая естественная или неестественная смерть меня бы тоже устроила» [1, с. 13].

Следовательно, не согласующаяся характеристика героини с тем знанием, которое есть у читателя, а также его абсурдность интерпретируются как ирония.

Включение в ткань повествования рассуждений персонажей выводит нас на то, что автор, создавая иронические контексты, использует различные уровни языка. Сцена беседы Дороти и Шеннона способствует раскрытию определенной интенции автора об устройстве общества, в котором деятельность человека сводится к социально-ролевой функции. Прием наложения дискурсов (детективного и философско-экзистенциального) оказывается одним из методов показать истинное лицо героев:

«Ты задумывалась над тем, в чем состоит глубочайший смысл цивилизации <...>. Послушай, у меня мало времени. О смысле цивилизации мы поговорим с тобой в другой раз <...>. Если кто-либо хочет совершить такое, что привело бы к уничтожению близких, причем так, чтобы, как говорится, не осталось ни малейшего запаха, он должен учитывать одно: цивилизация все осложняет, – продолжал Шеннон уверенно. – Цивилизованный человек слишком много думает,

и это его самая большая ошибка, в том числе, когда речь идет о борьбе за существование. Это кончается всегда тем, что с наступлением утра человек должен покинуть свою кровать, в которую он может больше никогда не лечь, потому что его повесят. Тем самым я хочу сказать, что человек должен вернуться к естеству. Вопрос, который тебя занимает, тоже должен быть решен естественным путем, примитивно, элементарно. Например, замок Карентин со всем его содержимым мог бы сгореть» [1, с. 73].

Вовлеченность читателя в процесс поиска преступника и реконструирования таинственных событий, происходящих вокруг (два убийства, два покушения на убийство, две кражи со взломом, жульничество, нарушение неприкосновенности жилища, взяточничество...) – прием, который автор использует для обыгрывания ситуации поиска преступника. Само понятие игры становится ключевым на протяжении всего действия, которое разворачивается в замке. С самого начала лексическая единица «игра» (в явной форме повторяется в тексте двадцать один раз) настраивает на то, что читатель участвует в «кооперативной» игре воображения с автором. Как известно, «каждая игра ставит задачу перед человеком, который в нее играет. Поэтому он может самозабвенно и свободно предаться процессу игры не иначе, чем преобразовав целевые установки своего поведения в задачи игры. При этом подлинная цель игры – вовсе не ее решение, а порядок и структура самого игрового движения» [5, с. 153].

В дискурсе постмодерна ироничный детектив становится отражением неоднозначности происходящих процессов сквозь призму игры. В детективном романе-пародии «Загадка замка Карентин» П. Адамса можно четко проследить авторскую интенцию преобразовать классический детектив в детектив постмодернистский, где на первое место выходят ирония и игра.

Таким образом, ироничный детектив предполагает целостный охват мира и приобретает многовариантную символическую ценность, что свидетельствует о том, что канонический по своей сути жанр детектива возрождается и обновляется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамс, П. Загадка замка Карентин. – М. : Худож. лит., 1977. – 123 с.

2. *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
3. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества. – М. : Худож. лит., 1986. – 255 с.
4. *Бычков, В. В., Маньковская, Н. Б.* К проблеме типологии современной художественной культуры // *Философия и этика: сб. науч. тр. к 70-летию академика А. А. Гусейнова.* – М. : Альфа-М, 2009. – С. 326-335.
5. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
6. *Демьяненко, Ю.* Иронический детектив в контексте современной литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.proza.ua/2010/06/15/1485>.
7. *Зоркая, Н. А.* Проблемы изучения детектива // *Новое литературное обозрение.* – 1996. – № 22. – С. 65-78.
8. *Мухина, Ю. Н.* Средства репрезентации иронии в художественном тексте: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2006. – 35 с.
9. *Смирнова, У. В.* Опыт лингвосомиотического анализа симулякра в контексте времени культуры (на материале англо–американского массмедийного дискурса): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2008. – 21 с.
10. *Филистова, Н. Ю.* Текстовая организация детективного нарратива (на материале английских коротких рассказов) // *Вестник Тюменского государственного университета.* – 2006. – № 7. – С. 146–150.
11. *Хёйзинга, Й.* Homo ludens. Человек играющий. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
12. *Barzun, J.* Detection and the Literary Art // *Detective Fiction. A. Collection of Critical Essays / Ed. R. I. Winks.* – Prentice–Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1980. – С. 144-153.

УДК 81.00

У. В. Смирнова

кандидат филологических наук, докторант кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: yanasmirnova@hotmail.com

ЗНАК «HITLER» КАК МАРКЕР ВРЕМЕНИ КУЛЬТУРЫ «THE CRISIS OF MULTICULTURALISM»

В статье предлагается попытка анализа дискурса в контексте Времени Культуры *N*. Такой подход предполагает исследование сетки отношений между знаками, которые устанавливаются в дискурсе под воздействием определенного события и артикулированной Временем Культуры *N* интенциональности. Анализ примеров показывает, что высказывание со знаком «Hitler» (Гитлер) может намеренно конструироваться таким образом, чтобы максимально сильно отозваться на интенциональном горизонте адресата. В связи с этим возникает необходимость затронуть вопросы симулякризации символа, в данном случае знака «Hitler» как символа зла и агрессии, а также описать различия между коммуникацией и симулятивной коммуникацией.

Ключевые слова: дискурсивная формация; симулятивная коммуникация; Время Культуры *N*; знак «Гитлер»; кризис мультикультурализма.

Smirnova U. V.

Candidate of Philology, Post-Doctoral Scholar, MSLU EALI;
e-mail: yanasmirnova@hotmail.com

HILTER AS THE SEMIOTIC MARKER OF THE TIME OF CULTURE «THE CRISIS OF MULTICULTURALISM»

The article attempts to discuss the analysis of discourse which is concentrated on the conditions set in a particular Time of Culture *N*. By adopting such an approach, one is likely to reveal regular patterns in the relationship between signs which appear to develop in discourse due to a particular event and influenced by the intentionality of society. The analysis of the utterances dispersed throughout discourse allows us to clarify the difference between communication and pseudo-communication. This analysis will be focused on the utterances specifically constructed to activate certain experiences of the past on the horizon of intentionality of an addressee. I will also briefly discuss the problem of simulacrisation of symbol, exemplified by the sign Hitler, which loses its symbolic value to become an exchange token in political discourse.

Key words: discursive formation; pseudo-communication; Time of Culture *N*; Hitler; crisis of multiculturalism.

В своей фундаментальной работе М. Фуко «Археология знания» определяет дискурсивную формацию как систему рассеянных выска-

зываний [5]. Рассеивание высказывания не есть простое повторение на том основании, что рассеивание – это феномен, требующий более сложного анализа. Повторение подразумевает одинаковость, сохранение модальности, прагматики и семантики. С рассеиванием у М. Фуко все гораздо сложнее: высказывание может трансформироваться, получить развитие в своих дериватах, наконец, оно может не воспроизводиться очень длительный период времени или, наоборот, выявлять большую частотность. Рассеивание как раз и отличается от повтора тем, что в его процессе зачастую работает эффект неожиданности.

Рассеивание проходит по поверхности дискурсивной формации и становится инструментом ее диагностики. Ведь самая главная задача заключается в том, чтобы увидеть высказывание и вычленив ту связку высказываний, которая уникальна именно для этой формации. Не будем забывать, что, по мысли М. Фуко, формация артикулирует саму себя, поэтому он отрицает наличие некоего идеологического центра или скрытых смыслов. Для М. Фуко важны высказывания сами по себе, хотя они, по дуальному принципу познания И. Канта, и даны, и сокрыты одновременно.

Идеология М. Фуко лежит в основе употребляемого в данном исследовании термина «Время Культуры *N*». Потребность во введении нового термина обусловлена необходимостью разработать методологию анализа лингвосомиотических особенностей периода времени *N*, который рассматривается в контексте свойственной ему семиотической структуры. Опорными точками параметрического анализа Времени Культуры *N* следует считать артикулируемую в высказываниях интенциональность социума, набор сменившихся ценностей и ключевые знаки, обнаруживающие повсеместную рассеиваемость на поверхности дискурса. Апеллирование к понятиям интенциональности и ценностей позволяет заострить внимание на особенностях интерпретант знаков-маркеров этого периода и определить относительно стабильную динамическую интерпретанту.

Как правило, но не всегда, семиотическая деятельность во Времени Культуры *N* концентрируется вокруг определенного события, которое служит толчком к генерации новых знаковых доминант. М. Фуко неоднократно подчеркивает принципиальную важность прерывности дискурсивных формаций. Действительно, событие, которое способно оказать влияние на семиозис, невозможно ни предугадать, ни предска-

зять. Наиболее характерным примером глобальной смены процесса порождения значения знаков может служить нападение террористов в США 11 сентября 2001 г. Это событие стало рубежом, который качественно поменял семиозис. Мир разделился на «до» и «после 9/11».

Важнейшей задачей исследования становится обнаружение совокупности смыслов, которые универсальным образом рассеяны в дискурсе. Здесь необходимо учитывать два момента. Во-первых, высказывание – это не фраза, не пропозиция, оно может состоять из одного имени собственного. Например, на сообщение о том, что лидер Северной Кореи скормил своего дядю собакам, может последовать ответное высказывание «Да, уж... Гитлер!». Во-вторых, как очевидно из приведенного примера, рассеивание высказывания во многом определяется позицией адресанта, т. е. его намерением высветить определенную дискурсивную формацию на интенциональном горизонте адресата. Для успешной коммуникации очень важно совпадение этого намерения с ожиданием адресата, в случае несоответствия с которым от высказывания придется отказаться.

Воображаемый пример высказывания «Гитлер!» был приведен не случайно. Во Времени Культуры «The Crisis of Multiculturalism» отмечается резкое увеличение семиотической активности знака «Hitler». Знак часто появляется в политических и уличных выступлениях, легко используется в комическом дискурсе. При этом наблюдается весьма свободный синтаксис знака, что ставит вопрос о тиражировании смыслов и является косвенным указанием на процессы симулякризиса.

Точкой отсчета симуляционной активности знака можно считать появление восковой фигуры Гитлера в филиале знаменитого музея мадам Тюссо в Берлине в июле 2008 г. [1]. Интенциональность социума, тестируемая в режиме социальных опросов в преддверии размещения восковой копии лидера фашисткой Германии, продемонстрировала полярность мнений. Новая роль знака «Hitler» в жизни общества может быть описана исходя из сложной сети противоречивых отношений, основную модель которых задают опасения неонацизма, с одной стороны, и экстремистские и националистические настроения, с другой стороны. Например, мусульмане поэтизируют Гитлера, исходя из его отношения к евреям. Магазин «Google» выпустил несколько

приложений для устройств системы Андроид с цитатами и мыслями Гитлера, «способными мотивировать людей на завоевание мира» [11].

Не можем также не отметить появление особых модернизированных сказок и легенд – своеобразного современного фольклора, представляющего собой вербальную форму трансляции общего знания [2]. Добавим, что подобные мифологические истории артикулируют интенциональность социума и служат вербальной формой, выражающей особенности Времени Культуры. Так, появляются мифы о том, что Обама (как и Гитлер) – мусульманин, а Ангела Меркель – дочь Гитлера [6; 8; 13].

Знак «Hitler» появляется во внутреннем пространстве Времени Культуры «The Crisis of Multiculturalism», рассеиваясь из семиотического пласта, принадлежащего Времени Культуры мирового экономического кризиса 1929-1932 гг., когда в Европе, истощенной войной, эта одиозная фигура впервые обрела отчетливые черты. Во Временах Культуры «Великая депрессия» и «Кризис мультикультурализма» выявляется одна объединяющая эти периоды особенность: интенциональность социума формируется сложившейся в экономике ситуацией безработицы, повышением цен, снижением уровня номинальной зарплаты и улавливается в политике и общественной жизни в популистских националистических речах.

Можно предположить, что актуализация знака «Hitler» во Времени Культуры «The Crisis of Multiculturalism» является главнейшим маркером новой системы ценностей, в которой курс на религиозную, культурную, экономическую и политическую интеграцию терпит крах. В этих условиях знак «Hitler» обнаруживает свои специфические характеристики, которые в форме функции высказывания «X is like Hitler» начинают определять взгляд и «говорение» этого времени.

Во Времени Культуры «The Crisis of Multiculturalism» семиотическая сущность знака «Hitler» онтологизируется согласно правилам, которые возможно описать как разоблачение скрытого агрессора. В основе интерпретанты обнаруживаются такие основные признаки, как «сокращение и притеснение свобод», «усиление контроля», «экспансия», «расширение сфер влияния» (например, со стороны Китая, России, Германии). Наиболее яркой иллюстрацией этих процессов могут стать плакаты протестующих в Греции, изображающие Ангелу Меркель с усами Гитлера, или портрет Путина на обложке

журнала «Time». Условием появления функции «X is like Hitler» становится интенция реконструировать обстоятельства прихода Гитлера к власти. Такая реконструкция неизбежно наделяется чертами мифологичности. Соответственно, рассеивание высказываний типа «N is like Hitler» обрамляется мифологическим нарративом. Например:

*Malema is making dangerous promises on land expropriation to desperate people, like Nazi leader Adolf Hitler and Italian Fascist leader Benito Mussolini had done ahead of World War II. You must not forget how **Hitler and Mussolini emerged as leaders because desperate people were looking for an alternative** [12].*

Для анализа приводимого высказывания требуется методика, которая бы показала, как конкретное высказывание, в данном случае «Malema is like Hitler», наделяется мифологичностью. Представляется, что эта цель достигается в результате реализации технологии, которую можно описать поэтапно:

– сравнение обещаний, которые дает Дж. Малема – современный лидер Молодежной лиги в ЮАР, известный своими националистическими и расистскими настроениями, с обещаниями, адресованными Гитлером и Муссолини отчаявшимся немцам: «Malema is making dangerous promises ... like Nazi leader Adolf Hitler and Italian Fascist leader Benito Mussolini had done»;

– утверждение «Hitler and Mussolini emerged as leaders because desperate people were looking for an alternative», играющее в высказывании роль аргумента.

И если при сопоставлении обещаний сохраняется связь с Миром Действия [4], характеризующая актуальное речевое поведение Дж. Малемы, то утверждение «Hitler and Mussolini emerged as leaders because desperate people were looking for an alternative» всецело пребывает в Мире Ценности [4] как архивное высказывание мифологического нарратива, повествующего о причинах прихода Гитлера к власти.

Установление сходства иллюкутивной силы и пропозиционального содержания речевых актов Дж. Малемы и Гитлера является отправной точкой в конструировании мифа «Малема как Гитлер». Обозначив родство речевых действий с помощью синтаксического

оператора *like*, автор высказывания вводит в дискурс архивное высказывание, реализующее мифологический круг прихода Гитлера к власти. Посредством этих шагов фигура Дж. Малемы включается в мифологический нарратив и субъект из плоти и крови наделяется мифологическими чертами, выходящими за границы интерпретации данного высказывания. Другими словами, мифологические характеристики, приписываемые фигуре Гитлера, проецируются на Малему и позволяют оценивать его личность и прогнозировать действия изнутри определенного круга интерпретации. Важно отметить, что в результате таких лингвистических операций знаки «Malema» и «Hitler» могут стать взаимозаменяемыми.

Подобная двухэтапная модель рассеивания высказывания «N is like Hitler» в целом преобладает на поверхности дискурса Времени Культуры «The Crisis of Multiculturalism». Приведем еще один пример, подтверждающий эту закономерность:

The former US Secretary of State said Russia's attempt to hive off Crimea was no different to Germany's annexation of Czechoslovakia in 1939. Lashing out at Russia's plan to issue passports to ethnic Russians in Crimea, she said: «Now, if this sounds familiar, it's what Hitler did back in the 1930s». She added: «All the Germans that were the ethnic Germans, the Germans by ancestry who were in places like Czechoslovakia and Romania and other places, Hitler kept saying they're not being treated right. I must go and protect my people, and that's what's gotten everybody so nervous» [9].

Претендуя на обнажение природы вещей, Х. Клинтон обнаруживает сходство речевых действий Путина, обещающего защиту русских в Крыму, и Гитлера, поддерживающего судетских немцев. Делая серьезный акцент именно на сходство высказываний Гитлера и Путина (*this sounds familiar*), Х. Клинтон разворачивает мифологический нарратив и воспроизводит архивное высказывание Гитлера, оправдывающее аннексию Судет и последующую оккупацию стран Европы:

«All the Germans that were the ethnic Germans, the Germans by ancestry who were in places like Czechoslovakia and Romania and other places, Hitler kept saying they're not being treated right. I must go and protect my people, and that's what's gotten everybody so nervous».

Особое внимание стоит уделить синтаксической конструкции «Hitler kept saying they're not being treated right. I must go and protect

my people, and that's what gotten everybody so nervous». Организация временного и персонального дейксиса в ней такова, что личное местоимение *I* становится координатой в равной степени как Путина, так и Гитлера, *they* – как этнических немцев в Судетской области Чехословакии или других уголках Европы, так и этнически русских крымчан. Этот смысловой эффект достигается при помощи фактора смены точки зрения нарратива [3] в пределах одного высказывания: повествование от третьего лица (воспроизведение событий прошлого *Hitler kept saying*) сменяется прямой речью (*I must go and protect my people*), переходящей к повествованию в режиме настоящего времени (*that's what's gotten everybody so nervous*).

В результате синтаксических манипуляций по смене имени собственного *Hitler* личным местоимением *I* и временных дейктических выражений прошлого грамматическими формами настоящего вводная конструкция *Hitler kept saying* становится лишь указанием на бесконечное вращение мифологического круга. Дейктический центр организуется таким образом, что координаты коммуникативного акта начинают эффективно указывать на промежуток времени, определяемый по отношению к настоящему времени, но осмысляемый согласно методологическому конструкту исторического нарратива событий 1939 г. в Чехословакии. Немаловажную роль играет введение обобщающего местоимения *everybody* в конструкции «то, что заставило всех так сильно нервничать». Синтаксическое строение высказывания позволяет включить в обобщаемое лицо и непосредственного адресанта дискурса – Х. Клинтон, и адресата – широкую общественность Запада.

Рассмотренный пример подтверждает вывод о том, что реактуализация знака «Hitler» во Времени Культуры «The Crisis of Multiculturalism» проходит в рамках особо организованного синтаксиса, в задачу которого входит установление в сознании того же самого соотношения игроков «до поры до времени скрытый агрессор» и «обманываемая жертва», что и в ретроспективно осмысленном и вошедшем во внутреннее время Эго Времени Культуры. Этот когнитивный сценарий предрасполагает людей переживать и реагировать на события определенным образом. Знак «Гитлер» обладает архетипическим смыслом, поскольку А. Гитлер является тем человеческим прообразом, с которым каждый человек в той или иной степени может ото-

ждестьвить зло, агрессию и доминирование. Он символизирует проявление этих сил. Таким образом, употребление и как самого знака «Hitler», так и актуализация когнитивного сценария «приход Гитлера к власти» способствуют реализации определенных моделей восприятия, мышления и действия в ответ на какой-то объект или событие и «работают» и с сознанием, отзываясь во внутреннем времени Эго, и с бессознательным на уровне архетипа.

Анализ отношений, устанавливаемый в высказываниях, вычленяет помимо двух центральных ролей «Агрессор, до определенного момента скрывающий свои интенции» и «Обманываемая общественность» третьего игрока «Тот, кто указывает миру на его недалеко-видность». Говорящий занимает нишу ролевого смысла «Спасатель» внутри треугольника Карпмана-Берна «Преследователь, Жертва и Спасатель», универсального для человеческого поведения и понимания. Спасателем становится тот, кто берет на себя миссию информирования о скрытой опасности или угрозе для общества. Можно утверждать, что принятие подобной роли раскрытия тайных смыслов и затаенных агрессоров является своеобразным маркером времени. Подобная же расстановка ролей кладется в основу когнитивной схемы «to blow the whistle on», характеризующей особенности отношений между субъектами в информационном пространстве Нового времени. Субъект, который присваивает себе роль Спасателя, автоматически обнаруживает архетипические признаки Героя – праведность, благородство, мужество, выполнение задачи, связанной с большой опасностью, но необходимой для общественного блага. В эту схему прекрасно встроены такие современные «whistleblowers», как Эд. Сноуден и Дж. Ассандж.

Как можно убедиться, суггестивное воздействие очень обширно и опирается в том числе и на архетипическую ситуацию «Мюнхен 1938», известную как Мюнхенское соглашение о передаче Чехословакией Германии Судетской области. Этот прецедентный феномен служит формой, в которую по принципу фактологического сходства переносятся события современности. Как например:

President Obama's cowardly deal with the Iranian regime – a regime dedicated to the destruction of Israel, pursuing nuclear weapons in violation of multiple United Nations resolutions, and the persecution of Christians – marks the most ignominious moment in western foreign policy in decades.

The easy comparison is to British Prime Minister Neville Chamberlain's appeasement of Hitler in Munich in 1938, when he signed allowed Hitler to consolidate his gains in the Sudetenland on the bare promise of no further aggression in Europe. There are indeed similarities. A war-weary west is being played by a terroristic and fascistic regime bent on regional domination. The deal buys time for further armament by the enemy regime, under the guise of international approval. The leader of the western bloc, President Obama, is being widely hailed as a master diplomat [14].

На данном примере мы вновь наблюдаем единую технологичную схему:

– сравнение ситуации заключения Мюнхенского соглашения с подписанием международного договора с Ираном: «The easy comparison is to British Prime Minister Neville Chamberlain's appeasement of Hitler in Munich in 1938»; «There are indeed similarities»;

– введение мифологического нарратива, повествующего о политических просчетах Запада в преддверии Второй мировой войны.

Исторический нарратив, который является очень жесткой структурой смыслопорождения, аргументирует интерпретанту событий современности. Воспроизводя условия подписания Мюнхенского соглашения, Говорящий полностью сохраняет исторические оценки и предикаты (*a terroristic and fascistic regime bent on domination, enemy regime, to buy time for further armament under the guise of international approval, to be hailed a master diplomat*), но замещает знаки в позиции субъекта. В функциональную позицию представителя Запада (*a war-weary west*) Н. Чемберлена помещается Президент США Б. Обама. Одна замена приводит к тому, что архивное высказывание, повествующее о прецедентном событии подписания Мюнхенского соглашения, становится контекстом интерпретации политики Ирана. Действия и намерения Ирана приобретают характеристики режима Гитлера, а в интерпретанту действий Обамы вводится прототипическая историческая оценка «политическая трусость», «неизбежность опасных последствий договора», «неумение распознать манипуляцию со стороны агрессора» (*appeasement, cowardly deal, to mark an ignominious moment, to be being played by*). Обобщая, можно рассуждать о том, что, устанавливая сходство коммуникативного акта подписания некоего дипломатического документа, номинациями которого в дискурсе являются *cowardly deal* и *appeasement*, Говорящий воспро-

изводит архивное высказывание в условиях совсем иных координат коммуникативного акта.

Можно предположить, что как во Времени Культуры «After 9/11» контекст размещения семиотической доминанты «fighting for freedom» сформировал интерпретанту знака surveillance, так и во Времени Культуры «The Crisis of Multiculturalism» поле высказывания со знаком «Hitler» активизирует знак «appeasement», переводимый на русский язык как умиротворение. Наблюдаются серьезные расхождения в прагматическом потенциале знаков «appeasement» и «умиротворение» в общем контексте событий в Мюнхене 1938 г. для русской и англо-саксонской ментальности. Согласно оценке носителя русской культуры Мюнхенский договор был в первую очередь стовором с фашистскими державами с целью направления фашистской агрессии на восток. В англо-саксонской картине мира эти действия были уступкой, потаканием, попустительством, направленными на сохранение мира, хотя и вопреки некоторым принципам.

Весьма интересный случай реализации функции высказывания «X is like Hitler» представлен в политических баталиях, развернувшихся в США после трагедии, происшедшей в начальной школе штата Коннектикут в 2012 г. На волне этого события вновь обострилась жаркая полемика двух субкультур «Pro Gun Culture» (американское лобби, борющееся за право сохранить свободное владение автоматическим оружием) и «Gun Control» (противники ношения оружия, к числу которых принадлежит президент США Б. Обама):

It's time we stopped pretending that the Tea Party is some real organization that deserves our respect, with the media going so far as giving the Tea Party a rebuttal to the President's State of the Union Address. The Tea Party didn't just invoke Hitler in a recent pro-gun fundraiser attacking President Obama. The Tea Party said that President Obama is Hitler. They even have a nice photo of President Obama sporting a Hitler moustache, titled «STOP AMERICA'S HITLER» [7].

Приведенный пример дает почву для размышлений о характере конструирования высказываний с знаком «Hitler». У. Эко в книге «Пределы интерпретации» противопоставил два семиотических подхода к интерпретации и описал принципиально разные позиции, на которых базируются их принципы: 1) вера в тайные и сокрытые законы бытия, позволяющая любой интерпретанте быть той, что указыва-

ет на тайный центр власти; 2) вера в единственность истины, которая познаваема только в ходе тщательного согласования интерпретант [10].

Не трудно увидеть, что высказывания со знаком «Hitler» строятся по правилам семиотической практики поиска секрета и обнаружения скрытого смысла явлений. Такой подход подразумевает очень важное для ведения коммуникации следствие: интерпретация основывается на неограниченном смещении смыслов, любая интерпретанта может быть признана истинной вне обсуждения и принятия каких-либо критериев. Противоположный путь не исключает многообразие интерпретант, однако требует согласования своей петли интерпретанты и «экономичного решения». Признание того, что истина сокрыта и возможно никогда не будет найдена, открывает не просто свободу интерпретации, но часто ее произвольность, недоказуемость. Отсылка к архетипическим смыслам и суггестивный синтаксис могут быть использованы для симулирования пути согласования интерпретант. В более широком плане это вопрос симулятивной коммуникации.

Возможные примеры по обсуждаемой проблеме бесконечны. Их возникновение на поверхности дискурса свидетельствует об единых закономерностях. С точки зрения семиотики необходимо говорить о протекающем в семиозисе особом процессе. Мы видим, что многократное сравнение «*X is like Hitler / acts like Hitler / mirrors Hitler*» ведет к умножению обозначающей функции и приводит к установлению тождества «*X is Hitler*». Логика группировки знаков подсказывает, что если *A* ведет себя как *B*, то он и является *B*, что создает серьезную проблему адекватного восприятия действительности. Другими словами, референт *A*, существующий в действительности, заменяется мифологически конструируемым референтом *B*, специфика которого начинает определять взаимоотношения объектов. Подобное состояние знака характеризуется как симулякр.

Подведем итог. Формируемый в последнее время дискурс, толчком к которому послужил финансовый кризис 2008 г., можно обозначить как «*The Crisis of Multiculturalism*» («Конец эпохи мультикультурализма»). Важной семиотической доминантой его становится знак «Hitler» и выявляемая функция высказывания «*X is like Hitler*», обнаруживаемая в разных в линейном плане последовательностях. Условием появления функции «*X как Гитлер*» является наличие у Го-

ворящего интенции привлечь внимание к некоему тайному смыслу, а также обличить, разоблачить истинность чьих-то намерений. В область определения функции входят имена, с объектами которых Говорящий связывает ощущения зла и угрозы свободе, правам человека, общей безопасности в мире. Мы можем говорить о том, что в новом Времени Культуры семиотическая сущность «Hitler» онтологизируется согласно новым правилам, которые задаются модальностью «политическая слепота и нежелание извлечь уроки истории». Знак «Hitler» демонстрирует тенденцию становиться инструментом манипуляции, к которому прибегают, потому что в связи со сложившейся системой ценностей в этом Времени Культуры активация архетипа «Гитлер» отзовется на интенциональном горизонте адресата наиболее сильно. Есть основания утверждать, что знак «Hitler» используется как симулякр, или, другими словами, оболочка, воздействующая на уровне сознательного, т. е. отзывающаяся во внутреннем времени Эго, и на уровне бессознательного, в виде архетипических смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *В берлинском музее мадам Тюссо появится восковой фюлер* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lenta.ru/news/2008/05/30/tussauds/>.
2. *Соболев, Ю. В.* Репрессивная поэтика как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Омск, 2008. – 22 с.
3. *Tataru, L. B.* Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2009. – 419 с.
4. *Уайтхед, А.* Избранные работы по философии. – М. : Прогресс, 1990. – 720 с.
5. *Фуко, М.* Археология знания. – Киев : Ника-центр, 1996. – 208 с.
6. *Angela Merkel: Hitler's daughter* [Electronic resource]. – URL : <http://www.thecontroversialfiles.net/2013/03/angela-merkel-hitlers-daughter.html>.
7. *Aravosis, J.* Tea Party: Obama is Hitler [Electronic resource]. – URL : <http://americablog.com/2013/02/tea-party-obama-is-hitler.html>.
8. *Arnbruster, B.* Frank Gaffney claims 'Obama may actually still be' a Muslim [Electronic resource]. – URL : <http://thinkprogress.org/politics/2009/06/09/44677/gaffney-obama-muslim/>.
9. *Beattie, J.* Vladimir Putin is like Adolf Hitler says Hilary Clinton as Ukraine crisis continues [Electronic resource]. – URL : <http://www.mirror.co.uk/news/world-news/ukraine-crisis-vladimir-putin-like-3212169>.

10. *Eco, U.* The Limits of Interpretation. Advances in Semiotics. – Bloomington : IU Press, 1994. – 295 p.
11. *Google play* наконец-то выкинул приложение с цитатами Адольфа Гитлера [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gumilev-center.ru/google-play-nakonec-to-vykinul-prilozhenie-s-citatami-adolfa-gitlera/>.
12. *Malema is like SA's own Hitler* [Electronic resource]. – URL : <http://www.news24.com/SouthAfrica/News/Malema-like-SAs-own-Hitler-Ramphele-20130807>.
13. *Mounting evidence* that Hitler was a Muslim and practiced Islam [Electronic resource]. – URL : <http://conservativepapers.com/news/2013/11/12/mounting-evidence-that-hitler-was-a-muslim-and-practiced-islam/#.UqvAiq5e6Ck>.
14. *Obama's Iran Deal; Worse than Munich* [Electronic resource]. – URL : http://conservativepapers.com/news/2013/11/24/obamas-iran-deal-worse-than-munich/#.VQmXbdGg3_M.

УДК 81.112.2

М. А. Шаманская, О. С. Шарманова

Шаманская М. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: mary-sch@mail.ru

Шарманова О. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: oxana1709@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ О РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКАХ В НЕМЕЦКИХ СМИ

В статье рассматривается языковая репрезентация стереотипов на примере анализа текстов немецкоязычной прессы. Выявляются некоторые характеристики стереотипов о российских политиках, представленных в немецких СМИ.

Ключевые слова: стереотип; язык; политика; немецкоязычная пресса.

Shamanskaya M. A.

Candidate of Philology, Associate Professor, MSLU EALI; e-mail: mary-sch@mail.ru

Sharmanova O. S.

Candidate of Philology, Associate Professor, MSLU EALI; e-mail: oxana1709@mail.ru

REPRESENTATION OF STEREOTYPES OF THE RUSSIAN POLITICIANS IN GERMAN MASS MEDIA

The article deals with the problem of language representation of stereotypes. Texts of German mass media are analyzed. The goal of the analysis is to reveal the characteristics of stereotypes of the Russian politicians.

Abstracts: stereotype; language; politics; German mass media.

Эффективным инструментом воздействия на общественное мнение, как известно, являются СМИ. Трудно переоценить возможности их использования в сфере политики. По мнению Т. И. Стексовой, «политический дискурс ориентирован не столько на “отражение” объективной реальности, сколько на ее создание и воссоздание» [5, с. 78]. В частности, масс-медиа формируют у аудитории представление о политическом деятеле: «в первую очередь, образ политика транслируется СМИ, и личность политического деятеля воспринимается через призму его представления в СМИ» (перевод наш. – М. Ш.)» [9, с. 7]. При этом профессиональные журналисты используют специальные «инструменты для осознания, моделирования и оценки политических

процессов, ... средства воздействия на социальное сознание» [1, с. 4]. В качестве такого инструмента нами рассматривается стереотип.

Понятие «стереотип» неоднозначно: в современной науке, в частности, в языкознании, существуют различные подходы к его толкованию. Мы опираемся на трактовку стереотипа как ментального феномена. Согласно данной трактовке под стереотипом понимается «социально обусловленное мнение о том, как выглядит, что делает или что собой представляет X» [Цит. по: 13, с. 11]. Стереотипы являются стандартными вариантами интерпретации действительности [4, с. 100]. При этом некоей группе объектов или лиц приписываются обобщающие и упрощенные качества. Стереотипы предлагают нам возможность ориентации в мире, редуцируя его сложность и многообразие и позволяя сформировать мнение о чем-либо / ком-либо без особых когнитивных и коммуникативных усилий.

Считаем, что существенной особенностью стереотипа является двойственность, замкнутость на себя, вызываемая им своего рода «цепная реакция». В социальном аспекте стереотипы – это структуры сознания, относящиеся к группе лиц как социальной категории и приписывающие ей определенные качества или особенности поведения. Отдельным лицам как членам определенной группы приписываются качества именно на основании принадлежности к этой группе [13, с. 13], также как качества отдельных (выдающихся) представителей группы переносятся на группу в целом. Эта особенность делает стереотип удобным инструментом пропаганды: «самые тонкие и самые распространенные механизмы воздействия — это те, что создают и поддерживают репертуар стереотипов» [4, с. 104].

В современной отечественной лингвистике актуальны исследования, посвященные репрезентации образов российских политиков в немецкоязычной прессе [2; 3]. В настоящей работе предпринимается попытка выделить стереотипы о российских политических деятелях, транслируемые текстами немецкоязычных СМИ. Осложнение политических отношений между Россией и странами Европейского Союза в 2014-2015 гг. неизбежно нашло свое отражение в медийном дискурсе, не только (и не столько) отражающем действительное положение вещей, но и формирующем устойчивое мнение о нем у представителей целевой аудитории. Материалом работы послужили тексты крупных немецкоязычных общественно-политических online-изданий:

«Die Welt», «Focus», «Der Spiegel», «Deutsche Welle», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Süddeutsche Zeitung», «Zeit». По своей жанровой принадлежности анализируемые тексты являются новостными сообщениями и авторскими комментариями политических обозревателей. При выборе языкового материала мы исходим из того, что, будучи компонентами сознания, стереотипы могут выражаться в языке как в форме предложения, так и в форме слова [13].

Рассмотрим, какие мнения о Президенте России представлены в текстах немецкой прессы. Этот выбор обусловлен тем, что В. Путин признается главной фигурой в современной российской политике:

Russlands ewiger Präsident... Wladimir Putin ist seit über einem Jahrzehnt der wichtigste Akteur der russischen Politik (13.06.15) [14].

В приведенном примере для характеристики положения В. Путина в политической системе России используются гипербола *ewiger Präsident* и имя прилагательное *wichtig* в форме превосходной степени, что подчеркивает исключительность его позиции. Политический строй России в текстах немецкой прессы кратко именуется как *das Putin-System* (24.07.15) [10], *Putins Reich* (31.07.15) [8], *das System Putin* (02.03.15) [11], *Putinismus* (27.07.15) [10]. Примечательно, что в немецком языке используется имя прилагательное *Putinisch*, образованное от фамилии Президента России: *Teil der Putinischen Kriegspolitik* (29.05.15) [14].

Проанализируем следующий пример:

Die Menschen im Osten Deutschlands sehen auf Putins Aggressionspolitik mit weit mehr Nachsicht als die im Westen. Trotz allem national-patriotischen Geschepper besitzt das Putin-System nämlich sehr wohl grenzüberschreitenden Reiz. ... Permanente Einladung zu einer Ukas- und "Basta"-Politik, die – seit jeher ein Machotraum – "nicht groß herumredet, sondern entschlossen handelt" und im vorhersehbaren Fall des Scheiterns nicht zögert, mit postmodernem Propagandawirbel Sündenböcke vorzuführen: NGOs und Schwule, Intellektuelle, Liberale und Atheisten, Gewerkschafter und/oder Unternehmer, Juden und/oder Amerikaner (24.07.15) [10].

Слова *Ukas* и *Basta* в данном случае характеризуют авторитарный и бюрократический стиль руководства, приписываемый автором

современной власти в России. Политика Президента России прямо называется агрессивной; меры, направленные на поддержание национально-патриотического духа, удостоены пренебрежительного наименования *Geschepper* (дребезжание). Кроме того, утверждается, что органы власти в России заняты поиском «козлов отпущения» (*Sündenböcke*). Перечисление «козлов отпущения» (неправительственные организации, лица нетрадиционной сексуальной ориентации, интеллектуалы, либералы, атеисты, профсоюзные деятели, предприниматели, евреи, американцы) призвано вызвать у читателей сочувствие к этой категории лиц и негативную реакцию по отношению к власти. При характеристике такого стиля руководства автор использует лексему *Macho*, не обладающую положительной коннотацией в системе ценностей политкорректности. Все это объединяется наименованием *das Putin-System*. Таким образом, выстраивается представление о Президенте России как об агрессивном, авторитарном, непримиримом, подчеркнуто мужественном правителе, единолично управляющем созданной им системой власти.

Заметим, что гендерная составляющая является устойчивым компонентом стереотипа о В. Путине, воссоздаваемого немецкими СМИ:

Putin werde als viriler Staatschef bewundert, der entschlossen das nationale Interesse und vorgeblich die "christlichen" Werte verteidige (23.07.15) [12].

Гендерный стереотип мужественности, включающий в себя, помимо таких качеств, как «сила», «решительность» и «жесткость», неоднозначно оценивается в европейском обществе, декларирующем равенство полов, предполагающего равную ценность «мужских» и «женских» личностных качеств. Акцентуация мужественности Президента России в приведенном примере (сочетание *viriler Staatschef*) репрезентирует представление о том, что Президент России эксплуатирует образ «сильного решительного мужчины», привлекательный для определенной части общества.

В следующем примере автор использует это представление для дискредитации некоторых немецких политиков, поддерживающих В. Путина. Согласно ему, эта поддержка объясняется стремлением политиков-мужчин компенсировать свое подчиненное по отноше-

нию к женщинам положение и выступить в роли «крепких парней». Таким образом, обращение к представлению о Президенте России помогает автору выстроить упрощенное и обобщенное мнение (стереотип) о его немецких сторонниках:

*Was treibt ältere SPD-Politiker, sich für Putin zu begeistern? Sie mussten zu lange für **Frauenquote** und **Mindestlohn** stimmen und wollen jetzt endlich auch mal **harte Jungs** sein. ... So gesehen wäre die späte Putin-Bewunderung **die nachträgliche Kompensation für die entsagungsvollen Jahre unter der Aufsicht von Frauen** wie **Andrea Nahles** und **Elke Ferner** mit ihrer **Arbeitsgemeinschaft Sozialdemokratischer Frauen** (17.03.2015) [7].*

Средиземноморский колорит, привносимый в статьи о Президенте России употреблением таких лексем, как *Macho* или *Basta*, обнаруживается и в следующем примере:

*Putin ist zum potenzierten **Berlusconi** geworden* (30.11.14) [10].

По-видимому, имя бывшего премьер-министра Италии выступает здесь в качестве прецедентного для наименования нечестного, коррумпированного политика. Его упоминание вызывает в сознании читателей ассоциации с не столь давними скандалами, а следствием уподобления ему В. Путина должен стать перенос представлений и оценок, связываемых с С. Берлускони, на личность Президента России в соответствии с механизмом стереотипизации.

Эффект стереотипизации может достигаться и путем противопоставления героя статьи положительному образу Папы Римского:

*Papst Franziskus als Prediger des Friedens, **Putin als das Gegenteil*** (10.06.15) [10].

Отсылки к советскому прошлому, в особенности к представлениям о советских спецслужбах, являются эффективным средством создания негативного стереотипа:

*Der Präsident des neuen Russland ist endgültig **in die Fußstapfen des Generalsekretärs der KP der alten Sowjetunion geschlüpft*** (13.06.15) [14].
*Der alte **KGB-Agent** kennt die Waffen des Propagandakrieges... Er bedient sich **alter sowjetischer Methoden*** (30.11.14) [10].

В следующем примере объединяются негативные представления о возрождении советского прошлого и монархической власти:

Umgekehrt befürchtet der Westen, dass Putin sich in die Zaren-Rolle des "Sammlers russischer Erde" hineingesteigert hat und nun versucht, den einstigen sowjetischen Herrschaftsraum unter neuer Etikettierung wiederherzustellen (23.07.15) [15].

Монархическая и игровая метафорические модели активно используются в дискурсе немецких СМИ, темой которого является Россия [6, с. 22]. Соответствующие метафоры, создающие демонический образ «царя-заклинателя», для которого политика – игра, обнаруживаются в приведенных примерах:

Der wirtschaftliche Verfall könnte die Revanchegelüste des neuen Zaren sogar erst recht anstacheln (29.11.14) [10].

Die ultranationalistischen Geister, die er dazu gerufen hat, lassen sich nicht ohne Weiteres wieder in die Flasche zurückstopfen (29.11.14) [10].

Метафора «Президент России – царь» объединяется здесь с метафорами «ультранационалистические настроения общества – дух / джинн из бутылки», «Президент России – заклинатель духов». Президенту России приписываются абсолютная власть и манипуляция массовым сознанием.

Putins Gas-Poker bringt die Gasversorgung Europas langfristig in Gefahr (13.12.14) [11].

Как отмечает С. А. Хахалова, метафора «политик – игрок в покер» предполагает ассоциацию с агрессией и принятием политиком высокорисковых решений за своих граждан [6, с. 25].

Im Sumpf der Halbwahrheiten ist Putin Meister (30.11.14) [10].

Метафора «информационное пространство в России – болото, трясина» вызывает негативное отношение читателя к личности, которой приписывается управление этим пространством. Патриотические чувства россиян представляются как средство для достижения целей политика-манипулятора:

Putin nutzt die Patriotismuswelle, um sich als Retter und Wegweiser der Nation zu präsentieren... Innenpolitisch profitiert Putin vom Patriotismus... er versucht den Frust der Bevölkerung auf den Westen zu lenken (04.12.14) [10].

Его прямо обвиняют во лжи:

*Einer der mächtigsten Politiker der Welt **lügt und täuscht** bei fast jeder Gelegenheit. ... Wenn der Kremlchef oder seine Minister sprechen, **tritt meist das Gegenteil dessen ein, was sie sagen** (30.11.14) [10].*

Заметим, что обозреватели не всегда ограничиваются обвинениями и утверждениями общего характера, но пытаются объяснить мотивы действий Президента России как реакцию на действия руководителей стран Европейского Союза:

***Das Vorrücken der Nato bis an ihre Westgrenze legt die russische Führung als **Bedrohung** aus, als unerträgliche Ausdehnung der westlichen Einflussphäre bis an ihre Haustür** (23.07.15) [15].*

*Er (Putin) sieht darin einen **Beleg** dafür, dass **Russland vom Westen nicht für voll genommen wird** (02.06.15) [7].*

*Mag Putin auch in seiner aus **Enttäuschung** und **Verblendung** geborenen Abkehr von Europa fortfahren – auf die Dauer werden die Russen ihm nicht folgen. **Dürfen wir es dem Kreml-Herrn wirklich so leicht machen, Russland aus Europa hinaus und in die Tartarei zu führen?** (14.07.15) [15].*

Расширение НАТО может восприниматься высшим государственным лицом России как угроза ее безопасности, также он может полагать, что Россия не воспринимается всерьез Западом. В последнем примере автор, используя местоимение *wir*, призывает читателей к осознанию ответственности представителей европейского общества за некоторые проявления политики РФ.

В отдельных текстах авторы приписывают Президенту России личные мотивы и побуждения:

*Ohne die Ukraine ist es nicht möglich, das eurasische Reich wiederherzustellen, **dass sich Putin wünscht** (07.12.14) [10].*

*Nicht um das materielle Wohl seines Volkes **geht es dem russischen Präsidenten**, sondern um die Wiederherstellung großrussischer Macht (29.11.14) [10].*

*Ein Problem, zwei Lösungen: **Wie Putin die USA und Europa spalten will** (10.02.15) [11].*

Таким образом, создается представление о том, что Президент России действует, исходя из собственных желаний (*wünscht, will, es*

geht ihm um), а не из соображений целесообразности политики, направленной на благо страны и мира. При этом признается эффективность политики В. Путина, принесшей стране стабильность, благополучие и значимость на внешнеполитической арене:

*Putin hat Russland wieder **Stabilität** gebracht* (13.06.15) [14].

*Seine Unterstützer lieben ihn dafür, dass er nach den chaotischen Jelzin-Jahren seinem Land wieder zu **Wohlstand** und **außenpolitischer Stärke** verholfen hat* (13.06.15) [14].

Политические деятели в России определяются через их отношение к Президенту России. Так, выделяется группа сторонников В. Путина:

– *Machtzirkel um Putin... Putin in seinem Umfeld* (29.07.15) [10];

– *Putin-Team* (06.06.15) [7].

Премьер-министр России представлен не как самостоятельная политическая фигура, а как доверенное лицо и сподвижник В. Путина, сохраняющий для него высший государственный пост:

– *sein **Platzhalter** Dimitri Medwedew* (29.07.15) [10];

– *sein **Gefolgsmann** Dimitri Medwedew* (04.03.12) [7];

– *Medwedew, ... der **Vertraute** von Kreml-Chef Wladimir Putin* (31.03.14) [7].

Верность власти – основная стереотипная черта таких политиков:

*Primakow war ein **treuer Diener russischer Macht**. Seit **Breschnews-Zeiten** diente er den **jeweiligen Kremlchefs** **treu und folgsam**. ... Er trat als **orthodoxer Apparatschik** auf... Der einstige Spionagechef war **Diplomat der Weltklasse*** (04.08.15) [10].

Преемственность политической традиции, сложившейся во времена Советского Союза, подчеркивается в этом примере употреблением таких слов, как *Breschnews-Zeiten* и *orthodoxer Apparatschik*, несущих отрицательную оценку. При этом подчеркивается, что преданность власти у Е. Примакова сочетается с таким положительным качеством, как высокий профессионализм. Говоря об оппозиционных политиках, авторы прибегают к обобщениям и упрощению:

*Das Lager der Regierungskritiker hat sich in **drei Teile** gespalten: **Die erste Gruppe** ist ausgewandert, **die zweite** in Gefängnissen gelandet und **die dritte** auf die Seite Putins gewechselt (26.06.15) [15].*

Die Opposition in Russland ist zersplittert. Wenige kennen ihre Anführer; noch weniger würden sie wählen (03.03.15) [14].

Метафоры и знаки препинания (кавычки) в следующих примерах показывают, что, по мнению немецких обозревателей, оппозиция либо бездействует, «дремлет», либо является ненастоящей, «инсценированной», «ручной» оппозицией:

***Der tiefe Schlummer** von Putins Opposition (02.05.15) [12].*

***Das inszenierte Theater handzahmer “Oppositionsführer“** wie Wladimir Schirinowski nimmt niemand mehr ernst (18.09.14) [7].*

*Die Kommunisten bezeichnen sich zwar gern als **“stärkste Oppositionskraft“**. Wenn es darauf ankommt, stimmen sie eigentlich stets **brav nach dem Willen des Kremls** (07.08.15) [7].*

Согласно текстам немецкой прессы в России действуют также истинные оппозиционеры, метафорически именуемые «повстанцами / бунтарями» и «бельмом на глазу кремлевских господ»:

***Russlands rebellische Töchter** Zhanna Nemzova, Xenia Gorbatschowa und Maria Gaidar (10.08.15) [12].*

*Natalja Sindejewa... wurde zur Mediengöttin der digitalen Elite in Moskau. Damit auch unausweichlich zum **Dorn im Auge der Kreml-Herren** (05.06.15) [7].*

В немецкой прессе упоминаются такие оппозиционные деятели, как Б. Немцов, И. Яшин, Г. Каспаров, М. Ходорковский, А. Навальный, В. Рыжков, М. Гайдар, К. Собчак. В качестве устойчивых выражений для их наименования используются: *Kreml-Kritiker* (20.07.15) [11], *Kremlkritiker* (11.03.15) [12], *Regierungskritiker* (09.03.15) [11], *Putin-Kritiker* (02.03.15) [11], *Regime-Kritiker* (28.02.15) [11].

Таким образом, задача оппозиционеров – критиковать власть:

*Doch es gibt noch Oppositionelle, die **lautstark Kritik äußern** (02.03.15) [11].*

*Boris Nemzow hat sich ein letztes Mal mit **scharfer Kritik an Russlands Präsident** zu Wort gemeldet. ... Durch das Attentat auf Nemzow hat das Lager derjenigen, die **ihre Stimme noch gegen Putin erheben**, einen ihrer wichtigsten Vertreter verloren (28.02.15) [11].*

Эта деятельность, по мнению немецких политических обозревателей, сопряжена с опасностью, в том числе и с опасностью для жизни:

*Gegner von Kremldchef Putin **leben gefährlich**. Die **Angst unter Oppositionellen** in Russland wächst (02.03.15) [11].*

*Der Oppositionelle Boris Nemzow **bezahlte** seine Nachforschungen über die im Donbass gefallenen russischen Soldaten noch **mit dem Leben** (29.05.15) [14].*

***Angst um Leib und Leben**. Ein Gegner des russischen Präsidenten liegt im künstlichen Koma (31.05.15) [12].*

Употребление лексем, относящихся к семантическому ряду «смелый», выражает представление о том, что смелость – основная черта, необходимая для оппозиционного политика в России:

*Diese prominenten Putin-Kritiker **lassen sich nicht einschüchtern** – allerdings leben einige im Ausland (02.03.15) [11].*

*Boris Nemzow: **Furchtloser Rebell** (28.02.15) [7].*

*Mit ihrem Sender RainTV kämpft Natalja Sindejewa, 44, seit sieben Jahren allen Repressalien zum Trotz **unerschrocken** für freie Berichterstattung (05.06.15) [7].*

Анализ эмпирического материала позволил установить, что представленное в немецкоязычной прессе мнение о российских политиках стандартизировано и упрощено, т. е. стереотипизировано. Выделяются следующие стереотипные характеристики:

1. Репрезентация в немецкоязычной прессе представления о Президенте России В. Путине опирается на стереотип сильного, авторитарного правителя-манипулятора «макиавеллевского типа», чьими характерными чертами являются мужественность, агрессивность, неискренность. Выстроенная и возглавляемая им система власти не-

демократична, но эффективна. Оценка, сопровождающая этот стереотип, может быть как отрицательной, так и положительной.

2. При описании большинства других политических деятелей России авторы используют языковые средства, позволяющие выразить стереотип «верного вассала правителя», исполняющего его волю либо открыто (как член «команды Президента России»), либо завуалировано (как представитель «формальной оппозиции»). При изображении такого положения вещей политические обозреватели обращаются к представлениям читателей о монархическом и социалистическом государственном устройстве.

3. Такому недемократическому, с точки зрения немецких журналистов, строю противопоставлен стереотип о немногочисленных «истинных оппозиционерах». Использование авторами оценочной лексики выражает мнение о том, что стереотипная черта оппозиционеров – смелость, поскольку критика государственной власти напрямую сопряжена с опасностью.

Можно утверждать, что журналисты в своих статьях используют стереотипы для усиления коммуникативного эффекта. При воспроизведении стереотипа возникает эффект его усиления и закрепления в сознании читателя. Таким образом, СМИ как эксплуатируют стереотипы, так и создают их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Будаев, Э. В., Чудинов, А. П.* Зарубежная политическая метафорология: монография. – Екатеринбург : Изд-во УГПУ, 2008. – 248 с.
2. *Костина, К. В.* Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2011. – 18 с.
3. *Костина, К. В., Меркурьева В. Б.* Языковая репрезентация образов российских президентов в современном немецкоязычном медиадискурсе [Электронный ресурс] // *Magister Dixit* – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012. – № 2. – Режим доступа : <http://md.islu.ru/tu/journal/2012-2>.
4. *Липпман, У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М. : Общественное мнение, 2004. – 384 с.
5. *Стексова, Т. И.* Образ политика в СМИ и обыденном языковом сознании // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология.* – 2012. – Т. 11. – № 6. – С. 78-83.

6. Хахалова, С. А. Семиметрия ценностных смыслов метафорики образа страны // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 22-27.
7. *Der Spiegel* [Electronic resource]. – URL : <http://www.spiegel.de/>.
8. *Deutsche Welle* [Electronic resource]. – URL : <http://www.dw.com/de/themen/s-9077>.
9. *Diermann, M.* Politikerinnen und Politiker in Boulevardmagazinen. Studien zur Darstellung und Rezeption von Politikerinnen und Politikern in deutschen und internationalen Nachrichten- und Boulevardmagazinen. – Berlin : Wissenschaftlicher Verlag Berlin (WVB), 2010. – 157 S.
10. *Die Welt* [Electronic resource]. – URL : <http://www.welt.de/>.
11. *Focus* [Electronic resource]. – URL : <http://www.focus.de/>.
12. *Frankfurter Allgemeine Zeitung* [Electronic resource]. – URL : <http://www.faz.net/>.
13. *Pümpel-Mader, M.* Personenstereotype. Eine linguistische Untersuchung zu Form und Funktion von Stereotypen. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter GmbH, 2010. – 482 S.
14. *Süddeutsche Zeitung* [Electronic resource]. – URL : www.sueddeutsche.de.
15. *Zeit* [Electronic resource]. – URL : zeit.de.

РАЗДЕЛ II
ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ И СТИЛИСТИКИ
ЯЗЫКОВ РАЗНОГО СТРОЯ

УДК 811.11-112

Е. В. Ермолаева

аспирант кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ; преподаватель
кафедры иностранных языков ИГУ; e-mail: katalina.16@mail.ru

**ИНДЕКСАЛЬНЫЕ КАУЗАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ
«POINT», «WELCOME», «CHARM»**

В статье проанализировано употребление фразовых глаголов с пространственно-направительными послелогоми (на примере глаголов *point*, *welcome*, *charm*) в каузативных конструкциях, используемых для описания каузативных ситуаций, в которых наблюдается указание на пространственные отношения между их участниками, а также определены область употребления таких конструкций и место, занимаемое фразовыми глаголами с глагольными компонентами *point*, *welcome*, *charm* в системе каузативных глаголов.

Ключевые слова: каузативность; каузативная конструкция; каузирующий субъект; каузируемый субъект; пространство; индексальность.

Ermolaeva E. V.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; Lecturer ISU; e-mail: katalina.16@mail.ru

**INDEXAL CAUSATIVE CONSTRUCTIONS WITH THE VERBS
«POINT», «WELCOME», «CHARM»**

The article deals with the analysis of use of phrasal verbs with spatial adverbs of direction (illustrated by the verbs «point», «welcome», «charm» with adverbs) in causative constructions which mark causative situations indicating spatial relations of their participants. The sphere to which such constructions belong and the place of such phrasal verbs in the system of causative verbs are also revealed.

Key words: causativity; causative construction; causative subject; causative object; space, index.

Настоящая работа посвящена изучению индексальных каузативных конструкций. Такие термины, как «индексальность», «индекс» используются в рамках теории указательности (работы [3; 6; 10; 14])

и др.). Индекс был введен Ч. Пирсом, который выделил 3 основных типа знаков: иконические, индексальные и символические [13]. «Индекс – это знак, связанный с обозначаемым объектом причинно-следственной связью; индекс является следствием по отношению к некоторой причине и потому может выступать в качестве “естественного” знака этой причины (дым – знак огня, повышенная температура – знак болезни и т. п.)» [12].

Выбор в пользу того или иного индексального слова, предложения или конструкции напрямую связан с контекстом, в котором они употребляются. По мнению А.В. Кравченко, «к индексальным словам в равной степени могут быть отнесены как эгоцентричные (*I, here*), так и неэгоцентричные (*he, up, down, come, go* и др.) слова, поскольку индексальность является общей для тех и других функцией» [6, с. 93].

Изучение дейксиса с учетом указательной функции слова осуществлялось Н. Гудменом, называвшим указательные слова «индикаторами» и выделявшим «индикаторы лица, индикаторы пространства и временные индикаторы» (Цит. по: [6, с. 93]). Смысл, передаваемый индексальным элементом, зависит от контекста, участников каждой конкретной ситуации. Совокупность факторов, характеризующих контекст употребления, получила название «индекс высказывания» [9].

Индикаторы пространства, или, иными словами, индексы места, характеризуют место, местоположение или направленное движение того или иного объекта относительно точки отсчета [3]. Примером индексальных слов, рассматриваемых в рамках данной работы, могут послужить пространственно-направительные послелogi *in, back, out* и др., которые играют важную роль при осмыслении такой категории, как пространство, в процессе речевой коммуникации. Данные послелogi употребляются, в частности, в каузативных конструкциях.

Теория каузации включает в себя такие понятия, как каузальность и каузативность. Каузальность представляет собой «причинение через обусловленность» [15, с. 3], в то время как каузативность рассматривается как «выражение в системе языка отношений причинения (causation)» [8, с. 76], т. е. «причинение через побуждение» [15, с. 3].

К категории каузативности внимание лингвистов было привлечено в 20-е гг. XX в. Ш. Балли, и до настоящего времени данная категория остается предметом исследований современных лингвистов

(Дж. Лакофф, М. Штокер, Е. Гольдварг, Е. Е. Корди, Г. Г. Сильницкий, А. А. Холодович, Н. Д. Арутюнова, Л. М. Ковалева, Л. Г. Дюндик, С. В. Шустова и др.). Каузативность предполагает наличие двух взаимодействующих партнеров, один из которых (субъект каузации, или каузирующий субъект) воздействует на другого (объект каузации) с целью добиться исполнения определенного действия. В свою очередь, объект каузации, так или иначе, реагирует на это действие, являясь, соответственно, «субъектом каузируемого состояния» [7, с. 74] (далее – каузируемый субъект).

Таким образом, каузативные конструкции подразумевают наличие двух событий (событие каузирующее и каузируемое).

Следует отметить, что такие события «не связаны обязательно с волей, намерением, активностью того или иного лица» [8, с. 77]. Кроме того, некоторые исследователи [19] придерживаются точки зрения, согласно которой осуществление каузируемого действия не должно вызывать сомнений.

В своих работах А. Мустайоки выделяет следующие виды каузации:

- чистая каузация (*вызывать*);
- фактитивная (*обязывать*) – в отличие от предыдущего типа каузируемое событие приносит пользу субъекту каузации: последний обязывает объект каузации совершить действие или пользуется его услугой;
- деонтическая (*заставлять*);
- речевая (*угворить*) – характеризуется результативным характером; превентивная (*препятствовать*);
- пермиссивная (*позволять* в значении «не препятствовать»);
- прохибитивная (*запрещать*);
- ассистивная (*помогать* с целью осуществить действие);
- каузация умения (*учить*, т. е. вызывать то, что объект каузации умеет делать что-то) [11].

Каузативные глаголы и каузативные конструкции в лингвистике рассматривались с разных позиций. Так, Н. Д. Арутюнова, исходя из участия в каузативных отношениях лиц и событий, выделяет следующие типы глаголов:

- классические каузативы, устанавливающие причинно-следственные отношения между двумя нерасчлененными событиями;

- личностные каузативы, представляющие некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого;
- личностные каузативы, указывающие на событие как на непосредственный результат действия некоторого лица;
- событийные каузативы, определяющие событие как результат воздействия некоторой ситуации (личной или безличной) на агента действия или состояния;
- «двуличные» каузативы, представляющие некоторое субъективное, психическое событие, как стимулированное некоторым лицом;
- «двуличные» каузативы, представляющие связь двух агентивных событий механического действия;
- событийные каузативы, представляющие некоторое психическое событие как стимулированное агентивным или безличным событием;
- личные каузативы, обозначающие связь двух физических событий – агентивного и безагентного [2, с. 176].

Анализируя «говорение» как относительный активный признак говорящего в каузативной ситуации и выделяя целевую установку в качестве основного критерия, Т. Б. Алисова выделяет следующие виды каузации:

- знания («сообщать – заставлять знать»);
- ответный акт говорения («спрашивать – заставлять говорить»);
- конкретное действие («приказывать – заставлять делать») [1, с. 54].

В рамках данной статьи рассматриваются каузативные конструкции с глаголами *point*, *welcome* и *charm*, которые не являются классическими прототипическими глаголами каузации, такими как *ask* или *order*, но также демонстрируют каузативное значение в рамках конструкции

$$N_1 V N_2 Adv,$$

где N_1 – субъект каузации, или каузирующий субъект; V – воздействие, осуществляемое субъектом каузации на объект с целью добиться от него исполнения определенного действия; N_2 – объект каузации, или каузируемый субъект; Adv – пространственно-направительный послелог, обозначающий разные способы воздействия на объект каузации от прямого указания (*point*) до использования чар (*charm*).

Таким образом, представляется вероятным расширение традиционного перечня глаголов, которые могут употребляться в каузативных

конструкциях, за счет фразовых глаголов с глагольными компонентами, содержащими в своей структуре разные виды указания на изменение пространственного положения участников ситуации.

Согласно критериям, взятым за основу в указанных классификациях, каузативные фразовые глаголы с глагольными компонентами *point*, *welcome* и *charm* могут быть отнесены к группам личностных каузативов, представляющих некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого (*she pointed him back to the seat; they have welcomed me back*), глаголов каузации конкретного действия (*the professor welcomed him in*), а также глаголов чистой (*We're pleased to welcome him back*), фактитивной (*Her smile welcomed me in*) и речевой каузации (в случае, если глагол *welcome* обозначает устное приглашение, о чем речь пойдет далее).

Помимо этого, каузативные конструкции рассматривались, например, как конструкции с первичной / прототипической агентивной каузацией, т. е. каузацией, субъектом которой является лицо, имеющее целью добиться определенного ответного действия от объекта (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Т. Б. Алисова и др.), к ним относятся указанные конструкции с глаголами *point*, *welcome* и *charm*.

Также каузативные конструкции описывались как конструкции, отражающие межсобытийные причинно-следственные отношения (Н. Д. Арутюнова и др.). Вторая точка зрения является преобладающей в большинстве современных лингвистических исследований. Объектами таких работ являлись, в частности, глаголы каузации мнения [4], фразовые глаголы речи [3], конструкции со свернутыми сентенциональными компонентами [5] и др.

В данной статье анализируются каузативные конструкции с фразовыми глаголами на основе приведенных примеров из сборника американских и английских текстов «Corpus of Contemporary American English» (COCA) [16].

Значение глагола *point* в словаре «Oxford English Dictionary», начиная с XV в., трактуется, в частности, как:

«**Point**, *intr.* To indicate position or direction by or as by extending the finger; to direct attention *to* or *at* something in this way»; «*trans.* To indicate the place or direction of (something) with the finger or otherwise; to indicate, direct attention *to*, show. Now almost always *point out*»; «To direct (the finger, a weapon, etc.) *at*, to level or aim (a gun) *at*, to

direct (a person, his attention, or his course) *to*, to turn (the eyes or mind) *to* or *upon*» [22, с. 1052].

Таким образом, уже в самом определении этого глагола заложена возможность его использования в ситуациях, описывающих пространственные отношения: например, указывающих на положение участников по отношению друг к другу и/или к предметам окружающей их действительности, и возможном изменении этого положения в пространстве.

Данное утверждение подтверждается наличием в указанном определении глагола *point* такого глагола, как *direct*, имеющего, в ряду прочих, значения:

«**Direct**, *trans.* To inform, instruct, or guide (a person), as to the way; to show (any one) the way»; «*trans.* To regulate the course of; to guide, conduct, lead; to guide with advice, to advise»; «*trans.* To cause (a thing or person) to move or point straight *to* or *towards* a place» [21, с. 389].

При этом анализ примеров употребления глагола *point* показывает, что в основном он встречается в прямом значении (указание на конкретный объект или направление) с пространственными предлогами:

As he passed through the door, *they* left it open, pointing him toward the main gate; *He points her into* the red-carpeted lobby.

Можно также предположить указание направления при помощи устной речи посредством глагола *point* в предложении:

Lyla found the old man and got *him to point her down* the road in the general direction of Hungary, which turned out to be back the way they had come.

Помимо непосредственного указания на местоположение объекта или направления данный глагол служит также для выражения обратной направленности (однако подобных примеров встретилось не много):

Papathanasiou leaned in close, said *she* was quite sure this wasn't his stop, pointed him back to his seat.

Каузативные конструкции с данным глаголом, представляющие интерес для нашего исследования, т. е. конструкции с пространственно-направительными послелогами, встречаются в единичных случа-

ях. В качестве примера рассмотрим предложение: *He pointed her back inside*. В данном примере представлены два участника: каузирующий субъект *he* и каузируемый субъект *she* (выраженный посредством объектного местоимения *her*), а также предполагаются два события: указание направления каузирующим субъектом *he* с целью заставить переместиться каузируемый субъект *she*. Это направление (назад) заложено в семантике самого фразового глагола с пространственно-направительным послелогом *point back*. Соответственно, даже не зная контекста, мы можем предположить, где располагаются участники ситуации в окружающем их пространстве, а также по отношению друг к другу. Очевидно, что речь идет о наличии некоего «контейнера», за пределами которого находится каузируемый субъект *she*, и что некоторое время назад этот субъект находился внутри (*inside*) этого контейнера, о чем свидетельствует послелог *back*. При этом без контекста трудно говорить о местоположении каузирующего субъекта *he* относительно этого «вместилища», поскольку он может находиться как за пределами контейнера, так и внутри него. Достаточно очевидным также представляется положение участников каузативной ситуации по отношению друг к другу: они находятся в пределах видимой досягаемости, иначе употребление глагола *point* (в значении «указывать») потеряло бы смысл. В самом деле, в тексте говорится о том, что два героя стоят возле входа в помещение (границы «контейнера»), откуда незадолго до этого появился каузируемый субъект *she*, и каузирующий субъект *he* хочет заставить ее вернуться обратно. При этом ответным действием является устное сопротивление. Что касается ожидаемого действия (возвращения в помещение), то его реализация остается под вопросом: в ближайшем контексте такая информация отсутствует и, по всей видимости, будет прояснена в дальнейшем.

В отличие от глагола *point*, глагол *welcome* гораздо чаще встречается с пространственно-направительными послелогам в каузативных конструкциях, описывающих пространственное положение участников ситуации. Это можно объяснить тем, что глагол *welcome* уже в XIII в. употреблялся в конструкциях с «*to, into (a place) Also with advs. of place as ashore, back, up*» [23, с. 275]. Кроме того, само значение глагола *welcome* – *to greet, to receive a person / something* – предполагает действие, поощряющее перемещение объекта (на который это действие направлено). Глагол *welcome* может быть использован

как в прямом, так и в переносном значении, если речь идет, скажем, о надвигающемся событии, времени года или суток, как в следующем примере, датированном 1785 г.:

So let us welcome peaceful ev'ning in [Там же].

В настоящее время также используются каузативные конструкции с фразовыми глаголами *welcome in* и *welcome back* (было проанализировано 30 и 80 примеров, соответственно).

They have welcomed me in, and they have treated me as one of their own. The professor welcomed him in and suggested that he take a class. We're pleased to welcome him back after his long absence... Tim is happy he can return to a neighborhood and a brother changed enough to welcome him back и др.

Чаще всего каузирующим субъектом в таких конструкциях является одушевленное лицо / лица (например, *the professor, the authorities*), что вполне очевидно, так как приветствовать, радушно приглашать – это черта, характерная для людей. Однако встречаются и такие примеры, где в роли каузирующих субъектов, имеющих целью повлиять на изменение положения в пространстве каузируемых субъектов, выступают неодушевленные предметы или даже жесты:

He'll be back in front of TV set Sunday when the Giants and 49ers meet again in the NFC championship, wondering if *the game* Junkin loved all his life will ever welcome him back; The leather *chair* was still warm, still shaped to his broad shoulders, and welcomed him back.

Помимо указанного отмечается тот факт, что для полного понимания действий, описываемых с помощью каузативных конструкций с глаголом *welcome*, чаще всего необходим контекст, так как данный глагол может подразумевать собой и устное высказывание (*greeting*), и соответствующие жесты, выражающие радушный прием и приглашение войти. Так, в предложении «As far as welcoming him back with open arms», уточняющим контекстом является обстоятельство «with open arms», которое подразумевает приглашение каузируемого субъекта при помощи определенного движения, что, впрочем, не исключает и одновременного выражения гостеприимства посредством устного высказывания и физического действия (каузирующий субъект раскрывает объятия) одновременно. В предложении «My *mother reached*

her arm out to welcome me in» более точно охарактеризован способ, которым было осуществлено приглашение. Однако указание на способ, при помощи которого осуществляется каузирующее действие, может быть заложено и в семантике одного из членов каузативной конструкции: «Her smile welcomed me in». Здесь в роли каузирующего субъекта выступает улыбка, которая определяется как «an expression of the face with the mouth turned up at the ends and the eyes bright, that usually expresses amusement, pleasure, approval, or, sometimes bitter feelings» [17, с. 1276] и, таким образом, подразумевает собой определенное физическое действие, а не говорение.

Анализ примеров употребления каузативных конструкций с глаголом *welcome* также показывает, что конструкции, в которых присутствует послелог *in*, имеют как классическую/прототипическую организацию N_1VN_2Adv : *Faith welcomes her in*, introduces her to some other guests, так и измененную/непрототипическую N_1VAdvN_2 : Is it contradictory, though, that we're worried about terrorism, and yet we welcome in Arafat, and we welcome in Gerry Adams, terrorists?

Глагол *charm*, в свою очередь, тоже встречается в конструкциях, описывающих каузацию перемещения, но при этом трудно понять, каким именно действием каузирующий субъект пытается добиться желаемого результата от каузируемого субъекта. Данный глагол не подразумевает какого-то конкретного физического действия, а в словаре «Oxford English Dictionary» он трактуется как «**Charm**, trans. To act upon with or as with a charm or magic, so as to influence, control, subdue, bind, etc» [20, с. 292], поэтому в каузативных конструкциях глагол *charm* встречается достаточно редко. Так, глагол *charm* в каузативной конструкции в нижеследующем примере имеет переносное значение, однако первичное значение выражения *charm the pants off* подразумевает изменение пространственного отношения каузируемого субъекта *pants* под влиянием действия, осуществляемого каузирующим субъектом. При этом *pants*, являясь предметом неодушевленным, рассматривается как субъект, способный на ответное действие:

I put a lot of people off, and I won't charm your pants off.

Наиболее же распространенными являются конструкции с пространственными предлогами, в частности, конструкции типа *charm somebody into something/ doing something*:

The *smile charmed him into* the *cab*; He then set about *charming her into* a *date*; But *Noonan had charmed her into speaking* of it <...>; <...> it was easy to see how *Brian* might have *charmed her into unlocking* the office and *letting* him wait; *Ruby* knew how to *charm him into being* interested in anything he needed to learn.

Анализ примеров употребления конструкций с фразовыми глаголами с глагольными компонентами *point*, *welcome* и *charm* позволяет говорить о них как о каузативных, так как они удовлетворяют основному условию каузации: наличию двух событий (осуществляемых субъектом и объектом каузации), одно из которых является причиной реализации второго (в данном случае, это пространственное перемещение объекта каузации под воздействием (жест/фраза) субъекта каузации). Эти глаголы также находят свое место в ряде классификаций каузативных глаголов, поскольку соответствуют признакам, лежащим в их основе. Однако отмечается тот факт, что каузативное значение данных конструкций имплицитно зависит от конкретной ситуации, информация о реализации ответного, каузируемого, действия зачастую проясняется только в ближайшем или дальнейшем контексте, а иногда и остается в рамках предположения, что не в полной мере соотносится со всеми требованиями, предъявляемыми к каузативным конструкциям. Соответственно, представленные глаголы не являются прототипическими каузативными глаголами, однако проанализированные конструкции с ними занимают определенное место в ряду каузативных конструкций современного английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова, Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. – 1971. – № 1. – С. 54-65.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
3. Богданова, С. Ю. Индексальные каузативные конструкции с фразовыми глаголами речи в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 1997. – 135 с.
4. Воронова, С. К. Семантика и синтаксис конструкций с глаголами каузации мнения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 1991. – 16 с.
5. Гріднева, Н. Н. Роль когнитивных и грамматических факторов в создании семантико-синтаксической организации конструкций со

- свернутыми сентенциональными компонентами: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2005. – 170 с.
6. *Кравченко, А. В.* Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 212 с.
 7. *Ковалева, Л. М.* Английская грамматика: от предложения к слову: в 2 ч. – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – Ч. I. Пропозиция. – 169 с.
 8. *Ковалева, Л. М.* Английская грамматика: предложение и слово: монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 397 с.
 9. *Льюис, Д.* Общая семантика // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 253-284.
 10. *Матиенко, А. В.* Функциональные особенности индексальных элементов в высказываниях с косвенной речью в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 1998. – 127 с.
 11. *Мустайоки, А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с. – (Studia philologica).
 12. *Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М. : Мысль, 2010. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1136.html>.*
 13. *Пирс, Ч.* Начала прагматизма. – СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с. – (Метафизические исследования. Приложение к альманаху).
 14. *Стеценко, Н. Г.* Роль наблюдателя в концептуализации начала и конца в современном английском языке (на материале имен существительных): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2004. – 140 с.
 15. *Шустова, С. В.* Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь : Пермский государственный университет, Прикамский социальный институт, 2010. – 248 с.
 16. *Corpus of Contemporary American [Electronic resource]. – URL : <http://corpus.byu.edu/>.*
 17. *Longman Dictionary of English Language and Culture. – LONGMAN, 1999. – 1568 p.*
 18. *McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. – The McGraw-Hill Companies, Inc., 2005. – 1098 p.*
 19. *Stocker, M.* The Causative in Middle and Modern English: dis. ... Docktors der Philosophie. – Muttentz, 1990. – 352 S.
 20. *The Oxford English Dictionary: a New English Dictionary on Historical Principles / ed. by A. H. James. – Oxford : University Press, 1933. – Vol. 2: C. – 1308 p.*

21. *The Oxford English Dictionary: a New English Dictionary on Historical Principles* / ed. by A. H. James. – Oxford : University Press, 1933. – Vol. 3: D-E. – 488 p.
22. *The Oxford English Dictionary: a New English Dictionary on Historical Principles* / ed. by A. H. James. – Oxford : University Press, 1933. – Vol. 7: N-Poy. – 1216 p.
23. *The Oxford English Dictionary: a New English Dictionary on Historical Principles* / ed. by A. H. James. – Oxford : University Press, 1933. – Vol. 12: V-Z. – 1171 p.

УДК 81

О. Г. Кобжицкая

кандидат философских наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: mingyun@mail.ru

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ГИПЕРБОЛИЗАЦИИ РЕЧИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается гипербола как выразительное средство, имеющее широкое распространение в стилистике русского и китайского языков. Раскрываются вопросы, связанные с причинами и условиями ее возникновения в разговорной и художественной речи в русском и китайском языках. Анализируются лексические и фразеологические средства гиперболизации речи.

Ключевые слова: выразительные средства; преувеличение; фразеологизм; эмоционально-экспрессивная окраска; авторская гипербола; крылатые слова.

Kobzhitskaya O. G.

Candidate of Philosophy, Associate Professor, MSLU EALI;
e-mail: mingyun@mail.ru

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL MEANS OF HYPERBOLE SPEECH IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

This article describes a hyperbole as a means of expression, which has a wide circulation in the stylistics of the Russian and Chinese languages. Article raises questions related to the causes and conditions of its occurrence in colloquial speech and artistic in the Russian and Chinese languages, analyzes lexical and phraseological means of hyperbole speech.

Keywords: means of expression; exaggeration; idiom; emotionally expressive painting; author hyperbole winged words.

Выразительность является характеристикой языка, изучаемой преимущественно в рамках стилистики. В силу различных культурных традиций и национальных особенностей образы, создаваемые с помощью выразительных средств, могут как совпадать, так и отличаться.

Особый интерес в стилистике представляет такой художественный прием, как преувеличение. В сопоставляемых нами русском и китайском языках отмечается богатство различных средств выразительности и художественных приемов. Явление гиперболичности

привлекает постоянное внимание лингвистов. Причина этого интереса – распространенность гиперболы в качестве приема создания экспрессивности речи. Эмоциональный эффект, достигаемый с помощью гиперболы, создает условия для ее широкого использования в разговорной и художественной речи. По мнению И. А. Федосова, все стилистические явления в языке и речи отражают национальную специфику языка, поэтому употребление гиперболы в том или ином языке будет иметь свои особенности [9, с. 27].

Под гиперолой понимается стилистическая фигура или художественный прием, содержащий непомерное преувеличение силы, размера, значения какого-либо явления. Речь идет о таком преувеличении, которое с точки зрения реальных возможностей осуществления мысли представляется невероятным. Тонкое замечание, сделанное А. А. Потебней по существу гиперболы, остается актуальным и для современных исследователей. «Гипербола есть результат как бы некоторого опьянения чувством, мешающего видеть вещи в их настоящих размерах. Поэтому она редко, лишь в исключительных случаях, встречается у людей трезвой и спокойной наблюдательности» [6, с. 172].

Использование гиперболы преследует цель произвести на слушателя (читателя) сильное и яркое впечатление. Когда писатель обращается к гиперболе, он рассчитывает на то, что слушатель (читатель) поймет преувеличение как умышленный стилистический прием, задуманный им для красочного и эмоционального описания явления.

Одним из условий создания гиперболы как в художественной, так и в разговорной речи, является представление о норме. Гиперболизация становится возможной благодаря знанию норм тех или иных свойств или состояний. Говорящий (пишущий) намеренно отходит от нормы для того, чтобы выразить глубину и силу своих чувств: «И дольше века длится день!»

Рассмотрим особенности создания гиперболы в разговорной речи. По мнению Л. П. Крысина, немаловажную роль в порождении гиперболических высказываний играет позиция говорящего и оценка им сообщаемых фактов [4]. Наличие контраста между действительной ситуацией и смыслом описывающего ее высказывания является решающим в создании гиперболического эффекта. Например, высказывание «Соли в доме – ни грамма!» может быть понято и в буквальном смысле, и указывать на отсутствие соли. Однако говорящий намерен-

но создает у слушающего представление об ее абсолютном отсутствии (нескольких граммов и тех нет).

Стремление приукрасить свою речь лежит в психологии людей – участников диалога. В условиях непринужденного речевого общения, когда необходимо заверить собеседника в чем-либо, пообещать что-либо, часто используют средства гиперболизации для выражения высокой степени чувства. Например: *Чтоб мне живой не сойти с этого места! До смерти не забуду! За вами, хоть на край света!* После такого рода высказываний у слушающего, как правило, не остается и тени сомнения, что так оно и будет.

Главными объектами гиперболизации выступают человек и его деятельность. В поле зрения гиперболы попадают физический и эмоциональный мир человека, все те события и явления, которые оказывают на него непосредственное влияние. Например, при преувеличении чувств и эмоций говорят: *позеленел от злости; рот разинул (от удивления); глаза на лоб полезли*. Преувеличение, связанное с плохим состоянием здоровья: *по стенке ходить, ветром качает*.

Гипербола может сочетаться с различными стилистическими приемами, и тогда возникают гиперболические сравнения, эпитеты и метафоры. Структурно выразительное средство будет соответствовать сравнению, эпитету или метафоре, а в семантическом плане преобладающей будет гипербола: например, *гром аплодисментов* (метафора), *громopodobные аплодисменты* (эпитет), *подобно грому раздались аплодисменты* (сравнение).

В китайском языке такие оглушительные аплодисменты описываются с помощью фразеологизма:

惊天动地的鼓掌 досл. *аплодисменты, сотрясающие небо и землю.*

Подобное переплетение художественных приемов, «их плавное перетекание из одного в другое называется конвергенцией» [5, с. 35]. Данное явление нередко встречается в художественной речи. А поскольку гипербола чаще других выразительных средств бывает включена в другие тропы, то некоторые исследователи даже отказывают ей в самостоятельности. И хотя существуют трудности в определении тропов, главная задача такого приема заключается в обогащении стилистики художественного произведения. Например, у В. Маяковского:

«Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды» (гипербола и ирония).

В отличие от гипербол, ставшими крылатыми выражениями и использующимися в качестве готовых языковых средств, авторская гипербола всегда уникальна и неповторима. Так, чтобы передать ощущение неимоверной жары, В. Маяковский использует такую гиперболу: «В сто сорок солнц закат пылал». Однако наряду с авторскими гиперболами в поэзии и прозе нередко можно встретить и крылатые гиперболизованные выражения. Так, в стихотворении А. Блока: «О, весна без конца и без краю / Без конца и без краю мечта!» использовано ставшее фразеологизмом выражение *конца-краю нет* (*конца-краю не видно*).

Гипербола является излюбленным приемом в поэзии и песенном жанре, а также в различных благопожеланиях. Так, в песне И. Саруханова «Желаю тебе» поется: «Желаю тебе из тысячи встреч / одну, самую счастливую. / Желаю тебе из тысячи ночей / одну, самую длинную».

В китайских пожеланиях счастья, здоровья и долголетия также часто встречаются элементы преувеличения:

祝你福如东海, 寿比南山 *Желаю вам счастья, подобно Восточному морю, и долголетия, как у Южных гор.*

Для китайцев традиционно главным объектом почитания является природа и природные явления. Нельзя не согласиться с Н. Т. Федоренко, который отмечает тесную связь образного мышления китайцев с природой уже с древнейших времен [8]. Тема природы, присутствующая в творчестве китайских поэтов и художников, наводит на мысль, что жизнь человека в окружении природы прекрасна и полна красоты. Небо, горы, реки, моря пробуждают в китайцах стремление к достижению благородства и душевной высоты. «В их видении мира красота природы неотделима от внутренней красоты человека» [7, с. 168]. Например:

山高水长 *досл. [словно] гора высок, [словно] водяной поток бесконечен, обр. в знач.: человек высоких моральных качеств* [3, с. 375];

安如泰山 *досл. непоколебимый, как гора Тайшань, обр. в знач.: прочный, устойчивый, незыблемый* [3, с. 15].

Использование гиперболы во фразеологизмах – часто встречающееся явление как в русском, так и в китайском языке. Рассмотрим,

как проявляет себя преувеличение во фразеологизмах и уточним его понятие: «Фразеологизмом (фразеологической единицей) признается устойчивое лексико-семантическое единство, внешне напоминающее словосочетание или предложение, обладающее воспроизводимостью, целостным, обычно переносным значением и выполняющее, как правило, изобразительно-оценочную функцию» [9, с. 25].

Как мы видим, И. А. Федосов выделяет такую основную функцию фразеологизма, как изобразительно-оценочную, подразумевающую яркую эмоционально-экспрессивную окраску. Это означает использование во фразеологизмах изобразительно-выразительных средств, дающих оценку тому или иному явлению действительности и отличающихся от обычных стилистически нейтральных средств. А поскольку в большинстве своем фразеологизмы – это явление разговорной речи, то не будет преувеличением отметить, что все разговорные фразеологизмы обладают образностью и могут быть окрашены в иронические, шуточные, фамильярные, неодобрительные и другие тона.

Что касается переносного значения фразеологизма, то оно может быть основано на иносказании, олицетворении, гиперболе, литоте, метафоре. Например:

Биться, как рыба об лед обр. в знач.: *тщетно, безрезультатно* (сравнение) [10, с. 37].

Воротить горы обр. в знач.: *делать большое дело, требующее больших усилий* (гипербола) [10, с. 79].

С гулькин нос обр. в знач.: *очень мало* (литота) [10, с. 285].

Исследователь китайской фразеологии И. В. Войцехович рассматривает тропы и, в частности, гиперболу в качестве главных инструментов метафоризации образа с целью создания эмфазы в китайских фразеологизмах чэньюй:

万寿无疆 досл. *жизнь длиною в десять тысяч лет не имеет границ*, обр. в знач.: *долголетие, долгая жизнь* [1, с. 65].

Чэньюй – это устойчивое фразеологическое словосочетание, построенное по нормам древнекитайского языка вэньянь, с обобщенно переносным значением и носящее экспрессивный характер. Чаще чэньюй бывают четырехсловными. Различные смысловые оттенки,

передаваемые с помощью гиперболы, позволяют разделить фразеологизмы чэньюй на несколько семантических групп. Выделяются фразеологизмы, выражающие:

– эмоции, чувства:

哀哀欲绝 досл. *готов умереть от горя*, обр. в знач.: *крайне опечаленный, в высшей степени скорбный* [3, с. 13];

– силу, усилия:

九牛二虎之力 досл. *сила, как у девяти волов и двух тигров*, обр. в знач.: *нечеловеческая сила, огромные усилия*;

– количество:

水泄不通 досл. *вода не просочится*, обр. в знач.: *яблоку негде упасть, битком набитый* ;

– скорость:

层出不穷 досл. *слой за слоем*, обр. в знач.: *валом валить, появляться непрерывно*;

– события:

千钧一发 досл. *тысяча цзюней на одном волоске*, обр. в знач.: *крайне опасная ситуация; критический момент* [3, с. 334].

Мнения китайских лингвистов о гиперболе, ее функциях, условиях создания примерно такие же, как у отечественных лингвистов. Они также считают, что по силе передачи эмоционального накала ей уступают другие тропы. Даже если автор отступает от реальных фактов, реальных цифр, гипербола – это реальность в искусстве, находящая отклик у читателя и пробуждающая в нем такие же сильные чувства и эмоции, как у автора. Например, в двустиишии:

隔壁千家醉. *По соседству тысячи семей пьяны.*

开坛十里香. *Откроешь сосуды с вином – аромат на десять ли.*

В первом предложении автор показывает, что вкус вина настолько крепок, что соседи валятся спяну, во втором – описывается сильный аромат вина, который распространяется далеко вокруг.

Использованный прием преувеличения называется гиперболой расширения 扩大夸张. Она выражает сознательное преувеличение

свойств предметов и явлений с помощью прилагательных 大、多、高、强、深 (большой, множественный, высокий, сильный, глубокий и др.), а также числительных 十、百、千、万 (десять, сто, тысяча, десять тысяч).

В качестве разновидности гиперболы выделяют такой прием, при котором явление, в действительности следующее вторым, намеренно ставится на место первого:

农民们都说：看见这样鲜绿的苗，就嗅出白面包的香味儿来了。
Крестьяне говорят: «Как увидишь эти нежно-зеленые всходы, так сразу чуешь аромат белого хлеба».

Существует еще одна разновидность гиперболы – гипербола сужения 缩小夸张. В русском языке ей соответствует литота – намеренное преуменьшение. Литоту часто называют гиперболой наоборот. Посредством данной разновидности гиперболы подчеркивается незначительность и малогабаритность предметов. Например:

一个浑身黑色的人，站在掌柜面前，眼光正像两把刀，刺得掌柜缩小了一半。
Перед хозяином лавки стоял черный с головы до ног человек, взгляд его, подобно двум ножам, пронизывал так, что, казалось, хозяин лавки уменьшился наполовину.

Так, у Мао Цзэдуна при описании силы и мощи Красной армии используется как гипербола сужения, так и гипербола расширения:

红军不怕远征难 Красная армия не боится трудностей дальнего похода.

万水千山只等闲。 [Преодолеть] **тысячи рек и тысячи гор** – [для нее] обычное дело.

五岭逶迤细浪 Прыгает по пяти извилистым горным хребтам, как по мелким волнам.

乌蒙磅礴走泥丸。 Поднимается по горе Умэньшань, как по глиняным шарикам.

В китайских фразеологизмах чэньюй гипербола сужения встречается реже гиперболы расширения, и то в основном для выражения малого количества:

寥若晨星 досл. так мало, как звезд на утреннем небосклоне.

九牛一毛 досл. *один волосок от девяти волов*, обр. в знач.: *капля в море* [3, с. 226].

При использовании гиперболы, как считают китайские лингвисты, необходимо, во-первых, основываться на объективной реальности для того, чтобы те, к кому она обращена, не теряли чувства реальности. В противном случае высказывание будет признано ложным, а не гиперболическим:

燕山雪花大如席。 *Снежинки на горе Яньшань размером с циновку.*

В этом примере одновременно с преувеличением размеров снежинок содержится указание на реально существующий снежный покров на горе Яньшань.

Во-вторых, необходима четкость и ясность, иначе может возникнуть ощущение, что данное явление это либо гипербола, либо реальность:

祖国大地换新颜，一天等于二十年。 *Родина сильно преобразилась, день равен двадцати годам.*

И наконец, нужно стремиться к новизне и оригинальности, не подражая уже сказанному когда-то мастером слова. Свежие и оригинальные гиперболы – результат индивидуального восприятия действительности. Они отражают авторский взгляд на изображаемые предметы и явления [2, с. 161].

В русском языке о слишком худом человеке можно сказать *тощий, как скелет; кожа да кости*, а о располневшем человеке *ну тебя и разнесло!* Отклонение от объективной количественной оценки предмета, явления хорошо прослеживается в гиперболах, характеризующих физическое состояние человека:

瘦成皮包骨了 *Похудел так, что кожа обтягивает кости.*

她的圆脸已瘦得只剩下窄窄的一条了 *Ее круглое лицо так похудело, что осталась лишь одна узенькая полоска.*

他胖得皮都要绽开了 *Он так растолстел, что от жира вот-вот лопнет.*

В заключение следует отметить, что использование гиперболы и в русском, и в китайском языках подчинено определенным правилам,

следуя которым не составит труда добиться нужного эмоционального эффекта. Как показали приведенные примеры, в обоих языках гиперболизация речи достигается с помощью лексических и фразеологических средств. Особенностью русской разговорной речи является использование гипербол, ставших крылатыми словами. В китайском языке гипербола ярко проявляется через фразеологизмы чэньюй, преимущественно используемые в книжной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Войцехович, И. В.* Практическая фразеология современного китайского языка. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 509 с.
2. *Горелов, В. И.* Стилистика современного китайского языка. – М. : Просвещение, 1979. – 192 с.
3. *Готлиб, О. М, Хуаин, Му.* Китайско-русский фразеологический словарь. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 608 с.
4. *Крысин, Л. П.* Гипербола в русской разговорной речи [Электронный ресурс] // Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – URL : <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-04d.htm>.
5. *Маклакова, Т. Б.* Выразительные средства языка: метод. указ.: в 2 ч. – Иркутск : ИГЛУ, 2012. – 50 с.
6. *Потебня, А. А.* Теория словесности. Тропы и фигуры. – М. : Кранд, 2010. – 200 с.
7. *Тань, Аошун.* Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
8. *Федоренко, Н. Т.* Тема природы и человека в творчестве некоторых китайских поэтов [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.philology.ru/literature4/fedorenko-60.htm>.
9. *Федосов, И. А.* Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1977. – 211 с.
10. *Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова.* – 2-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1968. – 543 с.

РАЗДЕЛ III
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

УДК 81

А. В. Каверзина

старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: anastasiakaver@mail.ru

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ ПЕТРИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Охарактеризованы жесткие десигнаторы, влияющие на построение дискурса согласования. На одном из примеров показано использование сети Петри применительно к задаче моделирования отношений на данном этапе дискурса в редакционно-издательской деятельности.

Ключевые слова: концепт ПУБЛИКАЦИЯ; автор; редакция/издательство; дискурс редакционно-издательской деятельности; дискурс согласования; сеть Петри.

Kaverzina A. V.

Senior Lecturer MSLU EALI; e-mail: anastasiakaver@mail.ru

**THE PETRI REPRESENTATION SYSTEM AS A MEANS OF
DISCOURSE ANALYSIS IN A SPHERE OF PUBLISHER ACTIVITY**

Hard designators' bearing on formation of the discourse of concord has been discussed. I attempt to apply the Petri representation system to come forward with a schemata for the discourse of publisher activity.

Key words: concept PUBLICATION; discourse publishing activity; the publisher discourse; discourse of concord; the Petri representation system.

Иллокутивная цель редакционно-издательской деятельности (далее –РИД) – получение прибыли за счет перлокутивного эффект, т. е. публикации. Данной цели можно достигнуть, когда дискурс индивидуального адресанта в дискурсе РИД, который представлен автором, переходит на этап дискурса согласования (далее – ДС) с институциональным полиадресантом (издательством) [1], в котором активное

участие принимает экспертное сообщество (далее – ЭС) [3]. На этапе ДС редакция переходит от фатической стадии [2] к коммуникативной эстафете, в которой большую роль играет ЭС. Таким образом, в дискурсе участвуют агенты-эксперты.

В структурные отношения на этапе ДС в ходе коммуникативной эстафеты включаются различные агенты: «Институциональный полиадресант представлен коллективом, который готовит к публикации и распространению книжную продукцию, отвечает за качество ее исполнения» [1, с. 66]. Это говорит о коллегиальном характере издательства, что приводит к коммуникативной эстафете, обусловленной высокоорганизованным институциональным дискурсом в РИД.

Самая простейшая коммуникативная эстафета протекает в рамках бинарных отношений типа: «автор – редактор», «редактор – эксперт», «автор – эксперт», «автор – художник» и т. д. В этом случае можно применить когнитивные веса, предложенные нами на этапе фатической коммуникации [2].

Ключевым агентом в институциональном дискурсе в РИД при этом становится редактор. По мнению М. В. Раца: «Издатель, редактор, дизайнер <...> – все они связаны одним общим делом – обеспечивают, каждый по-своему, эффективное функционирование книги в системе общения» [4, с. 291-292], но «редактор – первый человек в издательстве, который защищает и олицетворяет в издательском процессе интересы культуры» [4, с. 305]. Таким образом, без редактора, даже на упрощенной стадии коммуникативной эстафеты, ДС в РИД состояться не может.

Дискурс в РИД имеет познавательную целевую установку. Одним из важнейших жестких десигнаторов для издательства является его прибыльность, «читаемость» его продукции, именно это привлекает индивидуальных адресантов (авторов), в частности повышает импакт-фактор (престижность) публикаций. В связи с этим вторым ключевым агентом является эксперт, который дает авторитетную оценку качества рукописи, представленной автором, определяет ее актуальность/тематическую востребованность научным сообществом, если речь идет о научном журнале. Самая распространенная упрощенная коммуникативная эстафета на этапе ДС для редакции, занимающейся

публикацией научных журналов, – система тройственных межперсональных отношений (рис. 1).

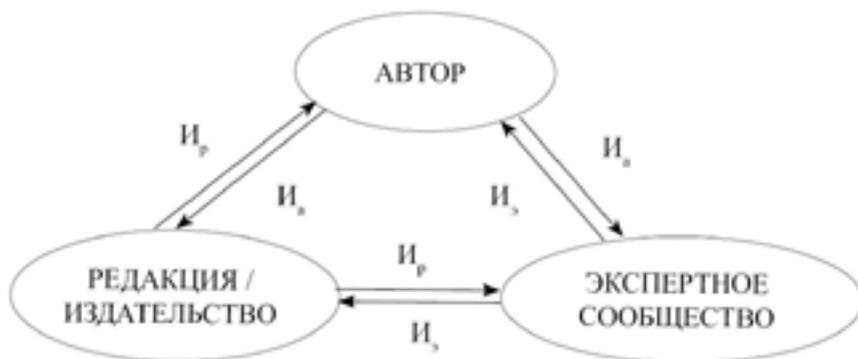

Рис. 1. Система тройственных межперсональных отношений в редакции

Если говорить о таких научных или учебных изданиях, то круг агентов в РИД значительно расширяется. Система структур множественных межперсональных отношений, связанных с РИД, является наглядным следствием концепции антропоцентризма. Как и в когнитивных моделях Р. Лангакера [3] каждая из таких структур может быть представлена в форме звезды (рис. 2).

В каждом случае работают свои жесткие десигнаторы. Рассмотрим более узкую сферу РИД: ДС при публикации статьи в научном журнале. В данном случае дискурс опосредован электронной почтой, т. е. мы должны учитывать «опосредованность взаимодействия, удаленность адресата, наличие временного разрыва между отправлением и получением сообщения» [1, с. 65].

Значит, дискурс между автором и экспертом напрямую в данном случае невозможен. В качестве посредника выступает редактор. В ходе коммуникативной эстафеты автор взаимодействует с редакцией, а та в свою очередь с экспертами и автором, учитывая жесткие десигнаторы как со стороны автора, так и со стороны экспертов, преследуя собственную цель, – прибыль (рис. 3).

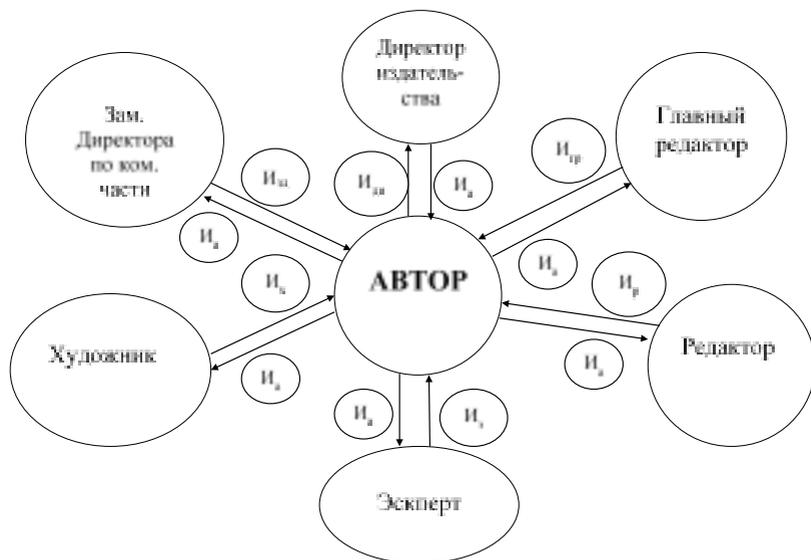

Рис. 2. Структура множественных межперсональных отношений, связанных с РИД

При опосредованном электронной почтой или редактором, выступающим в качестве посредника, общении, эксперту необходимо иметь способ воздействия на автора. Данным инструментом является рецензия. Именно с помощью рецензии, которая выступает в качестве основного жесткого десигнатора на данном этапе, эксперт может вступить в дискурс с автором. Чаще всего в научных журналах используют прием слепого рецензирования, т. е. эксперт не имеет представление об авторе статьи, так как автор при получении экспертом рукописи не указывается. В таком случае жесткий десигнатор (статус автора) скрыт от эксперта.

Чаще всего эксперт не нуждается в прямом знании этого жесткого десигнатора. В связи с тем, что стиль изложения материала доктором наук значительно отличается от стиля изложения кандидата наук, тем более, аспиранта или соискателя. Следовательно, данный жесткий десигнатор влияет на другой жесткий десигнатор, являющийся для эксперта важнейшим – содержание и высокий научный уровень работы, т. е. осмысленный текст рукописи.

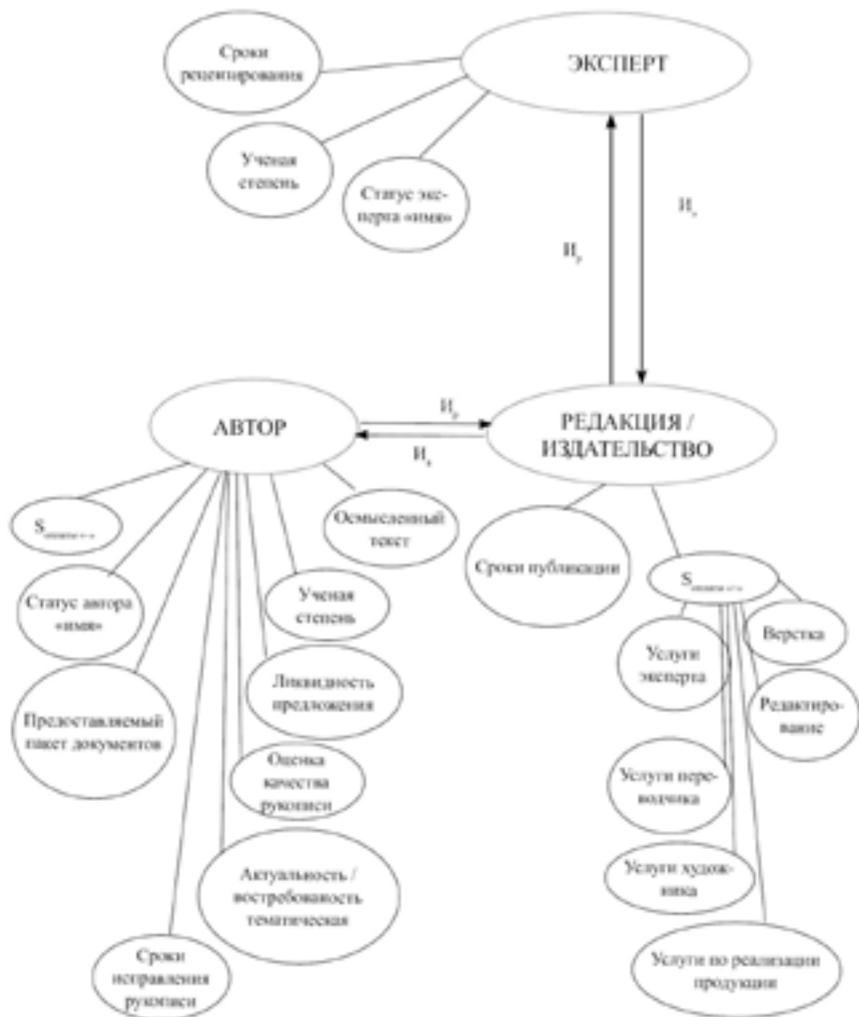

Рис. 3. Соотношение когнитивных весов концепта ПУБЛИКАЦИЯ в структуре взаимодействия ДС «автор – редакция/издательство – эксперт»

Таким образом, можно представить акт дискурсивного взаимодействия основных агентов РИД на этапе ДС как своего рода фрейм, в котором редактор (в позиции «агента» *A*) воздействует на автора (как «patients» *P*) с помощью «инструмента» *I* (рецензирования) (рис. 4).

Рис. 4. Фреймовая модель ДФ РИД:
A – редактор; *I* – инструмент воздействия; *P* – автор

Описание исследования дискурса с помощью семантических сетей можно встретить еще в работах начала 1970-х гг. (см. статью Р. Симмонса и Дж. Слокума [6]). Естественно, в отношении уровня такого описания необходимо сделать скидку, учитывая прогресс представлений ко второму десятилетию XXI в. Моделирование дискурсивных отношений предполагает: определение предусловий (множества условий, представленных, например, логическими формулами, которые истинны до того, как моделирование выполняется) и построение логической (или сетевой) модели вывода, связанной, например, с принятием решений. Для представления знаний даже о небольшом сегменте дискурса в РИД нам придется построить систему моделей, последовательно показывающих достижение целей РИД. В самом простом случае это могут быть, например:

- объектная целевая модель РИД (рис. 5);
- упрощенная функционально-деятельностная модель (ФДМ) дискурсивного принятия решений, связанных с РИД (рис.6).

Рис. 5. Объектная целевая модель РИД:
О – рукопись, представляемая для опубликования; *ФДМ* – функционально-деятельностная модель; *Е* – конечный продукт в форме публикации

Упрощенная ФДМ должна представлять собой модель принятия редактором издательства решения об опубликовании рукописи автора. Анализ возможных основ для построения модели показал, что весьма эффективным средством представления структуры функциональных отношений в ДФ может быть сеть Петри типа «предикат – переход» с *n*-местными предикатами, допускающими переход по некоторому условию. На основе такой сети можно строить имитационные моде-

ли, отражающие динамику функциональных отношений между объектами и, возможно, даже смысловые отношения между процессами. Поясним использование сети Петри применительно к задаче моделирования отношений деятельности, связанной с РИД, опосредованных дискурсом (см. рис. 6).

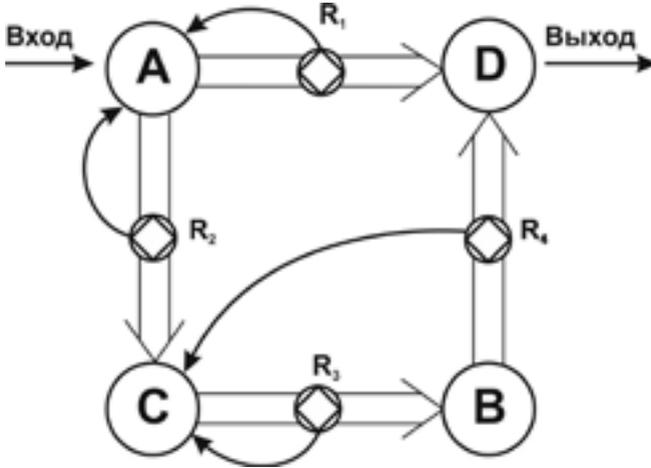

Рис. 6. Упрощенная ФДМ дискурсивного принятия решений, связанных с РИД на основе сети Петри:

A – деятельность автора, связанная с опубликованием рукописи; R_1 – совокупность требований к автору, связанных с опубликованием рукописи (наличие степени (доктор наук) и/или ученого звания (профессор, академик); B – деятельность редактора, связанная с опубликованием рукописи; R_2 – совокупность требований, предъявляемых к процессу редактирования рукописи редактором (технические требования, существующие в данном издательстве); R_3 – совокупность требований, предъявляемых к процессу научного рецензирования рукописи экспертом; C – деятельность эксперта, связанная с оценкой жестких десигнаторов, предъявляемых к рукописи; R_4 – совокупность правовых требований (заключение договора и осуществление оплаты за публикацию статьи) и требований редакции по итоговому оформлению текста, предъявляемых к процессу опубликования (отсутствие стилистических и орфографических ошибок); D – деятельность, связанная с выдачей дирекцией разрешения на опубликование

Разомкнутая функциональная модель представляет собой модель «вход – выход». В нашем случае ФДМ на основе сети Петри, построенная, чтобы отразить упрощенную совокупность отношений, связанных с РИД, позволяет сделать вывод о возможности принятия решения об опубликовании рукописи. На вход такой ФДМ поступают численные значения основных переменных и констант процесса, основные начальные и граничные условия процесса; на ее выходе возможно получение лишь двух типов сигналов-решений: 0 или 1, т. е. «да» или «нет». Применительно к РИД это означает, что разрешение на публикацию конечного продукта может быть получено или нет. Решение о возможности опубликования может быть получено, если все агенты такой модели (намеренно предельно упрощенной в нашем случае) дискурсивного принятия решений (автор, редактор и рецензент и др.) выполняют все требования, связанные с их функциями и сферой полномочий в системе РИД.

Институциональный дискурс согласования. На фатической стадии основными условиями принятия решения редакцией являются жесткие десигнаторы, важнейшие для издательства A , т. е. с помощью R_1 проходит проверка на соответствие предъявляемых к автору жестких десигнаторов, которые были рассмотрены нами на фатической стадии. Затем оцениваются все жесткие десигнаторы, значимые для редакции, основным из которых является соответствие качества рукописи.

(1) Дискурс «автор ↔ редактор» ($A \leftrightarrow P$).

А: Уважаемый редактор! Спасибо Вам за такое внимательное отношение! И за то, что принимаете статью 21 января (последний день приема рукописей 20 января – $A. K.$)! Высылаю Вам статью и справку из отдела аспирантуры.

Р: Уважаемая N! Необходимо оформить рукопись в соответствии с основными требованиями, предъявляемыми к рукописи (см. прикрепленный файл «Основные требования»).

Из данного примера следует, что автор располагает общими сведениями. К тому же благодарит редакцию за возможность сдать рукопись позже. Редакция готова рассмотреть рукопись, значит, такой жесткий десигнатор, как срок сдачи материала не так важен для нее.

Скорее всего, номер журнал заполнен не полностью, поэтому жесткий десигнатор «срок принятия рукописи – 20 января», становится незначимым, так как иной жесткий десигнатор выходит на первый план – укомплектованность номера.

При этом редакция не может пренебречь другим важным для нее жестким десигнатором – соответствие рукописи требованиям, которые предъявляет редакция. Значит, работает механизм оценки формы предъявления статьи R_2 , что отсылает рукопись на предыдущий уровень A . Это несоответствие не приводит к дискурсу различий, так как редакция готова вновь рассмотреть рукопись, т. е. мы видим первый этап коммуникативной эстафеты.

(2) Дискурс «автор ↔ редактор» ($A \leftrightarrow P$).

А: Уважаемый редактор! Еще раз спасибо Вам за такое внимательное отношение! Высылаю Вам исправленный вариант статьи.

Р: Уважаемая N! Ваша рукопись получена. Как только она пройдет рецензирование, мы Вам сообщим.

А: Уважаемый редактор! Большое Вам спасибо! С нетерпением буду ожидать результатов рецензирования!

На этой стадии коммуникативной эстафеты автор после определенной паузы, обусловленной спецификой данной сферы, выполнив требования редактора, вновь вступает в дискурс. Значит, из точки A , в соответствии с алгоритмом, он продвигается к следующему предикату C (деятельность редактора). Автор выполнил условие R_2 , значит, на данном этапе жесткий десигнатор выступает в качестве перехода к C предикату, допускающему переход по такому условию, как соответствие рукописи требованиям, которые предъявляет редакция, удовлетворен.

(3) Дискурс «эксперты ↔ редактор ↔ автор» ($\mathcal{E} \leftrightarrow P \leftrightarrow A$).

Р: Уважаемая N! Переработайте, пожалуйста, статью в соответствии с замечаниями экспертов: следует разграничивать понятия метального и физического пространства, ведь лингвистика изучает не онтологические категории пространства и времени, а то, какими языковыми средствами они представлены. Необходимо улучшить метаязык описания, стиль изложения. Пояснить, что такое модель «комплексное движущееся время», «ссылочные объекты».

А: Уважаемый редактор! Спасибо Вам! Статью переработаю, у меня 10 дней верно? Скажите, пожалуйста, должна ли я написать ответ на рецензии или достаточно просто переработать статью? Заранее спасибо!

Р: Уважаемая N! Да, Вам необходимо переработать статью в течение 10 дней. Если Вы не согласны с какими-либо замечаниями рецензентов, в этом случае необходимо обосновать свою позицию. Если же согласны со всеми замечаниями, то их необходимо устранить.

В соответствии с сетью Петри следующим предикатом в коммуникативной эстафете выступает предикат B – деятельность эксперта, связанная с оценкой жестких десигнаторов, предъявляемых к рукописи, а в качестве возможного перехода выступает R_3 – совокупность требований, предъявляемых к процессу научного рецензирования рукописи экспертом. Конечно, инструментом эксперта является рецензия, в которой отражены различные жесткие десигнаторы в рамках этого критического жанра, имеющего структуру, подразумевающую высокоорганизованный институциональный научный дискурс власти. Следовательно, если автор не намерен вступать в дискурс с экспертом, то редакция на основании выводов эксперта в рамках высокоорганизованного институционального дискурса вправе отклонить рукопись автора, основываясь лишь на мнении экспертов. Следовательно, такой дискурс приведет к дискурсу различий (далее – ДР), значит, на выходе сети Петри будет 0. В этом случае перлокутивный эффект (публикация) в связи с ДР достигнут не будет.

Чаще всего в научных журналах в дискурсе могут участвовать два эксперта, мнение которых может как полностью совпадать, так и полностью различаться. Это также влияет на ДС. В таком случае эксперты делают общие замечания автору, причем значимыми для них жесткими десигнаторами становится ученая степень, так как эксперт отмечает в рецензии неверное разграничение понятий «метального и физического пространства», а также с помощью каких средств нужно их рассматривать. Подобные замечания могут быть сделаны лишь аспиранту, который еще пытается разграничить понятия и выработать собственную стратегию в истолковании того или иного термина через собственный практический материал, в связи с этим эксперты просят автора пояснить, чем для него является «модель “комплексное движущееся время”, “ссылочные объекты”». При использовании экспер-

тами такого жесткого десигнатора, как оценка рукописи, мы видим, что для них важным жесткими десигнаторами становятся не только ликвидность и тематическая востребованность предложения, но и осмысленный текст, так как эксперты отмечают, что «необходимо улучшить метаязык описания, стиль изложения».

Также в тексте-ответе редакцией дан комментарий, касающийся дальнейших ее действий, причем наглядно обозначены конкретные сроки. Таким образом, данный дискурс различий не только отражает возможные миры коммуникантов, но уже содержит общие жесткие десигнаторы, способные служить основой дискурса согласования.

(4) Дискурс «автор ↔ (редактор ↔ эксперты)» ($A \leftrightarrow (P \leftrightarrow Э)$).

А: Уважаемый редактор! Высылаю Вам переработанную статью! И спасибо экспертам за замечания!

Р: Уважаемая N! К сожалению, Вам необходимо устранить некоторые недочеты в соответствии с замечаниями экспертов.

Э: В предыдущей рецензии было сделано замечание по необходимости описать и объяснить, что понимается под моделью «комплексное движущееся время». Чья это модель? В чем ее суть? Также автор не разграничивает метальное и физическое пространства, они не могут «проникать» друг в друга.

На следующем этапе коммуникативной эстафеты автор вновь вступает в дискурс с редактором. Обозначенные в предыдущем письме редактором жесткими десигнаторами, т. е. он высылает рукопись. Стараются учесть не только интенции редакции, но и заочно вступает с помощью посредника (редактора) в дискурс с экспертами в рамках официально-делового стиля, используя типичные клише, т. е. благодарит экспертов за замечания. При этом надеется достигнуть на данном этапе нужного перлокутивного эффекта – перехода в соответствии с сетью Петри к следующему предикату D и решению в рамках данной сети следующего условия R_{φ} , т.е. совокупности правовых требований и требований редакции по итоговому оформлению текста, предъявляемых к процессу опубликования.

Из дискурса с редактором становится понятно, что должный перлокутивный эффект не был достигнут. Следовательно, в соответствии с алгоритмом автор вновь возвращается в предыдущую точку.

Соответственно, жесткие десигнаторы, которые были в качестве замечаний описаны в предыдущей дискурсивной формации, не были устранены. Например, эксперты вновь просят автора пояснить основные понятия (модель «комплексное движущееся время»), указав на основателя данной модели. Наряду с этим требуется разграничить метальное и физическое пространства. Таким образом, такой жесткий десигнатор, как осмысленный текст, не был получен. Значит, совокупность требований, предъявляемых к процессу научного рецензирования рукописи экспертом, неудовлетворена, что автоматически отправляет автора к предыдущему предикату.

(5) Дискурс «автор ↔ (редактор ↔ эксперты) ↔ эксперт ↔ редактор» ($A \leftrightarrow (P \leftrightarrow Э) \leftrightarrow Э \leftrightarrow P$).

А: Уважаемый редактор! Высылаю Вам переработанную рукопись и ответ на рецензию, где даны пояснения по некоторым вопросам.

Ответ на рецензию

Огромное спасибо уважаемым экспертам за ценные указания на неточности в статье, которые, надеюсь, нами были устранены.

Однако в связи с некоторыми замечаниями эксперта (рецензента) считаем необходимым пояснить следующее:

Понятие «Событие движения» рассматривается в работе N, где только первое слово в русском переводе понятия употребляется с прописной буквы и склоняется согласно правилам (например, в статье N: «В ходе рассмотрения кетских директивных спутников нами была предпринята попытка типологической характеристики КЯ на основе типологии моделей лексикализации семантических компонентов [Чего?] События движения» [стр. 34]). Следуя прецеденту, мы продолжаем писать Событие движения.

Во фразе «в котором происходит слияние внутренних компонентов Маршрут, Движение и внешнего компонента Способ» [стр. 5] следующее согласование: слияние [Чего?] внутренних компонентов и [Чего?] внешнего компонента; компонентов [Каких?] Маршрут, Движение.

Р: Уважаемая N!

Ваша рукопись прошла повторное рецензирование. Замечаний больше нет. Она может быть опубликована в ближайшем номере.

Просим Вас заполнить договор и акт в двух экземплярах, перечислить денежную сумму в размере N за публикацию рукописи до 15 февраля

на реквизиты университета (см. прикрепленный файл). Договор и акт выслать по адресу: N. Сканированную квитанцию просим Вас направить по электронной почте. Заранее благодарим за понимание! Надеемся на быстрый ответ!

На данном этапе коммуникативной эстафеты автор вновь вступает в дискурс с экспертом через редактора, т. е. сразу с двумя адресатами (экспертом и редактором). При этом автор графически отделяет два текста: редактору и экспертам. Автор начинает с обращений: в первом тексте «Уважаемый редактор!» и во втором – «Ответ на рецензию», что говорит о двух одновременно параллельных и смежных дискурсах на одну и ту же тему. Редактору адресована клишированная институционально фраза: «Высылаю Вам переработанную рукопись и ответ на рецензию, где даны пояснения по некоторым вопросам», т. е. представлены важные жесткие десигнаторы для редактора: получение рукописи и структура письма, что позволяет вести ДС, не отступая от алгоритмизированного дискурса.

Если говорить о второй части дискурса, адресованной экспертам, то в этом случае автор готов обосновать каждый тезис отдельно, аргументируя это тем, что именно так выглядит его осмысленный текст. Таким образом, он не просто не согласен с жесткими десигнаторами экспертов, но и готов аргументировано опровергнуть их более значимыми для его собственной работы жесткими десигнаторами, основываясь на уже признанных работах, в частности на работе N. Наряду с этим автор обосновывает и собственную точку зрения на «слияние внутренних компонентов Маршрут, Движение и внешнего компонента Способ». Устранив большинство замечаний, считает, что его утверждения верны, при этом полагает, что авторский текст соответствует требованиям экспертов, т. е. одному из жестких десигнаторов – осмысленному тексту. Таким образом, не просто ссылается на перечисленные работы, но и логично обосновывает их использование в тексте рукописи, что возможно позволит экспертам пересмотреть данный жесткий десигнатор. Следовательно, дает возможность, удовлетворив совокупность требований, предъявляемых к процессу научного рецензирования рукописи экспертами, перейти к следующему условию: совокупность правовых требований и требований редакции по итоговому оформлению текста, предъявляемых к процессу опу-

бликования. Что подтверждает ответ редактора: «рукопись прошла повторное рецензирование. Замечаний больше нет».

Редактор, выдвинув условие R_p , автоматически переходит к завершающему этапу коммуникативной эстафеты, преодолев который, автор подходит к предикату D , т. е. к деятельности, связанной с выдачей дирекцией разрешения на опубликование. Выполнив требования дирекции, например, заполнение договора и акта, внесение определенной $S_{оплаты}$ за публикацию рукописи, отправку подтверждающих документов (сканированная квитанция оплаты), автор может перейти в точку D . В данном случае прохождение рукописи по сети Петри типа «предикат – переход» с n -местными предикатами, допускающими переход по некоторому условию, обосновывает высокую институциональность дискурса в РИД. Если дискурс согласования состоялся, то жесткие десигнаторы удовлетворены, таким образом, перлокутивный эффект дискурса в РИД достигнут: рукопись опубликована, редакция получила прибыль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виклова, Л. Г.* Издательский дискурс в системе общения «Автор – издатель – читатель» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер.: Филология. – 2012. – № 2 (18). – С. 63-69.
2. *Каверзина, А. В.* Когнитивные особенности фатической стадии дискурса в редакционно-издательской деятельности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание и литературоведение. – 2015. – Вып. 22(714). – С. 115-128.
3. *Каплуненко, А. М.* О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Коммуникативистика и коммуникациология / отв. ред. проф. А. М. Каплуненко. – 2007. – № 5. – С. 3-12.
4. *Рац, М. В.* Воспоминания и размышления (новые страницы) // Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила»: сборник / сост. М. В. Рац. – СПб. : Ретро, 2005. – С. 111-459.
5. *Langacker, R. W.* Concepts, Image and Symbol : The Cognitive Basis of Grammar (Cognitive Linguistics Research, Vol. 1). – New York : Academic Press, 1990. – 352 p.
6. *Simmons, R., Slocum, J.* Generating English discourse from semantic networks // Commun. ACM. – 1972. – Vol. 15, № 10. – P. 891-905.

УДК 81

С. А. Хахалова

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: ipswet@mail.ru

ГРАММАТИКА МЕТАФОРЫ

В статье представлен авторский взгляд на грамматическую структуру метафоры, который позволяет сформулировать термин «грамматика метафоры» и провести ее анализ на материале разных языков. Метафора рассматривается как множество, обладающее дискретным характером на грамматическом и лексическом уровнях языковой системы естественного языка, которому присуще свойство грамматикализации семантики класса вторичных наименований с большой свободой личностной интерпретации ситуаций внеязыковой действительности.

Ключевые слова: метафора; грамматика; грамматический уровень; лексический уровень; грамматическая метафора; лексическая метафора; переносное употребление глагольных форм; переносное употребление лексических средств; грамматика метафоры; семантика метафоры.

Khakhalova S. A.

Doctor of Philology, Professor, MSLU EALI, e-mail: ipswet@mail.ru

THE GRAMMAR OF METAPHOR

In this summary of some of our recent research on written and spoken languages we discuss some cases in which written and spoken languages can bring new insights into the theory of metaphors. These cases are of two sorts. First we re-visit many debates about morphological nature of metaphors. Second we suggest, that metaphors are the discrete units and have their own grammar.

Key words: metaphors; grammar; grammatical level; lexical level; grammatical metaphor; lexical metaphor; verb transfer; word transfer; the grammar of metaphor; the semantic of metaphor.

Задача, которая стоит перед нами, состоит в том, чтобы рассмотреть грамматику метафоры с точки зрения системы языковых форм, представленных на морфологическом и лексическом уровнях языковой системы.

На морфологическом уровне метафора представлена грамматической метафорой. Этот термин впервые введен Е. И. Шендельс [10, с. 37-49; 22, с. 48-57]. Под грамматической метафорой понимается транспозиция словоформы морфологического уровня с одного дено-

тата на другой в несвойственной для нее функции. Примерами грамматической метафоры на материале немецкого языка могут быть временные формы исторического настоящего (*das Präsens historikum*), будущего настоящего (*das Präsens futuralis*), отсутствие согласования между лексическим и грамматическим значением, противоречие между значением выбранной языковой формы и реалиями ситуации внешнего мира при использовании форм личных местоимений.

Рассмотрим первый вид грамматической метафоры *das Präsens historikum* на примере:

«Prinzessin Anabella hat die bunte Perlenkette zerrissen, die ein Zauberer ihr geschenkt hat. Wie soll sie die hundert Perlen wiederauffädeln?».

В данном примере в предложении *Wie soll sie die hundert Perlen wiederauffädeln?* употребляется грамматическая форма настоящего времени *soll auffädeln* с модальным глаголом *sollen*. По нормативным грамматическим правилам настоящее время изъявительного наклонения в немецком языке употребляется для описания действия в актуальном настоящем времени в данный момент и сейчас. Однако ситуативный контекст свидетельствует о том, что именно эта грамматическая форма употребляется в несвойственной ей функции и обозначает действие, происходившее в прошлом, которое не имеет отношения к настоящему времени. В предложении поэтому должна была быть употреблена форма прошедшего времени модального глагола *sollen* с неопределенной формой изменяемого глагола *auffädeln*, тогда предложение должно было бы выглядеть следующим образом: *Wie hat sie die hundert Perlen wieder auffädeln sollen?*

Использование грамматической формы настоящего времени изъявительного наклонения происходит вместо грамматической формы прошедшего законченного времени изъявительного наклонения для обозначения действия, относящегося не к настоящему времени, а для обозначения законченного действия в далеком прошлом времени. В этом случае возникает грамматическая метафора, функциональное назначение которой состоит в том, чтобы акцентировать внимание на кульминационном моменте ситуации – порвана нить бус из жемчуга, ее следует починить. В языковом сознании говорящего человека, в момент передачи информации о прошлом, активизируется нейронное соединение, свидетельствующее о значимости жизненной ситуа-

ции для конкретного человека. Подарок, полученный от фокусника – ожерелье – сломался. Таким образом, употребление грамматической метафоры помогает сделать акцент на смысловом содержании высказывания, понять глубинный смысл информации – сердцу Анабеллы было очень дорого порвавшееся жемчужное ожерелье.

По наблюдениям исследователей, поля темпоральности, грамматическая категория времени в русском языке становятся сферой-источником метафоризации. Грамматическая метафора соотносится с временными формами глаголов-предикатов – исследуются сказуемые в форме будущего времени с темпоральными распространителями. Выявляется, что семантика подобных распространителей влияет не только на временной план глагола-предиката в форме будущего простого времени, но и на временной план всего предложения [8, с. 528].

Использование комплекса методов (наблюдение, описание, лингвистический эксперимент, компонентный анализ, статистический подсчет и трансформационный метод) позволяет утверждать, что ядро функционально-грамматического поля темпоральности в русском языке представлено грамматической категорией времени. Грамматическая метафора функционирует на периферии поля темпоральности, чаще всего это настоящее историческое, посредством которого автор хочет актуализировать события прошлого. Грамматическая метафора маркируется лексическими и контекстуальными показателями, указывающими на время совершения действий, интересующее говорящего. Типы грамматической метафоры русского языка в публицистическом типе текста представлены [7, с. 361].

Перейдем к анализу второго вида грамматической метафоры *Das Präsens futuralis*: например: *Ich komme morgen mit dem ersten Zug*. В данном предложении употреблена временная грамматическая форма настоящего времени изъявительного наклонения глагола *kommen* (*Ich komme*). По нормативным грамматическим правилам немецкого языка эта временная форма должна употребляться для обозначения действия в актуальном настоящем времени. Контекст ситуации показывает, что действие должно произойти в будущем времени, а для этого в немецком языке есть грамматическая форма *Futurum I*. И тогда предложение должно иметь следующий вид: *Ich werde morgen mit dem ersten Zug kommen*. Грамматическая форма настоящего времени употреблена для несвойственной ей ситуации, которая будет иметь место

в будущем. Функциональная нагрузка грамматической метафоры состоит в том, что она несет в себе следующий глубинный смысл – говорящий уверен: действие, о котором он сообщает, произойдет абсолютно точно. Так сформировалось второе значение грамматической формы *das Präsens* для обозначения будущего действия, которое, как показывает процесс развития немецкого языка, становится узуальным. Метафора стоит на службе актуализации будущего действия.

Интерес к использованию переносного употребления глагольных форм обнаруживается в сравнительно-сопоставительном плане на материале немецкого, русского и башкирского языков. Объектом исследования является транспозиция форм прошедшего времени в план будущего – грамматическая метафора, в которой прошедшее грамматическое время выполняет функции описания будущего времени. Проводится анализ эмпирического материала и условий, влияющих на выбор форм прошедшего времени при перемещении в речевую ситуацию будущего времени. Новизной исследования становится утверждение о том, что грамматическая метафора представляет собой языковую универсалию [1]. Такая гипотеза требует своей верификации на еще большем языковом материале. Проблематика остается открытой.

Метафора времени представляет собой интерес и для прикладного характера лингвистических исследований. Так, на материале русского языка предлагается обратить внимание на анализ особенностей употребления метафоризированных форм времени как средства выразительности русской разговорной речи. Разрабатывается система упражнений для обучения русскому языку как иностранному, в которой особое место занимает грамматическая метафора времени [19, с. 292-294].

Рассмотрим третий тип грамматической метафоры, в которой обнаруживается противоречие между грамматическим и лексическим значением словоформы, например: *Ich wurde getanzt*. В данном предложении употреблена форма прошедшего времени переходного глагола в пассивном залоге. В правилах нормативной грамматики немецкого языка утверждается, что свойством переходных глаголов является отсутствие пассивных конструкций. Следовательно, в данном случае наблюдается нарушение грамматических правил, пассивный залог переходного глагола является грамматической метафорой.

Смысл ситуации должен был быть передан в конструкции *Man ließ mich tanzen*. На лексическое значение глагола *tanzen* накладывается дополнительное коннотативное значение, которое можно выразить в конструкции *Man ließ mich tanzen, obwohl ich nicht wollte*. Функциональное значение грамматической метафоры сводится к выражению экспрессии и передаче глубинного смысла – говорящий совершенно не хотел танцевать, но его вынудили это сделать. Грамматическая метафора в данном примере является средством выражения недовольства, подчинения третьему лицу вопреки собственным ощущениям и желаниям.

Н. Ю. Осокина считает, что в пространстве грамматических категорий имеет место интенциональный семантический сдвиг, который характерен для грамматической метафоры. Исследованию подвергается анализ скрытых категорий [14, с. 1226-1230], на основании сравнительного анализа языкового материала русского и английского языков доказываемается, что использование в грамматической метафоре одних и тех же скрытых категорий позволяет по-разному выражать экспрессию. Новизной исследования является вывод о том, что именно в грамматической метафоре отражаются этнокультурные особенности англоговорящего и русскоговорящего сообществ [14, с. 282-287].

Перейдем к анализу четвертого вида грамматической метафоры, который проявляется в противоречии между значением выбранной языковой формы и реалиями ситуации внешнего мира при использовании форм личных местоимений.

Рассмотрим ситуацию обыденной жизни – маленький/ая мальчик / девочка приходит с матерью в поликлинику на прививку, а медицинская сестра обращается к ребенку: «Jetzt bekommen wir eine Spritze». Согласно грамматическим правилам данное предложение должно иметь структуру: *Jetzt bekommst du eine Spritze*. Вместо личного местоимения 2 л. ед. ч. *du* использовано местоимение 1 л. мн. ч. *wir*.

Имеет место употребление грамматической метафоры в форме личного местоимения, у которого наблюдается противоречие между значением выбранной языковой формы и референтами – участниками ситуации внешнего мира. По отношению к единичному референту – маленькому ребенку – употребляется личное местоимение, которое должно обозначать множественный референт. Возникает эффект контрдетерминации, на котором базируется метафора, в том

числе и грамматическая. Функциональная нагрузка метафоры состоит в том, что она выполняет доверительную и фатическую функции. Ребенок не должен быть напуган тем, что ему делают укол, прагматическая цель использования грамматической метафоры состоит в том, чтобы не напугать ребенка.

По аналогии можно было бы привести пример на русском языке: *Вас читают*. Грамматическая метафора заключается в том, что переходный глагол русского языка *читать* употреблен в несвойственной ему функции, при этом в конструкции изменена грамматическая валентность глагола. Отсюда произошло изменение лексического значения личного местоимения, и оно приобрело метафорическое значение. В результате использования переносного употребления существительных или местоимений возникает такое стилистическое явление, как «персонификация и деперсонификация» [28].

Рассмотрим пример:

«Als sie bald wahren Sachverhalt erkannte, machte sie große Augen, pffiff vor sich hin, hielt sich aber nicht lange auf, sondern riß die Tür des Schlafzimmers auf und rief mit lauter Stimme in das Dunkel hinein: «Sehen Sie nur mal an, *es* ist krepieri; da liegt, ganz und gar krepieri!» [24].

В предложении *Sehen Sie nur mal an, es ist krepieri; da liegt, ganz und gar krepieri!* использована грамматическая метафора, выраженная неопределенно-личным местоимением *es*, которое имеет значение *Personalpronomen der 3. Person Singular* [25, S. 304] и определяется как субъект в безличных предложениях и конструкциях, употребляющихся при обозначении явлений природы в функции безличного подлежащего: «(a) Subjekt in unpersönlichen Ausdrücken; b) formales inhaltsleeres Subjekt bei Verben der Witterung; c) formales Subjekt in subjektlosen Sätzen; d) unbestimmtes Subjekt)» [25, S. 304].

Использование личного местоимения *es* возможно по отношению к одушевленному лицу, например: «*etw. bereits Bekanntes (ein Lebewesen)*». *Es* трактуется как формальное подлежащее в безличных предложениях и как имя существительное среднего рода (*formales Subjekt in subjektlosen Sätzen; ein neutrales Substantiv*).

Анализ словарных дефиниций значения местоимения *es* показывает, что в большинстве словарей оно толкуется следующим образом:

– как формальный объект: *formales Objekt bei bestimmten verbalen Verbindungen, Objekt in bestimmten Wendungen, unbestimmtes Objekt für einzelnes Wort*;

– как сказуемое и дополнение в родительном падеже: *das Prädikat, Genitivobjekt*.

В новелле Ф. Кафки «Превращение» актуальное значение местоимения *es* состоит в том, что оно употребляется для обозначения человека – главного героя новеллы – Грегора Замзы. Контекстуальный анализ свидетельствует о том, что за языковым знаком *es* стоит не формальное пустое место, а одушевленный субъект. Грегор Замза перестает быть человеком с присущими ему характеристиками разумности, мыслительной активности, нравственности, индивидуальности, лингвистической компетентности. Он становится неким неопределенным, неодушевленным объектом, который физически существует, но морально обрекает себя на отсутствие в социуме. Как замечает А. М. Пешковский: «Лицо есть необходимая часть языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности. Безличность в собственном смысле слова есть то же, что внеличность, т. е. понятие метафорическое (как вневременность и внепространственность)» [16, с. 112].

Лексема *es* в тексте новеллы переносится с формального объекта, за которым ничего не стоит, но который употребляется в вербальных безличных конструкциях немецкого языка, на одушевленный объект – на человека по имени Грегор Замза. Перенос формата осуществляется на основе ассоциативного сходства с формальностью существования. По-сути, под конец жизни Грегора Замзу можно сравнить с неопределенным объектом, с неодушевленным предметом, который никому не нужен и, как оказывается, он тоже никому не нужен. И прислуга, и члены его семьи несказанно рады были бы его исчезновению, его смерти, так как он превратился в обременяющий груз. По отношению ко взрослому мужчине, по всем правилам грамматического согласования должно было бы использоваться личное местоимение *er*. Но, по факту, употребляется безличное местоимение *es*.

Так проявляется грамматическая метафора в форме безличного местоимения 3 л. ед. ч. *es*, употребленная для обозначения определенного человека, определенного лица. Функция грамматической ме-

тафоры состоит в том, чтобы усилить эффект ненужности человека, превратившего себя самого в безличное существо, в насекомое.

Функционирование грамматической метафоры позволяет идентифицировать отношение неприязни и отвращения к человеку. Анализ и интерпретация метафоры позволяют сделать вывод о том, что человеку не следует саморефлектировать до такой степени, чтобы уподобляться насекомому, которое любой человек в любой момент может уничтожить.

Таким образом, грамматическая метафора в новелле Ф. Кафки является инструментом создания образа ничтожного, никому не нужного человека. С помощью грамматической метафоры происходит усиление эффекта отчуждения Грегора Замзы от семьи, от коллег, от друзей.

С помощью грамматической метафоры имплицитруется смысл новеллы – Грегор один, он никому не нужен, от его одиночества и ненужности страдает как его окружение, так и он сам. Глубинный смысл новеллы сводится к пониманию относительности смысла жизни: человеку следует быть активным и готовить себя к преодолению стрессов в любой возникающей по жизни ситуации.

Примерами грамматической метафоры в баварском диалекте немецкого языка могут быть:

– употребление винительного падежа определенного артикля вместо употребления дательного падежа с именами существительными: *mit die Sabel* вместо наддиалектального *mit **der** Sabel*; *mit **den** Wagen* вместо наддиалектального *mit **dem** Wagen*; *ich diene nicht **die** Katolischen* вместо наддиалектального *ich diene nicht **den** Katolischen*;

– употребление формы единственного числа имен существительных вместо формы множественного числа: *mit **krumme** Bein* вместо наддиалектального *mit **krummen** Beinen*; *als **die** Tier* вместо наддиалектального *als **die** Tiere*; *gegen **jedes** Geld* вместо наддиалектального *gegen **jede** Gelder*; *mit **Schlag*** вместо наддиалектального *mit **Schlägen***;

– употребление вопросительного местоимения *wo* вместо относительных местоимений *der*, *die*, *das*, например: *der **Alte**, wo **beihnahe** mein Wagenge kauft hat* вместо наддиалектного нормативного варианта: *der **Alte**, der **beinahe** meinen Wagen gekauft hat*,

или *solche, wo so brüllen* вместо наддиалектного нормативного варианта *solche, die so brüllen*.

Такого рода грамматическая метафора выполняет функцию социальной маркировки языка, служит обособлению баварского варианта немецкого языка от любого другого, в том числе и от языковой нормы. Грамматическая метафора становится объектом исследования не только на материале разных языков, но и в разных ипостасях. Исследуются функции метафоры, сферы ее функционирования, стилистический потенциал метафоры. В одних предметом исследования являются эмотивная и людическая функции грамматической метафоры на материале произведений Р. Кено. Представлены конвергенции шести типов грамматической метафоры в микро- и макроконтесте его прозаических и поэтических произведений [3, с. 150-156]. Наряду с этим, предметом исследования являются функция сатирического осмеяния действительности и усиления экспрессии текста [6, с. 105-110]. Выполняя две последние функции, грамматическая метафора служит основой каламбура в литературных пародиях [4, с. 145-152].

Определяющей чертой стиля пародии является так называемый аккумулятивный тип грамматической метафоры. Он используется наряду с окказиональной, грамматико-лексической и парадигматической типами грамматической метафоры. Главным выводом Ю. Н. Власовой является вывод о том, что в основе грамматической метафоры в текстах пародий лежит стилистический потенциал категории рода. Анализ использования грамматической метафоры в литературном жанре парасловаря на материале французского языка показывает, что, грамматическая метафора способна выполнять композиционную, архитектурную и экспрессивную функции, она раскрывает игровой потенциал языка и поддерживает общее стремление текста парасловаря к языковой игре [5, с. 87-96]. Грамматическая метафора рассматривается также с точки зрения реализации категории каузации в западных индоарийских языках. Описывается континуум «прямая каузация – социативная каузация – непрямая каузация».

Под грамматической метафорой понимается способ переноса прямой каузации на непрямую, оба типа каузации рассматриваются как изоморфные друг другу. Предлагается введение термина «социативная каузация», функциональная особенность которого заключается в том, что Каузатор и Каузируемый совершают различные действия,

но все происходит в интересах Каузируемого. Грамматический способ описания действия в интересах Каузируемого имеет отношение к тому, что называется грамматической метафорой [21, с. 3-26].

Е. Б. Рябых предлагает рассматривать грамматическую метафору, наряду с фонетической и графической в качестве вспомогательных средств репрезентации знаний о концептах в поэтических текстах. При этом исследователь обнаруживает следующую проблему, которая требует своего решения: соотношение процесса грамматической метафоризации с концептуальным основанием метафоризации.

Насколько может идти речь о метафоризации концептов? На наш взгляд, скорее всего, речь должна идти не о метафоризации концептов, а об асимметрии поверхностной и глубинной семантической структур представления знаний. На уровне глубинной семантической структуры происходит бленд двух концептуальных областей, в котором наблюдается перегруппировка концептуальных признаков таким образом, что концепт, принадлежащий сфере-источнику метафоризации, проецируется на концепт, принадлежащий сфере мишени-метафоризации. В результате такой проекции объект метафоризации наделяется новыми качествами, не присущими ему как «исходному субъекту действия» [18, с. 74-79]. Грамматическая метафора является, скорее всего, результатом проекции знаниевой структуры о грамматике на знаниевую структуру о семантике, а область бленда позволяет формировать эмотивную фоновую часть информации.

Итак, грамматика метафоры позволяет оперировать не только грамматическим, но и лексическим уровнем языковой системы. На лексическом уровне функционирует лексическая метафора, представленная разными грамматическими словоформами: простым, сложным и производным словом [20, с. 83-113].

При анализе метафоры-слова сошлемся на В. фон Гумбольдта, который писал, что все элементы языка относятся к определенным частям речи и имеют не только лексическую, но и грамматическую индивидуальность. Совершенство языка требует, чтобы каждое слово было оформлено как определенная часть речи и несло в себе те свойства, какие выделяет в категории данной части речи философский анализ языка [9, с. 344, 155].

Первый тип метафор-слов представлен простыми именами существительными, в основе которых лежит ономаσιологическая катего-

рия предметности с семантическими признаками одушевленности/неодушевленности, конкретности/абстрактности, например: названия природных минералов *лазурит* и *хризолит* для обозначения воды в озере Байкал и в реке Ангаре – единственной реке, вытекающей из озера-моря.

В метафорах, выраженных именами существительными, внимание акцентируется на характеристиках предмета или объекте номинации. Например, в высказывании Г. Вишневской «*Я должна молчать перед многочисленными взглядами этой мрази*», в метафоре, выраженной именем существительным *мразь*, акцент ставится на высокой степени презрения по отношению к партийным лидерам эпохи социализма и ко всем чиновникам Российской Федерации в постперестроечное время.

«*Время работает не против вас, а на вас. Оно сейчас – самый лучший лекарь. Не правда ли?*» [17].

Метафора *лекарь* является именной метафорой, функциональная нагрузка которой заключается в том, чтобы выразить симпатию по отношению к знаменитой биатлонистке Ольге Пылевой после ее незаслуженной дисквалификации.

Наряду с простыми именами существительными в качестве метафорических средств используются и простые глаголы. Общекатегориальным признаком глаголов как частей речи является «процессуальность», обозначающая:

- отношение субъекта к объекту;
- действие;
- состояние;
- существование;
- пространственное отношение.

Процессуальность глагола обуславливает «непрерывную смену следующих друг за другом моментов развития чего-то» [12, с. 433]. Примером глагольной метафоры является глагол *поглощать* во фразе: «Я все хотел глазами *поглотить*, / и хризолит заснувшего Байкала, / и Ангары кипящей лазурит».

Анализ языкового материала показывает, что наиболее широко представлены глаголы, обозначающие активную деятельность грамматического субъекта, например:

«Rechne nicht mit mir, mein Freund, ich begleite diese junge Dame», sagte er und *steuerte* sie über die Strasse. Meinen angehenden Star» [26].

«Und er *wirbelte* sie mit einer erstaunlichen Kraft einmal um die Tanzfläche» [26].

«Не *сотрясать* основы государственной жизни» [15].

«*Сгибаться* под тяжестью информации, иногда *захлебываться* от обилия информации, в сплошном и не всегда чистом потоке информации» [15].

«Перед выходом на последнее упражнение к своей подопечной подошла Ирина Винер и сообщила, что она лидирует. Вера *зажглась* и раскованно исполнила программу» [28].

Наряду с простыми глаголами используются метафоры – производные слова, выраженные причастиями совершенного вида, например:

«Trotzdem traten sie noch zwei, drei Mal zusammen, und als der Tag der Abreise gekommen war und sie die beiden am Flughafen verabschiedet hatte, fühlte Nora sich auf eine angenehme Weise *aufgepulvert*» [23].

Наряду с метафорами, выраженными именами существительными и глаголами в форме простых и производных слов, активно используются и простые имена прилагательные, например:

«Auch Hermine Pankratz war *füllig*, das galt als Zeichen von Gesundheit und Wohlstand. Aber sie hatte bessere Proportionen als ihre Schwester, einen schmalen Nacken und eine leise Stimme, während Frau Sauern meistens vergass, ihr *kräftiges* Organ zu dämpfen» [26].

«Я *вглядывался жадными* глазами, / в Иркутск, *запеленованный* снегами / и Ангары *кипящий* лазурит» [11].

В основе имен прилагательных лежит ономаσιологическая категория отражения внелингвистического признака предмета. Именно она обуславливает общекатегориальный признак номинации «признак предмета» и субкатегориальные признаки «собственность» или «относительность». Имена прилагательные представляют собой в этом контексте обозначенные атрибуты с градуальной оценкой интенсивности признака или с характеристикой обозначенного признака

как «отчуждаемое – неотчуждаемое – сущностное – преходящее» [13, с. 48-49]. Следует отметить, что признаки, характерные для имен прилагательных в первичном наименовании, сохраняются и в результате вторичной косвенной номинации. При этом собственные признаки конституируют качественные прилагательные. Относительные признаки номинации конституируют относительные имена прилагательные, характеризующие объект названия опосредствованным образом через его отношение к какому-либо другому предмету, действию, явлению, месту или моменту времени.

Таким образом, грамматика метафоры представляет собой часть учения о метафоре, суть которого сводится к характеристике грамматической стороны метафорических средств естественного языка. Семантика и грамматика метафоры представляют собой две неотъемлемые составляющие со свойствами недискретности и дискретности метафоры как множества, как класса вторичных наименований, со свободой интерпретации благодаря пластичности и избирательности языкового сознания и человеческого мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахмадиева, З. А.* Прошлое в будущем // Вестник Башкирского университета. – 2008. – № 3, т. 13. – С. 557-558.
2. *Богомолов, Ю.* России на олимпиаде показана желтая карточка. – URL : <http://ria.ru/authors/20060215/43552730.html>.
3. *Власова, Ю. Н.* Грамматическая метафора в индивидуальном стиле Ремона Кено // Известия Смоленского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 150-156.
4. *Власова, Ю. Н.* Грамматическая метафора как механизм создания пародии // Известия Смоленского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 145-152.
5. *Власова, Ю. Н.* Игровая интенция грамматической метафоры (на материале парасловаря Жака Дора) // Известия Смоленского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 87-96.
6. *Власова, Ю. Н.* Стилистические возможности категории рода и грамматическая метафора // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – № 12. – С. 105-110.
7. *Грибещенко, О. А.* К вопросу о грамматической метафоре спрягаемых форм глагола в русском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 361-361.

8. *Грибещенко, О. А.* Некоторые случаи метафорического употребления сказуемых в форме будущего времени в предложениях спрягаемо-глагольного класса с темпоральными распространителями // *Современные проблемы науки и образования.* – 2012. – № 6. – С. 528-528.
9. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 396 с.
10. *Данчеева, Н. В.* Семантический аспект грамматической формы в художественном произведении // *Ученые записки 1-го МГПИИЯ.* – М., 1981. – Вып. 174. – С. 37-49.
11. *Ивнев, Р.* В пути // *Часы и голоса.* – М. : Сов. Россия, 1978. – 204 с.
12. *Кондаков, Н. И.* Логический словарь / под ред. д-ра филос. наук проф. Д. П. Горского с указателем имен и списком используемой литературы. – М. : Наука, 1971. – 656 с.
13. *Кубрякова, Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М. : Наука, 1981. – 198 с.
14. *Осокина, Н. Ю.* Некоторые случаи грамматической метафоры в английском и русском языках: сходства и различия // *Мир науки, культуры, образования.* – 2012. – № 2. – С. 282-287.
15. *Патриарх* Алексей. Слово пастыря. Вып. от 07.01.12. – URL : http://www.itv.ru/video_archive/projects/religia/r67.
16. *Пешиковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М. : Учпедгиз, 1938. – 452 с.
17. *Решетень, В.* Эхо Олимпиады. Ольга Пылева дала первое интервью после дисквалификации // *Красноярский рабочий.* – 2004. – 27 марта.
18. *Рябых, Е. Б.* Фонетическая, грамматическая, графическая метафоры как вспомогательные способы репрезентации знаний о концептах // *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки.* – 2012. – № 5, т. 109. – С. 74-79.
19. *Сабитова, Р. Р.* Употребление форм времени в «несобственных» функциях и его изучение на занятиях по русскому языку как иностранному (базовый уровень) // *Вестник Казанского технологического университета.* – № 11, т. 16. – С. 292-294.
20. *Хахалова, С. А.* Метафора в аспектах языка, мышления и культуры: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. – 292 с.
21. *Хохлова, Л. В.* Каузативные глаголы в Западных новоиндийских языках (хинди-урду, панджаби, гуджарати, раджастхани) // *Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение.* – 2010. – № 3. – С. 3-26.
22. *Шендельс, Е. И.* Грамматическая метафора // *Филологические науки.* – 1972. – № 3. – С. 48-57.

23. *Bredow* Ilse Gräfin von. Willst du glücklich sein im Leben... Geschichten von gestern – Geschichten von heute. – 4. Aufl. – 1991. – Bern und München : Scherz Verlag. – 191 S.
24. *Kafka, F.* Die Verwandlung. – Castrovilli Giuseppe, 2007. – 75 S.
25. *Langenscheidt* Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin; München : Langenscheidt, 1993. – 1183 S.
26. *Reitze, E.* Frag nicht, ob ich dich liebe: Roman. – Fr.a.M.; Berlin : Ullstein, 1987. – 316 S.
27. URL : <http://www.sports.ru/others/gymnastics/1372005.html>.
28. URL : <http://frgf.utmn.ru/last/No2/text2.html>.

РАЗДЕЛ VI
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И АКСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81.00

Т. Л. Верхотурова, А. Б. Дзюба

Верхотурова Т. Л., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: taverkh@mail.ru

Дзюба А. Б., аспирант кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ; старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 ИРНТУ; e-mail: annaistu@mail.ru

**ПРИРОДА И ФУНКЦИЯ
КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОГО ФЕНОМЕНА НОРМЫ
(В КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена описанию содержания концепта NORM в терминах когнитивной лингвистики. Выделяются три основных аспекта концепта NORM. Предлагается интерпретация выражений, содержащих нормативные смыслы, с позиции ориентирующей функции языка.

Ключевые слова: норма; концепт; абстрактность; универсальность; отнесенность; ориентирующая функция языка.

Verkhoturova T. L.

Doctor of Philology, Professor, MSLU ELI; e-mail: taverkh@mail.ru

Dzyuba A. B.

Post-Graduate Student MSLU ELI; Senior Lecturer INRTU;
e-mail: annaistu@mail.ru

**THE NATURE AND FUNCTION
OF THE LINGUO-COGNITIVE PHENOMENON OF NORM
(IN THE ENGLISH WORLD VIEW)**

The article is devoted to the description of the concept NORM in terms of cognitive linguistics. Three dominating aspects of the concept are distinguished. An interpretation of norm expressions from the viewpoint of the orientational function of the language is presented.

Key words: norm; concept; abstractness; universality; relativity; orientational function of the language.

Как известно, интерес к исследованию нормы в языкознании восходит к американскому лингвисту Э. Сэпиру, так как именно после выхода в 1985 г. его статьи «Градуирование», понятие нормы прочно вошло в исследование параметрических прилагательных [20]. Существенный вклад в изучение нормы в российском языкознании внесли Н. Д. Арутюнова [3], М. А. Кронгауз [11]. О категории нормы в русском языке – ее оценочных аспектах – пишет в докторской диссертации Л. Г. Ефанова [8].

Данная статья посвящена описанию специфики концепта NORM в картине мира английского языка в терминах когнитивной лингвистики. Цель работы – выявить основные признаки концепта NORM, охарактеризовать его содержание и определить ориентирующую когнитивно-языковую функцию.

Попадая в прерогативу когнитивной лингвистики, концепт интерпретируется как «оперативная, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*) всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [13, с. 90]. Типология (классификация) концептов представляет собой одну из важнейших задач когнитивной лингвистики и продолжает оставаться наименее разработанной. Классификационные критерии типологий концептов весьма разнообразны. С учетом имеющихся в литературе классификаций (см., например: В. И. Карасик [9], О. Л. Чернейко [23], З. Д. Попова и И. А. Стернин [18]) можно утверждать, что концепт NORM характеризуется тремя основными признаками:

- абстрактность;
- универсальность;
- относительность.

Признак абстрактности концепта NORM обуславливается невозможностью выявления в концепте предметно-образного элемента, так как образный компонент имеет чувственную природу. Онтологически, имя конкретного концепта – «это объект, схваченный в его целостности, что равнозначно утверждению: всеми каналами передачи информации от внешнего мира к человеку» [23, с. 112]. Конкретные кон-

цепты – это, прежде всего, так называемые «вещественные реалии» во всем их чрезвычайном (бесконечном) разнообразии: натурфакты (камень, облако и т. д.), артефакты (дом, книга и т. д.), представители живого мира (девочка, кошка и т. д.) [19]. Когда мы воспринимаем на слух подобные «вещественные реалии», то «перед мысленным взором каждого возникает не обобщенная, а вполне конкретная картинка из его уникального жизненного опыта» [23, с. 148].

Содержание же концепта NORM не может быть раскрыто остенсивно, т. е. через демонстрацию предмета или явления. Подобные абстрактные концепты фиксируют «такие фрагменты действительности, которые состоят из гетерогенных элементов, не схваченных ничем, кроме имени (мысли)» [Там же, с. 149]. Концепт NORM относится к мыслимой или мыслительной реальности, чьи выделяемые фрагменты часто называют «ментефактами». Абстрактные концепты, к которым принадлежит и концепт NORM, конструируются логически и не имеют опоры на вещественный референт в объективном мире [17].

При попытке выявления **универсальных** вербализированных смыслов когнитологи и лингвокультурологи рассматривают оппозицию «универсальное и индивидуальное», так как «в языке отражаются, с одной стороны, *всеобщие (универсальные) свойства объективного мира, которые не зависят от точки зрения на них со стороны носителей данного языка*, а с другой стороны, в нем представлен субъективно-национальный, идиоэтнический компонент, проистекающий из ментальных и культурных особенностей народа (этноса), говорящего на данном языке» (курсив наш. – Т. В., А. Д.) [1, с. 27]. А. Вежбицкая отмечает, что «наряду с огромной массой понятий, специфичных для данной культуры, *существуют некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира*. Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление, культура» (курсив наш. – Т. В., А. Д.) [4, с. 321-322].

Универсальные концепты – это определяющие категории человеческого сознания, представляющие основу/стержень любой культуры, без которых «культура невозможна и которыми она пронизана во всех своих творениях, как универсальные для всего общества обяза-

тельные понятия и представления, без которых невозможно построение никаких идей, теорий, философских, эстетических, политических или религиозных концепций и систем» [1, с. 27]. Так, В. А. Маслова к универсальным концептам относит такие концепты, как ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, МЕСТО, ПОДОБИЕ, ПРИЧИНА, ДОЛГ, ИСТИНА, ПРАВДА, ИСКРЕННОСТЬ, ПРАВИЛЬНОСТЬ, ЛОЖЬ, МИЛОСЕРДИЕ, СВОБОДА, СУДЬБА, ПАМЯТЬ, ЯЗЫК, ЧЕЛОВЕК и др. [14]. Этот список можно продолжить и дальше, принимая во внимание основной критерий универсальности – представленность явления во всех языках/культурах мира, что отражено в идеографических словарях.

Концепт NORM характеризуется признаком *универсальности*, прежде всего, благодаря своему всеобъемлющему характеру: понятие «норма» и представление о существовании разного рода норм определяют и ориентируют социальную и индивидуальную жизнь человека. Норма как универсальный феномен становится объектом исследования многих дисциплин: эстетики (философии), этики, социологии, правоведения, культурологии и пр. Причем изучение нормы носит, как правило, междисциплинарный характер. Так, например, *психологические нормы* обусловлены *социальными стереотипами*. Если в определенной культуре поведение человека не соответствует общепринятому, то оно воспринимается как отклоняющееся:

Я не пойму, чем я вам помешал, так же, как и американец не поймет, почему нельзя класть ноги на стол [15].

В американской культуре «класть ноги на стол» считается нормальным поведением и не осуждается. Для русского человека подобное поведение не является социально принятой нормой и возбраняется. Обратимся к следующему примеру:

Всем известно, что Голливуд невероятно оптимистичен. Улыбаться – незыблемая социальная норма Запада. Что бы там у тебя ни было на сердце, ты обязан внушать окружающим, что у тебя все хорошо [Там же].

Американская «широкая» улыбка часто скрывает неискренность и лицемерие. Однако для Голливуда такая улыбка – это социально-обусловленная норма поведения: считается, что всегда быть в хорошем

настроении и всем улыбаться независимо от обстоятельств – это залог успеха.

Концепт NORM, как и многие другие универсальные концепты, является ментальной единицей, представляющей базовые понятия человеческого опыта. Он играет важнейшую роль в жизни человека, в его взаимоотношении с социальной, культурной и природной средой. Как всеобъемлющий феномен он относится практически ко всем сферам жизнедеятельности человека: «...явлениям природы, естественным родам, выведенным культурам, артефактам, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей и их действиям, экономике, искусству, науке, языку и мышлению, профессиональным действиям, играм, спорту и т. д.» [3, с. 75].

Есть все основания утверждать, что концепт NORM имеет четко выраженный *признак относительности*, который выступает как доминирующий. Норма в лингвистике традиционно рассматривалась в качестве семантического примитива – элемента метаязыка лингвистики для описания, толкования, интерпретации языковых единиц различного уровня (лексических, грамматических, словообразовательных) [2]. У этого элемента имеется своя явная специфика: он является относительным. Так, в толковании прилагательных норма «является переменной, которая заполняется в конкретных словосочетаниях информацией о соответствующем параметре» [11, с. 137]. Значения метаэлемента «норма» определяются, диктуются контекстом. Зависимость толкования/понимания семантики параметрических прилагательных основывается на представлении о норме: *long* – great length, great distance, *great* – very large; much bigger **than average** in size or quantity; *small* – not large in size, number, degree, amount, etc.; *big* – large in size, etc; *large* – big in size, etc [29]. Несмотря на так называемые круговые толкования, эксплицитно или имплицитно дефиниции относят значение таких слов к точке отсчета – норме, ее выражению в виде слова *average* – the amount, level, standard, etc. that is typical of a group of people or things; **norm** [27].

Без ближайшего контекста – определяемого слова – значение параметрических прилагательных носит переменный, относительный характер. Оно ориентирует, с одной стороны, на существование нормы, с другой стороны, на относительность самой нормы, сравним например: *long nails vs. long corridor*. Причем относительность самой

нормы будет реализовываться на двух уровнях. Один – социальный уровень – предполагает общее представление языковых личностей социума о возможной и нормальной длине ногтей и коридора, другой – личностный – связан с существованием личных представлений о норме длины ногтей и коридоров и том, что будет девиацией от такой нормы для конкретного лица. Социальная и личностная относительность нормы, безусловно, может касаться всех параметрических норм (предпочтений):

With her exotic background, she tends to cook very spicy food which, unfortunately, is not to her mother-in-law's taste! [24].

Данный пример демонстрирует относительность личностных представлений о норме остроты/пряности пищи. Вкусовые предпочтения невестки обусловлены ее культурным происхождением (*exotic background*), где острая еда – это норма. В соответствии с вкусовыми ощущениями свекрови подобные блюда расцениваются как нечто несоответствующее свойственным ей представлениям о вкусе еды, что является отклонением от привычной нормы вкусовых ощущений.

Таким образом, при анализе концепта *NORM*, выражаемого метапонятием «норма», необходимо учитывать его относительный характер. «Относительный» означает – «устанавливаемый, определяющийся по сравнению, сопоставлению с другими. Не безусловный, не абсолютный, изменяющийся в зависимости от окружающих условий» [22]; «когда вы называете какое-то явление относительным, вы хотите сказать, что его нужно рассматривать по отношению к другим явлениям» [21]. Действительно, рассматривать содержание концепта нормы можно только по отношению к другим явлениям, он наполняется содержанием при условии ориентирования на конкретный объект, относительно которого определяется норма и, что бывает гораздо чаще, отклонения от нормы, девиации. Именно поэтому, когда происходит вербализация этого концепта (эксплицитная и/или чаще имплицитная), его восприятие, интерпретация могут носить только ориентирующий характер.

Поскольку концепт *NORM* является относительным, т. е. ориентирующим даже в подавляющем большинстве параметрических стандартов, то изучение его оязыкования позволяет выявить, определить и описать специфику ориентирующей функции языка. Л. С. Выгот-

ский, размышляя о языковом значении, создаваемых в языке смыслах, полагал, что языковые единицы соотносятся с огромным багажом знания и понимания, представленном в сознании языковой личности, с одной стороны, и со специфическими характеристиками, внутренним устройством самой личности, с другой [6]. Невозможно «передать, отправить, переслать» все то богатство смыслов внешнего и внутреннего порядка адресату, можно только направлять его, ориентировать в собственной области знания, понимания, внутренних состояний и свойств, оказывая языковое воздействие. Схожие мысли можно найти у В. фон Гумбольдта: «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что *взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено в цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы*» (курсив наш. – Т. В., А. Д.) [7, с. 165-166].

На современном этапе развития языкознания в целом и когнитивной лингвистики в частности поднимается вопрос о функции языковой ориентации. Считается, что суть коммуникации не в обмене информацией, а в вовлечении собеседника в сферу своих взаимодействий с миром с целью оказать на этого человека ориентирующее воздействие. При этом роль языка заключается как в ориентации человека во взаимодействии со средой и другими людьми, так и в ориентации в ментальном мире, т. е. в сознании [10]. Е. С. Кубрякова, указывая на то, что «каждое языковое явление, которое мы описываем и называем когнитивным, обнаруживает свои истоки в речевой деятельности, а каждый акт коммуникации имеет отношение к когнитивному процессу», объединяет коммуникативную и когнитивную функции и выделяет единую для когниции и коммуникации ориентирующую/миросозидающую функцию языка [12, с. 7].

Нормативные выражения создаются и интерпретируются как ориентирующие коммуникантов в консенсуальной области, т. е. области совпадающего опыта относительно конкретного параметра или вида нормы (см. о консенсуальной области у У. Матурана [28], А. В. Кравченко [10; 25], Н. Н. Николаевой [16]). Так, степень относительности

представления о «short» (в области длины и расстояний) может варьироваться от *short hair* до *short distance (between cities)*. Более того, словосочетание *short hair*, несомненно, вызовет желание уточнить, что имеется в виду под словом *short* – длина до плеч (по сравнению с косой), уши открыты (по сравнению с длиной до плеч), короткие волосы бобриком.

Семантика оценочных прилагательных также восходит к норме, хотя и в несколько другой парадигме [3]. Например, прилагательное *beautiful* означает «extremely attractive to look at; very good or giving you great pleasure [= lovely]» [26]. Естественно, что крайне привлекательным может быть только отклонение от обычного, а значит среднего или нормы. Анализ контекстов употребления определения *beautiful* впечатляет разнообразием и относительностью взглядов на «красивое», на почти универсальную применимость этого атрибута:

It's a beautiful ship; looking at beautiful books; beautiful trees; eyes... with beautiful, white, smooth lids, like petals; the most beautiful face he could have dreamed of or imagined; he had a beautiful voice; I find football an absolutely beautiful game [24].

Некоторые объекты, определяемые как красивые, требуют более широкого контекста, чтобы адекватно ориентировать адресата в смысловой области сообщения (*ship, books, trees*), другие объекты (*lids, face, voice*) вызывают несовпадение оценок по параметру красоты у разных людей, третьи (*football*) могут оказаться неудачей в ориентации слушающего в силу отсутствия консенсуальной области: очень многие люди не являются любителями и знатоками футбола. Рассмотрим также пример:

The house they had offered us turned out to be a tiny flat [31].

Покупатели или арендаторы не получили того, чего они ожидали на самом деле. Здесь нарушена «норма ожидания» [3, с. 69]. Данную ситуацию можно рассматривать с позиции несовпадения консенсуальной области адресанта (того, кто предлагал дом) и адресата (того, кто его увидел/получил). Очевидно, что у адресата и адресанта имелось различное представление о параметрической норме дома. Возможно, что адресант пытался внести изменения в эти

представления у адресата, чтобы осуществить задуманное, т. е. продать дом.

Изучение концептов осуществляется через семантическую систему и «всякая попытка выделения и описания того или иного концепта начинается с анализа языкового знака, обеспечивающего доступ к единой информационной базе человека» [5, с. 93]. Для описания содержания концепта NORM, прежде всего, необходимо исследовать дефиниционную структуру лексической единицы *norm*, функционирующей как имя данного концепта. Анализ осуществлялся на основе восьми толковых словарей. Данные анализа свидетельствуют о схожести толкований. Обобщая результаты анализа, можно сделать вывод, что в картине мира английского языка выделяют три основных смысла (аспекта) концепта NORM:

- standard of behavior;
- usual or expected situation;
- required standard.

Аспект **standard of behavior** (норма как стандарт/правило/образец поведения) трактуется следующим образом: [plural] **standards of behavior that are accepted in a particular society**; [plural] **standards of proper or acceptable behavior: cultural/social norms**. В данном значении *norm* отражается во всех рассматриваемых словарях и указывает на то, что поведенческий нормативный аспект, обусловленный специфической социально–культурной ориентацией, выступает как доминирующий:

*If ever they make Maundy Thursday a holiday of course then there are jobs in which it will be **the norm to go home on Wednesday lunchtime** [24].*

В данном случае *Maundy Thursday* (Великий четверг перед Пасхой) – день в христианской культуре, который отмечен как большой религиозный праздник, посвященный Тайной вечере Иисуса Христа. Однако христианские праздники не являются государственными, и в эти дни не заведено не идти на работу. В этом примере выдвигается предположение о том, что если бы этот день был признан официально выходным днем, то логично, что предшествующая ему среда была бы укороченным рабочим днем. Следовательно, уходить домой с работы после обеда в среду Страстной недели стало бы официально признан-

ной культурно-обусловленной нормой поведения для христианского сообщества.

Второй аспект концепта NORM – **usual or expected situation** (норма как обычное, привычное положения вещей или ситуация). Представленный аспект трактуется с помощью выражений «something that is usual or expected» и «the usual or normal situation»:

*Unemployment is the **norm** in this part of the country.*

Ситуация или положение вещей считаются *нормой*, если они рассматриваются как что-то обычное, привычное, предсказуемое или типичное:

*Advertising also creates the impression that **smoking is a socially acceptable norm** [24].*

Очевидно, что реклама сигарет носит ориентирующий характер. Цель такой рекламы – оказать на потребителя ориентирующее воздействие, направленное на создание положительных (приемлемых) по отношению к курению смыслов. Оказавшись под таким воздействием, курильщик невольно воспринимает эту пагубную привычку как социально принятую норму.

Третий аспект концепта NORM – **required or acceptable standard**, т. е. норма рассматривается как необходимый/допустимый стандарт. Очевидно, что этот аспект концепта NORM носит чрезвычайно отвлеченный, широкий характер. При его вербализации используется ключевое слово *standard*, которое само по себе многозначно: *average standard or level of development or achievement, especially one that people think is acceptable; a unit of measurement that is officially used.*

При этом обнаруживаются два основных смысла, образующих семантику существительного *standard*, посредством которого толкуется *norm*:

1. Отвлеченная норма-стандарт – рассматривается в качестве хорошего социального образца (для подражания или следования):

High standard for candidates in an examination, high standard of living, high standards of society, high moral standards, standard authors [30].

*So it is likely that a family in which a mother or father has to bring up children single-handed will think of itself and be treated by others, as a little cluster of deviants from the marital **norm** [26].*

Norm в данном контексте эксплицитно ориентирует читателя на создание новых смыслов, связанных с отклонением от традиционного социально-принятого стандарта состава семьи.

2. Конкретная параметрическая норма (стандарт):

– материальное воплощение представления о стандарте-норме, т. е. группа объектов, используемых в качестве стандартного образца, в параметрической функции (*norm of an apple/house etc.*);

– стандартные (нормативные) параметры в виде различных систем измерения расстояния, длины, высоты, веса, периода времени (*miles, yards, pounds, years etc.*).

Рассмотрим типичный пример нормы подобного типа, ориентирующей в когнитивной области (информирования о погоде):

*Again, temperatures will be near or just below the seasonal **norm**, around nine or ten celsius, forty eight to fifty fahrenheit, the east coast staying a bit colder due to the light easterly breeze [24].*

Таким образом, когнитивно-языковой феномен нормы является одним из самых универсальных ориентиров в области человеческого опыта. Как некая точка отсчета, норма характеризуется признаком относительности и интерпретируется в зависимости от контекста, который обусловлен объектом применения нормы, личными предпочтениями, возрастом, модой, культурой и историческим развитием. Объективной нормы не существует, поскольку норма является антропоцентрическим феноменом человеческого сознания и ориентирована на специфику культурно-этнического, субкультурного и индивидуального оценочного восприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, О. А., Андреева, О. А. Универсальные концепты в когнитивной системе человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2010. – № 3 (7). – С. 26-29.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. Лексическая семантика. – 427 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

4. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
5. *Верхотурова, Т. Л.* Фактор наблюдателя в языке науки. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 289 с.
6. *Выготский, Л. С.* Мышление и речь. – 5-е изд., испр. – М. : Лабиринт, 1999. – 352 с.
7. *Гумбольдт, В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / пер. с нем. Г. В. Рамишвили // *Избранные труды по языкознанию.* – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
8. *Ефанова, Л. Г.* Категория нормы в русской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.19. – Томск, 2013. – 494 с.
9. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
10. *Кравченко, А. В.* Когнитивный горизонт языкознания. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. – 320 с.
11. *Кронгауз, М. А.* Норма: семантические и прагматические аспекты // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян.* – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 137-141.
12. *Кубрякова, Е. С.* В поисках сущности языка // *Вопросы когнитивной лингвистики.* – 2009. – № 1 (018). – С. 5-12.
13. *Кубрякова, Е. С.* Концепт // *Краткий словарь когнитивных терминов.* – М. : Изд-во МГУ, 1996. – С. 89-90.
14. *Маслова, В. А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – 2-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
15. *Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].* – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>.
16. *Николаева, Н. Н.* Гендерный аспект местоименной референции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2008. – 212 с.
17. *Попова, З. Д.* Концептуальная природа абстрактных понятий // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки.* – 2003. – № 1. – С. 132-141.
18. *Попова, З. Д., Стернин, И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж : Истоки, 2001. – 192 с.
19. *Семантика и категоризация / отв. ред. Ю. А. Шрейдер.* – М. : Наука, 1991. – 168 с.
20. *Сэпир, Э.* Градуирование // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI (Лингвистическая прагматика).* – М. : Прогресс, 1985. – С. 43-78.
21. *Толковый словарь Дмитриева [Электронный ресурс].* – Режим доступа : <http://www.dic.academic.ru>.

22. *Толковый словарь Ушакова* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dic.academic.ru>.
23. *Чернейко, О. Л.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 349 с.
24. *British National Corpus* [Electronic resource]. – URL : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
25. *Kravchenko, A. V.* Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From Non-Realist Linguistics Language Science. – Frankfurt/Main : Peter Lang, 2007. – 304 p.
26. *Longman Dictionary of Contemporary English* [Electronic resource]. – URL : <http://www.ldoceonline.com/dictionary/>.
27. *Macmillan English Dictionary for advanced learners of American English.* – Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1658 p.
28. *Maturana, H.* The biology of language: The epistemology of reality // *The Neuropsychology of Language* / ed. R. W. Rieber. – New York : Plenum Press, 1977. – P. 27-63.
29. *Oxford Advanced Learner's Dictionary* [Electronic resource]. – URL : <http://oadonline.oxfordlearnersdictionaries.com> (data of access: 03.08.2014).
30. *Oxford Advanced Learner's Dictionary Of Current English.* – Oxford: Oxford University Press, 1982. – 1072 p.
31. *Oxford Learner's Dictionaries* [Electronic resource]. – URL : <http://oxfordlearnersdictionaries.com>.

УДК 811.111

Е. П. Игнатьева

аспирант кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: ele20334045@yandex.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО АНТРОПОНИМА КАК ОСОБЕННОСТЬ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цель настоящей статьи – установить ценностные характеристики энциклопедического антропонима, влияющие на его функционирование в семиотическом пространстве. В качестве примера рассмотрен антропоним «И. В. Сталин», ставший культурным знаком в семиотическом пространстве.

Ключевые слова: имя собственное; энциклопедический антропоним; ценность; культурный знак; семиотическое пространство.

Ignatyeva E. P.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; e-mail: ele20334045@yandex.ru

VALUE CHARACTERISTICS OF THE ENCYCLOPAEDIC ANTHROPONYM AS A PECULARITY OF ITS BEHAVIOUR IN THE SEMIOTIC SPACE

This paper tackles value characteristics of the encyclopaedic anthroponym which influence the behavior of this phenomenon in the semiotic space. We demonstrate how anthroponym «И.В. Сталин» has become a culture sign in the semiotic space.

Key words: proper name; encyclopaedic anthroponym; value; culture sign; semiotic space.

Термин «семиотическое пространство», или «семиосфера», был введен Ю. М. Лотманом. Ученый определяет семиотическое пространство как синтез всех знаков, служащих источником для порождения текстов, пропущенных сквозь эволюцию человеческого существования [7].

Имена собственные относятся к знакам, образующим в рамках семиотического пространства ономастическое пространство, поэтому они эволюционируют с остальными знаками семиосферы. По этой причине ономастическое пространство как часть семиотического пространства является динамически развивающейся системой. Семиотическое пространство постоянно пополняется новыми знаками, ко-

торые в определенный исторический момент могут становиться ядерными или периферийными, менее узнаваемыми. По этому принципу существует и ономастическое пространство, в котором при определенных исторических условиях одни антропонимы могут занимать ядерное положение, а другие отходить на периферию. А. В. Суперанская отмечала, что ономастические исследования могут проводиться в плане синхронии и диахронии структурными и сравнительно-историческими методами. Возможны глобальные, ареальные и региональные ономастические исследования [11]. Исходя из данного тезиса, под ономастиком будем понимать совокупность собственных имен на определенной территории, у отдельного народа, по историческим периодам или в отдельном литературном произведении.

Кроме историчности, которая понимается как динамическое развитие, для семиотического пространства важным регулирующим фактором является антропоцентризм, реализующийся посредством дискурсивной деятельности или дискурсивной практики человека. Дискурсивная деятельность – это феномен общественной жизни. Именно общественная жизнь и общественное мнение формируют ценностные ориентиры, которые являются эталонными в определенной области человеческой деятельности.

Соответственно, ценностные характеристики могут отражать некоторую значимость того или иного объекта. Отметим, что значимость может быть как положительной, так и отрицательной. Ценностные характеристики могут иметь субъективный характер. В данной статье под ценностными характеристиками будем понимать положительные или отрицательные эмоционально-экспрессивные свойства, которыми обладают знаки семиосферы, такие как энциклопедический антропоним.

Термин «энциклопедическое имя собственное» был впервые употреблен Н. В. Петровой [8]. Принимая предложенную автором теорию энциклопедического имени собственного, мы концентрируем внимание на одном из видов имен собственных – антропонимах. Имя собственное, называющее человека, способно накапливать информацию и может разворачиваться в текст. Энциклопедическое имя служит заголовком подобного текста в энциклопедии. Энциклопедический антропоним и текст, разворачиваемый с его помощью, являются культурными зна-

ками. Под «энциклопедическим антропонимом» мы понимаем называющее человека имя собственное, накопившее информацию в социуме и приобретенное в нем ценностные характеристики.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы:

– установить ценностные характеристики энциклопедического антропонима, влияющие на его функционирование в семиотическом пространстве;

– определить, каким образом фактор оценки влияет на ценностные характеристики антропонима.

Прежде чем перейти к рассмотрению проблемы ценностных характеристик энциклопедического антропонима в семиотическом пространстве, обратимся к определению терминов «ценность», «история» и «культура».

Начав с определения термина «ценность», считаем возможным обратиться к наследию Ф. де Соссюра, который утверждал, что язык есть система чистых ценностей (значимостей). Он считал, что именно в языке сосредоточено самое большое количество ценностей и большое разнообразие элементов в строгой взаимозависимости, и отмечал, что ценность возможно проследить во времени [10, с. 112-116]. В свете нашего исследования в качестве знака, обладающего ценностной характеристикой, изменяющейся при определенных исторических обстоятельствах, выступает энциклопедический антропоним. При этом ценность будем рассматривать как явление, которое обладает социальным и культурным наследием в определенный исторический период.

Термин «история» обычно обозначает всякий процесс развития в природе и обществе. Для настоящей работы история как процесс развития пересекается с уже упомянутым ранее термином «историчность», который, на наш взгляд, отражает поэтапное развитие семиотического пространства и является вместилищем всех знаков. Ю. М. Лотман отмечал, что изменяемость – закон существования семиосферы [7, с. 206]. Историчность, таким образом, является необходимым условием развития семиотического пространства. В связи с этим историчность рассматривается нами не как завершенное прошлое, а как бесконечное движение, переходящее с одной сту-

пени на другую, отражающее при этом уровни развития общества, закрепленные в культуре.

Под «культурой» понимается исторически определенный уровень развития человека и общества в целом. Ю.Б. Гудков определяет культуру как особую иерархизированную семиотическую систему, находящуюся в весьма сложных взаимоотношениях с системой естественного языка [4, с. 14]. Язык – факт культуры, так как он является ее составной частью, которую мы наследуем от наших предков, и основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру. Являясь важнейшим явлением культурного порядка, язык помогает понять сущность культуры – науку, религию, литературу, которые, так же как и язык, рассматриваются как коды, формируемые подобно языку, поскольку естественный язык имеет самую разработанную модель [9; 12]. В естественном языке происходят наиболее важные процессы, влияющие на ценностные смыслы общества, которые представлены в семиотическом пространстве.

Исходя из указанного, отнесем энциклопедический антропоним к ценностно-культурному феномену, который за период своего существования может претерпевать некоторые изменения в соответствии с ценностными ориентирами, принятыми в социуме. Ценностный ориентир – это искусственно созданная цель, на которую ориентируется общество на определенном историческом этапе.

В процессе дискурсивной деятельности ценностные ориентиры проходят через этап осмысления определенных фактов, в результате чего формируется оценка. Следствием оценки дискурсивным сообществом антропонима как ценностного знака культуры является его фиксация в письменном тексте, например в энциклопедии, которая становится надежным источником хранения информации о ценностно-значимом имени. Одним из условий изменения ценности культурного знака выступает фактор времени, который влияет на процесс оценки, способствующий переходу имени собственного в разряд Мира Ценностей из Мира Действия.

Мир действия постоянно находится в динамике порождения. Н. В. Петрова отмечает тот факт, что Мир Ценностей порой пересматривается, в этом случае тексты об имени собственном получают иную интерпретацию и даже переписываются. Обычно это происходит при смене эпох, непременно сопровождаемой переоценкой Мира

Ценностей [8]. Изменение ценностных характеристик под влиянием смены эпох можно наблюдать на примере энциклопедического антропонима «И. В. Сталин».

Приведем ключевые выдержки об И. В. Сталине из энциклопедических статей многотомного труда «Большая советская энциклопедия» 1947 г. издания и его переиздания в 1977. Вступительная и заключительная части данных статей оставлены без сокращений.

Обратим внимание на то, что энциклопедическая статья, как правило, имеет стандартизованный характер. Начало статьи обычно содержит идентификатор, с помощью которого происходит вычленение конкретных имен из некоторого множества энциклопедических имен собственных, квалификатор(ы), указывающие, на какой исторический период приходится жизнь данной личности, и классификатор(ы), благодаря которым известная личность причисляется к классу представителей определенных направлений деятельности [5]. Если идентификаторы и квалификаторы были нами сразу определены в приведенных статьях (табл.), то классификаторы присутствуют только в статье 1977 г. Это указывает на то, что статья 1947 г. имеет нестандартную структуру. Помимо данной особенности мы отметили, что объем статьи 1947 года в разы превышает объем статьи 1977 г. и занимает 87 стр., тогда как информация, представленная в энциклопедии 1977 г., занимает только 1 стр. На этот факт стоит обратить внимание, так как за 30 лет произошли изменения в общественной жизни, повлиявшие на ценностную составляющую антропонима «И. В. Сталин». Временной фактор, на который мы уже указали, сыграл решающую роль.

Ключевые выдержки из энциклопедических статей многотомного труда
«Большая советская энциклопедия» за 1947 и 1977 г.

Издание	Словарная статья
<p>Большая советская энциклопедия: в 65 т. / под ред. С. А. Вавилова. – М. : Сов. энцикл., 1947. – Т. 52. – С. 535-622</p>	<p>Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович, родился 21 декабря 1879 года в городе Гори, Тифлисской губернии. Отец его – Виссарион Иванович, по национальности грузин, происходил из крестьян села Диди-Лило, Тифлисской губернии, по профессии сапожник, впоследствии рабочий обувной фабрики Адельханова в Тифлисе. Мать – Екатерина Георгиевна – из семьи крепостного крестьянина Геладзе села Гамбареули</p> <p>Осенью 1888 года Сталин поступил в Горийское духовное училище <...></p> <p>В революционное движение, – говорит Сталин, – я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние <...></p> <p>С именем Сталина все прогрессивное человечество, все свободолюбивые демократические народы связывают свои надежды на длительный прочный мир и безопасность.</p> <p>«Это наше счастье, что в трудные годы войны Красную Армию и советский народ вел вперед мудрый и испытанный вождь Советского Союза Великий Сталин. С именем Генералиссимуса Сталина войдут в историю нашей страны и во всемирную историю славные победы нашей армии. Под руководством Сталина, великого вождя и организатора, мы приступили теперь к мирному строительству, чтобы добиться настоящего расцвета сил социалистического общества и оправдать лучшие надежды наших друзей во всем мире» (Молотов В. М. 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. 1945. С. 18-19)</p>

Издание	Словарная статья
<p>Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. – М.: Сов. энцикл., 1977. – Т. 24. – С. 400-401</p>	<p>Сталин (настоящая фамилия – Джугашвили) Иосиф Виссарионович [9(21).12. 1879, г. Гори, ныне Грузинская ССР, – 5.3.1953, Москва], один из руководящих деятелей Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, видный теоретик и пропагандист марксизма-ленинизма. Родился в семье кустаря-сапожника. В 1894 окончил Горийское духовное училище и поступил в Тбилисскую православную семинарию <...></p> <p>Как член ЦК С. активно участвовал в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции <...></p> <p>После окончания Гражданской войны С. активно участвовал в борьбе партии за восстановление народного хозяйства <...></p> <p>С. был членом Политбюро ЦК ВКП (б) в 1919 – 52, Президиума ЦК КПСС в 1952 – 53, членом Исполкома Коминтерна в 1925-43, членом ВЦИК с 1917, ЦИК СССР с 1922, депутатом Верховного Совета СССР 1–3-го созывов. Ему были присвоены звания Героя Социалистического Труда (1939), Героя Советского Союза (1945), Маршала Советского Союза (1943), высшее воинское звание – Генералиссимус Советского Союза (1945). Он награжден 3 орденами Ленина, 2 орденами «Победа», 3 орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, а также медалями. Похоронен на Красной площади <...></p>

Энциклопедия 1947 г. вышла при жизни И. В. Сталина, отличительной чертой статьи «И. В. Сталин» является то, что она содержит большое количество эмоционально-экспрессивных средств, например:

Сталин – это Ленин сегодня <...>. В Сталине народы СССР видят воплощение своего героизма, своей любви к Родине: «За Сталина! За Родину!» и т. д. [1].

В данной статье также представлено более подробное описание его жизни и деятельности:

Осенью 1903 года Сталина высылают на три года в Восточную Сибирь.

В ссылке Сталин оставался недолго. Он рвался скорее на свободу <...>. 5 января 1904 года Сталин бежит из ссылки [1].

В этих предложениях привлекает внимание употребление формы настоящего времени для описания прошедшего, а также наблюдается расхождение между категориальным значением глагольной формы (*высылают, бежит*) и контекстом, который указывает на отнесенность действия к прошлому. Такой прием реализует у категориального значения формы времени образное значение. Действие прошедшего времени изображается так, будто оно происходит в момент речи. Помимо перечисленных особенностей, в статье 1947 г. присутствует прямая речь, что не свойственно стилю энциклопедической статьи (см. табл.).

Хвалебный тон является главенствующим:

«И. В Сталин – гениальный вождь и учитель партии, великий стратег социалистической революции, руководитель Советского государства и полководец» [1].

В этом предложении обращают на себя внимание определения (оценочные слова) *гениальный, великий*, что также не свойственно стилю энциклопедической статьи. Для статьи 1947 г. характерен художественный стиль, который характеризуется образностью и эмоциональностью, что отсутствует в статье «И. В. Сталин» более позднего издания. Например:

«Господствовавший в семинарии иезуитский режим вызывал у Сталина бурный протест, питал и усиливал в нем революционные настроения» [1].

Если в версии энциклопедии 1947 г. роль И. В. Сталина рассматривается в качестве исключительной, то энциклопедическая статья 1977 г. выдержана в нейтральном тоне, и И. В. Сталин выступает в ней как «...один из руководящих деятелей Коммунистической партии» [2]. В отличие от энциклопедической статьи 1947 г., в которой не приняты сокращения фамилии Сталина, в энциклопедии 1977 г. находим сокращение фамилии литерой «С.» (19 раз). Не умаляя заслуг,

но и не преувеличивая значимости личности Сталина, статья 1977 г. дает описание только фактов:

«Под влиянием русских марксистов, проживавших в Закавказье, включился в революционное движение <...>. С 1898 член КПСС <...>. В феврале 1913 С. был снова арестован и выслан в Туруханский край <...>. Он награжден 3 орденами Ленина, 2 орденами «Победа», 3 орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, а также медалями» [2].

Отличительной чертой статьи 1977 г. является то, что в нее включены критические замечания о деятельности И. В. Сталина, например:

«...постепенно сложился культ личности С., который повлек за собой грубые нарушения социалистической законности» [2].

Дана более взвешенная характеристика личных качеств:

«В деятельности С. наряду с положительными сторонами имели место теоретические и политические ошибки, отрицательно сказывались некоторые черты его характера <...>. Начал отступать от ленинских принципов коллективного руководства и норм партийной жизни, переоценивать собственные заслуги в успехах партии и народа» [2].

В энциклопедической статье 1977 г. резкой критики деятельности И. В. Сталина еще нет, но присутствуют рациональные выводы о ней:

«...партия дала объективную всестороннюю оценку деятельности С.» [2].

Эти примеры говорят о том, что ценностные ориентиры стали меняться, и ценностные характеристики энциклопедического антропонима «И. В. Сталин» также подверглись некоторым изменениям. Если в статье 1947 года это имя было связано с «надеждой на мир и безопасность», он был «счастьем» народа и вел страну «вперед» то, в статье 1977 года мы видим явно противоположное, выраженное фразами «политические ошибки и перегибы», «отступать от принципов» и т. д. На содержание энциклопедической статьи об И. В. Сталине 1977 г. повлияла переоценка его деятельности дискурсивным сообществом.

Отметим, что энциклопедия является официальным источником, к составлению которого привлечены ведущие специалисты

в определенной области знаний. Прежде чем энциклопедия издастся, ее содержание проходит экспертизу. При составлении текста энциклопедической статьи могут учитываться политическая, экономическая ситуация, а также настроения в обществе. В энциклопедической статье об антропониме реализуется такое явление, как ориентирующий дискурс, который может выражаться в манипулировании общественным мнением, закладывающим ориентир на определенный период времени.

Перечисленные отличия статьи 1977 г. от статьи 1947 г. говорят о том, что произошла переоценка, переосмысление деятельности конкретной персоналии, что выражается в более нейтральной трактовке его действий с точки зрения экспрессивно-эмоциональных средств. На примере энциклопедического антропонима «И. В. Сталин» можно отметить, что ценностная информация (информативное наполнение текста, несущее просветительский характер) в статьях 1947 и 1977 гг. несколько различается, однако смена эпохи еще не произошла, поэтому в 1977 г. никто не ставил под сомнение решающую роль И. В. Сталина для государства. Если отметить полемику, ведущуюся вокруг этой личности в современных условиях, безусловно, можно увидеть, что нет абсолютно однозначного мнения в оценке этого государственного деятеля. Здесь имеет место интерпретация событий, происходящих в разные отрезки времени, относительно той картины мира, которая сложилась к определенному историческому моменту. Н. Н. Казыдуб отмечает, что событийная интерпретация (ценностной) картины мира встраивает ценностные смыслы в мировую единую линию развития ценностного содержания окружающей среды, синтезируемого посредством ориентирующего дискурса [6]. Особенно в этом процессе заметна «роль языка, который участвует в конструировании событий в условиях исторически изменяющегося контекста» [Там же, с. 92].

Можно предположить, что оценка событий обусловлена эмоциональной природой естественного языка. Е. М. Вольф отмечала, что в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык, как таковой, всегда предполагает рациональный аспект. Однако способы выражения двух видов оценки в языке различаются,

показывая, тем самым, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта – эмоциональное или рациональное [3, с. 40].

Исследование концепций, связанных с эмоциональным и рациональным подходом в языке, не является целью нашей статьи, но мы привлекаем внимание к этой проблеме, так как соотношение эмоциональной и рациональной оценки в энциклопедических статьях, опубликованных в разные годы, имеет место. В этом мы убедились, анализируя энциклопедические статьи об И. В. Сталине. Об объективности, истинности или ложности оценок, данных в эти годы, сложно говорить, так как любая оценка опирается на ценностный ориентир и «картину мира», которая формирует некий стереотип, сопровождающий отношение к определенной личности. Эмоциональная (эмотивная) и рациональная (интеллектуальная) оценки, присутствующие в проанализированных энциклопедических статьях, отражают состояние общества в определенные исторические периоды.

Приведем пример эмоциональной оценки из статьи 1947 г.:

«Исключительно большое значение в деле идейного разгрома троцкизма, в деле защиты, обоснования и развития ленинизма имела теоретическая работа Сталина «Об основах ленинизма», вышедшая в 1924 году. Эта работа является мастерским изложением и глубоким теоретическим обоснованием ленинизма» [1].

Примером рациональной оценки может послужить отрывок из статьи 1977 г.:

«...партия дала объективную всестороннюю оценку деятельности С., развернутую критику культа личности» [2].

Так как язык есть отражение окружающего нас мира, в нем происходит переработка культурно-социальных факторов, влияющих на жизнь всего общества. Приведенный пример энциклопедического антропонима показывает, как имя, превратившееся в культурный знак в границах национального пространства, формирует единое коммуникативное пространство культуры. Национальное пространство мы предлагаем рассматривать как часть социального пространства, в котором осуществляется общение между людьми различных национальностей и которое является общим для представителей разных народов не только по терри-

ториальному, но и социально-культурному, а также политическому признакам.

На основе приведенных примеров можно сделать вывод, что ценностные характеристики энциклопедического антропонима зависят от ряда факторов, а ценность энциклопедического антропонима не есть застывшая форма. В зависимости от социальных процессов, происходящих на определенном историческом этапе, оценка персоналии может пересматриваться дискурсивным сообществом, при этом энциклопедический антропоним может становиться менее значительным. Необходимо отметить, что в обществе, в котором национальное пространство является стабильным, не происходит разрыва границ семиотического пространства, это позволяет осуществить диалог культур, благодаря которому беспрепятственно передаются знания от поколения к поколению.

Диалог культур происходит за счет движения знаков внутри ономастического пространства, которые могут становиться периферийными и ядерными. «И. В. Сталин» – ядерный знак в середине XX в. Изменение во второй половине XX в. ценностных ориентиров повлекло за собой изменение ценностных характеристик энциклопедического антропонима и его переход в околоядерную зону, о чем, в частности, свидетельствует наличие классификаторов в энциклопедической статье 1977 г.

Энциклопедический антропоним способен периодически претерпевать некоторые изменения в соответствии с ценностными ориентирами, принятыми в обществе. Ценностные ориентиры, так же как и ценность энциклопедического антропонима, не всегда являются постоянными величинами и могут меняться с течением времени. В едином национальном пространстве имена собственные, ставшие энциклопедическими антропонимами, превращаются в универсальные культурные знаки. Как правило, универсальными культурными знаками становятся те энциклопедические антропонимы, которые обладают наиболее устойчивыми ценностными характеристиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Большая советская энциклопедия*: в 65 т. / под ред. С. А. Вавилова. – М. : Сов. энцикл., 1947. – Т. 52. – 943 с.

2. *Большая советская энциклопедия*: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. – М. : Сов. энцикл., 1977. – Т. 24. – 608 с.
3. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки. – М. : УРСС, 2002. – 261 с.
4. *Гудков, Д. Б., Ковишова, М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
5. *Игнатьева, Е. П.* Инвариантная информационная структура энциклопедической статьи // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2014. – № 3. – С. 228-235.
6. *Казыдуб, Н. Н.* Аксиологическая стрела времени: ценностные смыслы в исторически изменяющемся дискурсе // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. – 2012. – № 2. (18). – С. 90-95.
7. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 464 с.
8. *Петрова, Н. В.* К проблеме энциклопедического имени собственного // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 269-275.
9. *Сепир, Э.* Язык, раса, культура. – Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
10. *Соссюр, Ф.* Курс общей лингвистики. – М. : УРСС, 1999. – 272 с.
11. *Суперанская, А. В.* Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
12. *Тер-Минасова, С. Г.* Национальные литературы в диалоге культур в эпоху глобализации. Аспекты национальной идентичности [Электронный ресурс] // *Россия и Запад: диалог культур*. – Режим доступа : <http://regionalstudies.ru/journal.html> 2012.

УДК 811.11-112

Т. В. Иванова

соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, специалист по учебно-методической работе отдела учебно-воспитательной и научной работы МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: kjaerlighet.86@mail.ru

КОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ В СИТУАЦИИ ШАНТАЖА

В статье описывается ситуация шантажа как одна из форм социально-го взаимодействия коммуникантов в институциональном и бытовом дискурсах. Выделяются составляющие ситуации шантажа и анализируются причины появления комического эффекта при коммуникативном взаимодействии, приводящие к смене формации дискурса от некомического «серьезного» к комическому.

Ключевые слова: шантаж; ситуация; социальная ситуация; комический дискурс; комический эффект.

Ivanova T.V.

Post-Graduate Student, specialist, MSLU EALI; e-mail: kjaerlighet.86@mail.ru

THE COMIC EFFECT IN A SITUATION OF BLACKMAIL

In the article the situation of blackmail as a form of social interaction between communicants in the institutional and everyday discourses is described. The constituents of the situation are also pointed out and reasons for comic effect occurrence which lead to the discourse formation change from non-comic to the comic one in such an interaction are analyzed.

Key words: blackmail; situation; social situation; comic discourse; comic effect.

Социальная природа знака диктует поиск теоретического знания, отражающего наиболее полно его взаимосвязь с реальностью, поэтому в лингвистике активно рассматриваются социальная ситуация и социальное взаимодействие коммуникантов (см. напр.: [1]). Широкое распространение в науке получила семиотическая модель ситуации М. А. К. Халлидэя, описывающего ее через такие параметры, как поле взаимодействия коммуникантов (или поле дискурса, природа социального взаимодействия), тональность их общения (направление дискурса; кто принимает участие, роли коммуникантов во время взаимодействия и совокупность их социальных взаимосвязей) и формат (форма дискурса, какую роль играет язык,

ожидания коммуникантов от языковых средств, канал коммуникации, риторическая функция дискурса) [18; 19]. Эти три компонента образуют регистр, или жанр дискурса, а ситуация взаимодействия коммуникантов входит в нее на правах составляющей. Экстралингвистические факторы также учитываются при анализе ситуации, поскольку они «в случае конкретной реализации языковой коммуникации становятся уже не экстралингвистическими, а в известном смысле (коммуникативном, социальном) лингвистическими, так как от них зависят закономерности употребления языка в речи (текстах), и даже не только зависят, но определяются ими» [6, с. 38].

В любой ситуации действительности может возникать комический эффект, который для наблюдателя, интерпретатора ситуации видится как противоречие между планом содержания и планом выражения, как парадокс или смысловой сбой. То, каким образом данный эффект реализуется в ситуации шантажа и какие характеристики «получают» поле, тональность и формат коммуникативного взаимодействия, представляет определенный исследовательский интерес.

Ситуация шантажа понимается нами как оформленный вербально фрагмент действительности, характеризующийся взаимодействием коммуникантов в социуме, при котором адресант воздействует на адресата с бенефактивной целью, предоставляя ему «право выбора своих последующих действий, но этот выбор предоставлен таким образом, что принимаемое им решение в большинстве случаев оказывается выгодным только для говорящего» [10, с. 122].

Поле, тональность и формат определяют план выражения ситуации шантажа и позволяют учитывать принципы, выявленные при анализе социальной ситуации, а именно обстановку общения, статусно-ролевые параметры коммуникантов, а также социально-психологическую дистанцию между ними. Как отмечает В. И. Карасик, «институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках» [5, с. 12], а институциональный дискурс является статусно-ориентированной формой общения: коммуниканты предстают не столько как личности, индивиды, сколько как носители определенного социального статуса. Социальный институт, представляющий собой определенный набор стандартов поведения в определенных ситуациях, подразумевает, что между клиентами и агентами взаимодействия существуют отношения неравенства, иерархии, что ста-

тус представителя института изначально выше, чем статус клиента; языковое оформление ситуации характеризуется наличием клишированных фраз. СМИ неоднократно описывают шантаж политический и экономический, что характеризует определенный тип взаимодействия институтов власти, корпораций, компаний, граждан, где шантажируемый терпит материальные убытки и, как правило, вынужден обращаться в компетентные органы. Ситуация шантажа в институциональном дискурсе представляет собой «классическую» ситуацию шантажа, где воздействие адресанта на адресата может быть уголовно наказуемым, «...при этом существенность вреда оценивается с точки зрения потерпевшего независимо от того, может это вред быть причинен только его правам или законным интересам» [4]. Таким образом, в ситуации шантажа главную роль играет интерпретатор, а именно, шантажируемый.

Ситуация шантажа может присутствовать в различных сферах человеческого взаимодействия, что делает необходимым рассмотрение не только уголовно-правовой характеристики подобного взаимодействия (см. напр.: [4; 20]), но и анализ такой ситуации, где коммуниканты хорошо знают друг друга, взаимодействуют в неформальной обстановке при близкой психологической дистанции, т. е. в бытовом дискурсе. Наиболее актуальным в данном взаимодействии является оценочная и эмоциональная зависимость коммуникантов от происходящего, поэтому чаще всего наблюдается ситуация так называемого эмоционального шантажа, где для получения выгоды (как правило, нематериальной) адресант пытается вызвать у адресата чувства вины или стыда.

Языковое оформление ситуации шантажа находится в зависимости от типа дискурса (институционального или бытового), отражающего статусно-ролевые характеристики коммуникантов, что может сближать различные ситуации воздействия на адресата. Так, пространство ситуации шантажа может быть сопряжено с пространством ситуациями угрозы (*getting some advantage from people by **threatening** to tell secret information about them* [22, p. 62]); манипуляции (*an attempt to make someone do what you want by making threats or by making them **feel guilty** if they do not – **emotional blackmail*** [17]); вымогательства (*the crime of threatening to reveal embarrassing, disgraceful or damaging facts (or rumors) about a person*

to the public, family, spouse or associates unless paid off to not carry out the threat [16]).

В институциональном дискурсе в плане содержания ситуации будет присутствовать характеристика – взаимодействие коммуникантов-представителей определенного социального института. Ситуация шантажа в бытовом дискурсе денотирует взаимодействие коммуникантов на близкой психологической дистанции.

Несмотря на то, что шантаж, угроза, манипуляция и вымогательство являются способами воздействия адресанта на адресата для достижения определенных целей, они по-разному соотносятся друг с другом. В ситуации шантажа адресанту важна выгода, в то время как угроза не обязательно ее предполагает. С манипуляцией ситуацию шантажа сближает то, что он нежелателен для адресата и затрагивает интересы адресанта. Отличие же состоит в том, что шантажирующий осознает реальное положение дел и заинтересован в том, чтобы адресат разгадал его намерения, манипуляция же, наоборот, представляет собой скрытое воздействие на адресата. Шантаж часто определяется через вымогательство, однако от последнего его отличает наличие угрозы распространения компрометирующей информации и необязательная заинтересованность шантажирующего в материальных ценностях. Интерпретатор в ситуации шантажа не всегда учитывает все признаки данного явления (шантаж как «угроза распространения компрометирующей информации с бенефактивной целью»), а какой-то один признак, например, угрозу, выгоду, воздействие, либо добавляет свою оценку положения дел (эмоциональный шантаж). Зависимость ситуации шантажа от интерпретативной деятельности адресата указывает на размытый экстенционал феномена.

Дискурс имеет интенциональный характер, «будучи ориентированным на обслуживание определенной коммуникативной сферы» [12]. Так, под комическим дискурсом понимается последовательность речевых актов, несущих комический смысл, в котором следует изучать не только «что смешно», но и «для кого это смешно» [7]. Его функция – вызвать смеховую реакцию у адресата, или интерпретатора. Рассуждая о комическом, Н. Н. Панченко отмечает, что комический смысл может инкорпорироваться в другой (новостной) дискурс, при этом «он осознанно конструируется личностью в речевом акте в расчете на определенного адресата» [7, с. 8]. Интенция создать ко-

мический смысл не всегда может быть «считана» адресатом, поэтому вычленение смыслов в ситуации требует интерпретативных усилий с его стороны. «Некоторые, не учитываемые адресантом, смыслы могут быть вычитаны из самого высказывания, а некоторые «добавляет» адресат, опираясь на собственный коммуникативный опыт и видение ситуации: он продуцирует и такие смыслы, которые, на первый взгляд, не вытекают из того высказывания» [11, с. 16].

Комический дискурс может функционировать в дискурсе другого типа без смены его формации, также возможна замена почти любого «серьезного» дискурса на комический – «комический характер можно придать защите диссертации, речи политика, разговору на бытовые темы и т. д.» [8]. В этом случае «происходит кардинальная смена дискурсной формации. Дискурс-оригинал теряет свои онтологические признаки и приобретает новую идентичность, а именно: дискурс становится комическим» [8, с. 169-170].

Рассуждая о соотношении части и целого, Р. Якобсон отмечал важность изучения целого речевого события (в данном случае мы считаем ситуацию и событие синонимичными понятиями), «начиная с источника и кончая целью: намерение, иннервация, постепенное порождение, передача, слушание, восприятие, понимание» [13, с. 302]. Таким образом, ситуацию взаимодействия коммуникантов необходимо рассматривать целиком – от передачи адресантом своей интенции до интерпретации этой интенции адресатом, устанавливая тем самым акцент на интерпретанте знака.

В ситуации шантажа нами выделены следующие составляющие:

- субъект шантажа;
- объект шантажа;
- цель, которую преследует шантажирующий;
- инструмент, которым он воздействует на шантажируемого;
- реакция шантажируемого.

Ситуация находится в зависимости от социальной природы взаимодействия коммуникантов. Сближение таких полярностей, как институциональный дискурс и бытовой в ситуации шантажа наиболее часто приводит к созданию комического эффекта. Для интерпретатора ситуации шантажа рассогласованность **плана выражения и плана содержания ситуации видится как парадокс, нелогичность, несоответствие ожиданиям**. Комичным может быть подача языкового

материала, рассогласованность содержания и формы (имплицитные смыслы), а также несоответствие представляемого феномена традиционным ожиданиям общества. Комический смысл, таким образом, инкорпорируется в ситуацию взаимодействия коммуникантов как в бытовом, так и в институциональном дискурсах, а считается он интерпретатором при наличии у него определенных фоновых знаний о «классической» ситуации шантажа.

Рассмотрим ситуацию шантажа, где взаимодействие коммуникантов протекает на близкой психологической дистанции, в нейтрально-обиходной тональности, при нисходящем социальном векторе. Адресант пытается шантажировать, однако терпит неудачу ввиду того, что адресат не владеет «врожденной схемой шантажа». Комичным является то, что говорящий шантажирует адресата выполнением действия, которое для обычного человека не представляет угрозы. Шантажируемый «нивелирует» попытку шантажа своей ответной реакцией, основанной на логике, и исключающей осознание интенций адресанта.

Шантажирующий: *Okay, here's the deal: you either help me throw Leonard a birthday party, or so help me God, I will go into your bedroom and unbag all of your most valuable, mint condition comic books and on one of them, you won't know which, I'll draw a tiny happy face in ink.*

Шантажируемый: *You can't do that. If you make a mark in a mint comic book, it's no longer mint.*

Шантажирующий: *Sheldon, do you understand the concept of blackmail?* [14].

Комический эффект тесно связан с эффектом обманутого ожидания, который заключается в том, что адресат (интерпретатор) «...способен предугадать ход развития событий в тексте. Когда развитие событий резко расходится с ожиданиями адресата, возникает вышеупомянутый эффект» [2, с. 21]. Интерпретатор в приведенной ситуации не видит ожидаемой им реакции адресата в ситуации шантажа, что и делает ситуацию комичной.

Комический эффект в ситуации может достигаться рассогласованностью между серьезностью положения дел коммуникантов (угроза жизни, репутации фирмы и т. д.) и их фактическим речевым поведе-

нием. В следующей приведенной ситуации наблюдается взаимодействие равных по статусу представителей двух компаний. Из ситуации известно, что целью шантажирующего является попытка отвлечь партнера по коммуникации от сделки, а инструментом шантажа становится моральное давление на адресата. Формат ситуации определяет языковое оформление высказываний коммуникантов в институциональном дискурсе, однако происходит дискредитация статуса каждого из них при фамильярной тональности общения.

Шантажирующий: Shall we, Dr. Hannity? (opens a folder and looks at the empty contents) Oh, dear. *It's a bit thin, isn't it?*

Шантажируемый: PhD in agronomy from Stanford. MBA from Harvard.

Шантажирующий: *Mm-hmm. Yes. Tsk. Oh, dear. Graduated middle of your class at both. Published just... Here and there.*

Шантажируемый: I'm vice president of a Fortune 500 Company. I'm head of research.

Шантажирующий: I know. *It's surprising, isn't it?* And with-with such weak credentials.

Шантажируемый: I make one call, and you are finished, Miss Peal.

Шантажирующий: Let's both make calls. *You whine to your CEO about my bad manners, and I'll remind the board that your division has spent \$60 million developing, what was it? Wheat* [21].

Классическая ситуация шантажа «отражает статусное неравенство коммуникантов и намеренное снижение статуса адресата, что объясняется как желанием адресанта получить некую (не всегда материальную) выгоду, так и его желанием унижить, поставить адресата в зависимое от себя положение. Все перечисленные факторы отражаются определенным образом в речевом поведении коммуникантов» [9, с. 179-180].

Комичность ситуации шантажа может заключаться в том, что третьему лицу предоставляются потенциально порочащие сведения об адресате непосредственно в его присутствии. Например, участники ситуации угрожают раскрыть дискредитирующие друг друга сведе-

ния, указывая на них непосредственно в самом разговоре. Шантажирующий становится шантажируемым и наоборот. Выделенные нами высказывания в приведенном примере можно назвать «самофальсифицируемыми» (см., напр: [3, с. 159]):

Шантажирующий: I want to know what you told her.

Шантажируемый: That's kind of between me and Laura.

Шантажирующий: Laura. Oh. Okay, I see. So while he was telling you things, did he mention he owns not one, but two Star Trek uniforms?

Третье лицо: Really?

Шантажирующий: Yeah. Wears them. Not just for Halloween.

Шантажируемый: *Hey, pal. You didn't see me telling Kevin that you thought cold wars were only fought in winter.*

Шантажирующий: *Okay. Then I'll return the favor, and I won't tell that half the dirty movies you own are animated.*

Шантажируемый: *When you were telling Kevin about your acting career, did you mention your long-running role as «Waitress» in a local production of The Cheesecake Factory?*

Шантажирующий: *Did you tell her about your lucky asthma inhaler?*

Шантажируемый: Oh, yeah? Spell «asthma».

Шантажирующий: «A-s» ... Take me home [14].

Очевидно, что тот, кто быстрее предоставил информацию компрометирующего характера, и стал носителем роли шантажирующего. Тональность общения нейтрально-обиходная, а взаимодействие коммуникантов происходит на близкой психологической дистанции, при этом такое взаимодействие можно назвать игровым.

Комический эффект в ситуации шантажа может быть достигнут неправдоподобным, нелогичным поведением адресанта. Общение коммуникантов происходит на близкой психологической дистанции; адресант-женщина оказывает эмоциональное давление на адресата,

чтобы добиться от него согласия на брак. Она угрожает ему разглашением информации о его тайных счетах. В результате мужчина соглашается на брак, вызывая «искреннюю» эмоцию радости у женщины:

Шантажирующий: Will you marry me, Carlos Solis?

Шантажируемый: And you say you're proposing?

Шантажирующий: You said you didn't want to spend too much. So what's more affordable than a promise?

Шантажируемый: Look, Edie, I'm doing this for you.

Шантажирующий: *If the I.R.S. gets wind of your rainy day fund, they could make me testify against you. But if I were your wife how are they going to find out? Oh, honey, people talk angry people, disappointed people. Come on. Say your line. It's my birthday.*

Шантажируемый: Fine. We're engaged.

Шантажирующий: Oh! Carlos! *I think I'm gonna cry* [15].

План выражения ситуации шантажа, поле, тональность и формат ситуации выявляются при анализе конкретной наблюдаемой ситуации коммуникативного взаимодействия. Природа подобного взаимодействия различна: роль шантажирующего может выполнять и сотрудник, занимающий подчиненное положение в институциональном взаимодействии, и близкий человек в непринужденной ситуации общения, что обуславливает выявление двух «базовых» ситуаций шантажа – в институциональном дискурсе и дискурсе бытовом. Тональность общения коммуникантов может варьироваться от нейтральной до фамильярной (или даже вульгарной), при этом статус коммуниканта не так важен, как его роль – шантажирующий в ситуации неизбежно занимает позицию «выше», так как ставит адресата в невыгодное, зависимое положение. Комический эффект в ситуации шантажа достигается противоречием между ожидаемым (приемлемым) поведением партнера по коммуникации и непосредственно наблюдаемым. Так, адресант может шантажировать адресата распространением сведений, не представляющих для него реальной угрозы; вербальное и невербальное поведение адресата может создавать комический

эффект по причине того, что факт шантажа не «считывается», и, соответственно, поведение адресата непрограммируемо. Может выглядеть комичным и то, что каждый участник ситуации оказывается в затруднительном, щекотливом положении, где наблюдающий, интерпретирующий чувствует свое превосходство. Шантаж высмеивается в ситуациях комического как многие негативные явления жизни, что сближает данную ситуацию с черным юмором. При реализации комического эффекта в ситуации шантажа может иметь место игровой характер взаимодействия коммуникантов (шантажирующего и шантажируемого), где реакция на явления социальной действительности преподносится в неожиданном для интерпретатора ситуации ключе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аргайл, М., Фернхем, А., Грахам, Дж.* Мотивы и цели // Психология *социальных ситуаций*: хрестоматия / сост. Н. В. Гришина. – СПб. : Питер, 2001. – 416 с.
2. *Вербицкая, О. Ю.* Опыт лингвистического исследования парадоксального речевого акта в комическом дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2005. – 190 с.
3. *Дементьев, В. В.* Непрямая коммуникация. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
4. *Жданухин, Д. Ю.* Уголовно-правовая характеристика шантажа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 2005. – 146 с.
5. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. *Кожина, М. Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. – 1987. – № 2. – С. 35-41.
7. *Панченко, Н. Н.* Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2005. – 21 с.
8. *Плотникова, С. Н.* Комический дискурс // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 162-172.
9. *Топка, Л. В., Абрамова М. В.* Поведенческая ситуация «шантаж» через призму непрямой коммуникации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Лингвистика. – 2007. – № 3. – С. 174-196.
10. *Топка, Л. В.* Некаатегоричность: опыт прагма-семантического исследования // LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 164 с.

11. Федорова, Т. В. Аргументация в контексте непрямо́й коммуникации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2008. – 163 с.
12. Шейгал, Е. И. Семиотика политического: монография. – М.; Волгоград : Эко Умберто, 2000. – 367 с.
13. Якобсон, Р. Язык и бессознательное / пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина. – М. : Гнозис, 1996. – 248 с.
14. *Big Bang Theory* [Motion picture] / C. Lorre – USA, Warner Bros., 2007. – URL : http://www.sidereel.com/The_Big_Bang_Theory.
15. *Desperate Housewives* [Motion picture] / M. Cherry – USA, Cherry Productions, ABC Studios, 2004. – URL : http://www.springfieldspringfield.co.uk/episode_scripts.php?tv-show=desperate-housewives.
16. *Dictionary of Law* [Electronic resource]. – URL : <http://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=75#ixzz3t1rJK5uV>.
17. *Emotional blackmail* [Electronic resource]. – URL : <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/e-motional-blackmail>.
18. Halliday, M. A. K. Context of Situation // *Language, Context and Text* / ed. by M. A. K. Halliday, R. Hasan. – Geelong, Vic. : Deakin University Press, 1985. – P. 3-14.
19. Halliday, M. A. K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. – London : Arnold, 1978. – 256 p.
20. Katz, L. *Ill-gotten Gains: Evasion, Blackmail, fraud and Kindred* // The university of Chicago Press. – 308 p.
21. *Leverage* [Motion picture] / J. Rogers – USA, Electric Entertainment., 2010. – URL : <http://serialsonline.net/serials/Leverage-online.html>.
22. *The All Nations English Dictionary: international phonetic alphabet*. – Colorado : All Nations Literature, 1992. – 825 p.

УДК 811.11-112

Т. И. Семенова

доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: tisemenova54@mail .ru

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКОГО ПРОГРЕССИВА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИТУАЦИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

В статье анализируется когнитивный статус грамматических конструкций, выявляются структуры знания, закодированные в значении длительного вида прототипически неакциональных глаголов. Выявляется интерпретативное значение прогрессива стативных глаголов и его роль в концептуализации ситуаций эмоциональных состояний и ситуаций поведения.

Ключевые слова: концептуализация; состояние; действие; стативный глагол; интерпретативный прогрессив; когнитивная модель.

T. I. Semenova

Doctor of Philology, Professor, MSLU EALI, e-mail: tisemenova54@mail.ru

COGNITIVE STATUS OF INTERPRETATIVE PROGRESSIVE IN REPRESENTING EMOTIONS AND OBSERVERBAL BEHAVIOR MEANINGS

The subject matter of the paper is the description of knowledge represented in the cognitive models with the progressive forms of the stative verbs. The article focuses on conceptualizing emotions and behavior through visible body events and processes with the reference to inner states rather than just to bodily events. The paper introduces the idea of the interpretative progressive as a grammatical mode of conceptualizing «active» emotions and behavior.

Key words: conceptualization; state; stative verb; action; interpretative progressive; cognitive model.

Внутренний мир человека как совокупность ментальных феноменов (чувств, эмоций, мыслей, внутренних состояний, мотивов, намерений) представляет собой фрагмент мира, который выделен и осмыслен человеком в процессе его лингво-когнитивной деятельности. Какие же языковые средства и когнитивные механизмы позволяют «проникнуть» в глубоко скрытые внутренние закономерности познаваемой психической реальности? Какие структуры знания фиксируются в значениях языковых форм в процессах категоризации че-

ловеческим сознанием внутренней сферы человека, его ментальных состояний?

В русском языке выделяется семантическая область, получившая концептуализацию как «активные эмоции». Общим смысловым признаком глаголов эмоционального действия – *сердиться, нервничать, паниковать, гневаться, жалеть буянить*, является обозначение манифестации внутреннего состояния, значение процесса, действенных проявлений внутреннего состояния [1-3; 7; 25]. Интерпретация эмотивных глаголов как глаголов деятельности во многом определяется динамическим восприятием эмоциональных переживаний в русской языковой картине мира [3; 25]. В английской языковой картине мира эмоции чаще передаются прилагательными или псевдопричастиями, чем глаголами, ср.: *Mary was sad / pleased / happy / angry*. Подобные прилагательные обозначают пассивные эмоциональные состояния, а не активные эмоции, которым люди «передаются» более или менее по собственной воле, в то время как глаголы эмоций подразумевают более активную роль субъекта [3, с. 336]. Еще одним языковым средством вербализации эмоциональных состояний являются глаголы, которые по своей семантике относятся к статальным *be (fond of), enjoy, fret, suffer, worry, want*. Исходная семантика статальных глаголов не связана с акциональными характеристиками, на системном уровне категоризации они реализуют прототипические характеристики состояния («неконтролируемость», «инволютивность») [3; 13; 25]. Для обозначения состояний, в том числе и эмоциональных, прототипическими являются синтаксические модели с индефинитными формами глагола, обозначающими эмоциональные состояния как статические ситуации, которые не изменяются и не протекают во времени, ср.: *She worried / grieved/rejoiced*.

Однако языковые данные свидетельствуют о функционировании форм прогрессива, образованных от статальных глаголов для обозначения ситуаций эмоциональных состояний, ср.:

Well, a man seems *to be getting fond of* me [22] ; She looked tired, she seemed *to be wanting to go* home [15].

С точки зрения когнитивного подхода к языковым явлениям, грамматические конструкции имеют когнитивный статус, т. е. значения языковых форм понимаются как определенные структуры знания, посредством которых фиксируется, что и каким образом отражает

и репрезентирует воспринимающий и осмысляющий этот мир говорящий, как конструирует в своем сознании описываемую ситуацию, какой способ осмысления события профилируется языковой формой.

Общепризнанным является понимание того, что разнообразие ситуаций в мире намного больше, чем количество номинирующих их языковых средств. Обращение к особенностям когнитивной деятельности человека в категоризации мира свидетельствует о том, что в своей номинативно-дискурсивной деятельности для обозначения ситуаций, которые хоть каким-то признаком отличаются от прототипической, человеку свойственно не изобретать новые языковые формы и единицы, а приспособлять уже существующие к новому знанию и опыту, благодаря тому, что «каждый знак является открытой, хотя и недерминированной, референцией к некоторому набору разнообразных возможных актуализаций» [6, с. 252]. Парадоксальное свойство языковой материи как раз и заключается в ее «способности бесконечно видоизменяться, адаптироваться к другим частицам и контаминироваться с ними, приспособляться к бесконечному разнообразию условий употребления» [5, с. 17]. Вслед за Е. С. Кубряковой, мы рассматриваем языковые формы «как производные концептуализации мира человеческим сознанием» [8, с. 52]. Подход к значению языковых форм как определенным структурам знания наводит на мысль о том, что в употреблении длительных форм стальных глаголов заложена определенная упорядоченность, обусловленная закономерностями восприятия, осмысления и языковой категоризации действительности. Попытаемся выявить, какие структуры знания стоят за данной грамматической формой, какие признаки денотативной ситуации категоризируются длительными формами стальных глаголов.

Длительная форма глагола *worry* в следующем предложении маркирует акциональные характеристики эмоционального состояния, не свойственные системному значению глагола, ср.:

«Anyway, he *doesn't seem to be worrying!*» – The former stowaway was posing for pictures, grinning broadly, his chest thrown out [22].

Как явствует из примера, имеет место реализация прототипических характеристик другой категории, исходно не связанной с данным глаголом, а именно категории действия, грамматическим средством реализации которой выступают формы прогрессива. С точки зрения

функциональной категоризации функциональный переход от состояний к действиям позволяет говорить о том, что исходная таксономическая категоризация не является абсолютной. Вхождение глагола в ту или иную категорию в значительной степени определяется самими закономерностями его функционирования, а также теми языковыми механизмами, которые определяют его категориальную функцию. Формирование категориального значения активности у отдельных статальных глаголов возможно за счет их функциональной перекатегоризации [4]. Переосмысление стативных глаголов как глаголов деятельности Дж. Лайонз описывает в терминах «вторичной категоризации» [9, с. 334]. С когнитивной точки зрения аспектуально-временные формы глагола прототипичны для категоризации воспринимаемого события, в ситуации выше в перцептивном поле наблюдателя оказываются телодвижения, выражение лица безбилетного иммигранта – *позирование репортерам, насмешливая улыбка, поза – «выпятив грудь»*, которые побуждают наблюдателя предположить, что наблюдаемый субъект не испытывает волнения. Форма длительного вида актуализирует признаки активности субъекта и наблюдаемость его действий, но эти признаки характеризуют «скрытое» действие, производимое индивидом, которое и квалифицируется наблюдателем как проявление определенного эмоционального состояния.

Исследование аспектуальных признаков «психологических глаголов» [24] свидетельствует о том, что денотативная ситуация, обозначенная длительной формой инфинитива этих глаголов, предполагает «какую-либо активность субъекта» [24, р. 76]. Однако в жизни не существует таких действий, как «страдание», «волнение», «веселье», они не поддаются прямому наблюдению и непосредственному вербальному описанию, и, как подчеркивает А. А. Залевская, «судить о таких процессах можно только по каким-то промежуточным продуктам (точнее продуктам промежуточных действий и операций)» [6, с. 397]. Состояния, как отмечает Ж.-П. Сартр, «проявляются как действия, в противоположность свойствам, существующим лишь в потенции» [12, с. 170].

В суждениях о внутренних состояниях извне, сквозь призму восприятия и сознания наблюдателя, длительная форма статальных глаголов маркирует вторичную категоризацию наблюдаемой симптоматики, результатом которой является ее представление со стороны

смысла, то есть определенная интерпретация. Видимое или тем или иным путем воспринимаемое не всегда может быть описано словами, и выбор интерпретационных, непосредственно ориентированных на смысл номинаций для обозначения внутренних состояний, отражает точку зрения наблюдателя. Роль и характер интерпретационного компонента в семантике языковых форм, его связь с особенностями восприятия и категоризации мира отражается в значении грамматических форм. М. Льюнг называет длительные формы стальных глаголов «интерпретативным прогрессивом» (*interpretative progressive*), суть которого заключается в передаче идеи наблюдаемой активности и интерпретация этой активности [20]. Интерпретативный потенциал прогрессива стальных глаголов, как отмечает М. Льюнг, заключается в фокусировке наблюдаемой симптоматики, и эта фокусировка на наблюдаемости обусловлена не лексическим значением глагола, а его аспектуальными характеристиками [20, с. 48].

Денотативные ситуации эмоциональных состояний, категоризируемые конструкциями с прогрессивом, содержат семантический компонент 'Он ведет себя так, что обнаруживает внутреннее состояние', 'Он проявляет какими-то действиями это состояние'. Эти проявления концептуализируются наблюдателем как определенная форма сообщений о тех или иных внутренних состояниях, т. е. описывается впечатление от жеста или мимики с позиции наблюдателя. Н. Б. Мечковская квалифицирует соотношение физических действий и их интерпретаций наблюдателем следующим образом: «непроизвольное или безотчетное и потому нецеленаправленное физическое действие является *частью (или проявлением) другого действия или состояния* и поэтому может быть источником информации о субъекте действия или состояния» (курсив наш. – Т. С.) [10, с. 378]. Движение в сторону эпистемической сферы обусловлено механизмом интерпретации, т. е. обработкой данных непосредственного восприятия на том основании, что восприятие является условием для возникновения впечатлений, отношений, реакций.

Экспрессивный компонент (мимика, жесты, голосовые модуляции) как часть концептуальной структуры эмоций является коммуникативно значимым, и грамматическая форма длительного вида маркирует значение процесса, действенных проявлений внутреннего состояния. Выбор интерпретационных, непосредственно ориентиро-

ванных на смысл номинаций для обозначения внутренних состояний отражает точку зрения наблюдателя. В таких высказываниях описывается не мимика, а сообщается то впечатление, которое она произвела на наблюдателя, способного воспринимать и интерпретировать внешний облик и внешние поведенческие проявления как форму, за которой скрыто содержание. М. М. Бахтин в образной форме характеризует «наружность как совокупность всех экспрессивных, говорящих моментов человеческого тела» [10, с. 26]. Как невербальное проявление радости концептуализируются сторонним наблюдателем смех, улыбка, аплодисменты, ср.:

The pierrots themselves seemed *to be enjoying themselves* and so did the audience, who laughed and clapped immensely [21].

В другой ситуации звуки, доносившиеся из комнаты, концептуализируются наблюдателем как «веселье», ср.:

They could hear sounds of merriment from the other room. «*Seem to be enjoying themselves in there*», said Mr. Smeeth [21].

В форме прогрессива также оказывается инфинитив, образованный от глаголов ментальной деятельности – *assess, evaluate, consider, concentrate, meditate, remember, realize, think, convince*, ср.:

Robert was standing with lowered eyes in the moonlight: he was perfectly still and *seemed to be thinking* of something remote and profound [26]; He walked up and down the room once or twice. He *seemed to be considering* the matter from every side [26].

Как явствует из данных примеров, мыслительная деятельность также имеет свою симптоматику, которая вербализуется через номинации визуально воспринимаемых действий. Осмысление симптоматики приводит наблюдателя к инференциальному выводу о том, что человек производит определенные ментальные действия. Когнитивно выделенной становится операция умозаключения как результат переработки данных восприятия.

Интерпретативный потенциал длительного вида исходно прогрессивного глагола *to be* распространяется также на концептуализацию поведенческих ситуаций, определяемых как наблюдаемое поведение (*temporary behavior; observable behavior meanings, characteristic activity*) [14; 19; 20]. Ситуации наблюдаемого поведения вербализу-

ются глаголом *to be* в форме прогрессива с прилагательными, называющими внутренние свойства, личностные характеристики – *frank, friendly, funny, kind, impatient, rude, stupid, impertinent, ridiculous, respectful, cautious, silly, patient, clever*, ср.:

You are being rude [26].

Позицию предикатива могут занимать и существительные типа *baby, brute, coward, liar, snob, idiot, fool, pest, hero*, которые способны иметь поведенческие импликации, ср.:

I am probably being a fool to turn you down [22].

На системном уровне предикаты свойства квалифицируют субъект, являющийся носителем данных свойств, безотносительно к оси времени, поскольку свойства не ассоциируются с определенными действиями, ср.:

He is as unreasonable as his father [22]; *You are silly and you are tiresome. I wish you'd leave me alone* [18].

Как отмечают исследователи, предложения типа *She is being kind* содержат семантический компонент '*She is acting kindly towards someone*', в то время как предложения типа *She is kind* денотируют свойства характера, присущие человеку [19]. Таким образом, непрототипическая форма прогрессива глагола *to be* в комбинации с прилагательными и существительными, номинирующими личностные качества, свойства характера, оказывается грамматическим средством категоризации ситуаций поведения

В русском языке выделяется категория глаголов поведения, основная особенность которых заключается в том, что в их семантическую структуру входит субъект сознания (субъект оценки), не совпадающий с субъектом самой деятельности, что позволяет отнести их к глаголам стереоскопической семантики [11, с. 149-150]. К поведению относятся глаголы *зрубить, баловаться, дурачиться, кокетничать, прикидываться, притворяться, умничать, важничать, провередничать*. Глаголы поведения, с точки зрения Ю. Д. Апресяна, близки одновременно и к интерпретативам, и к оценкам и относятся к тематическому классу глаголов интерпретации [1].

Коммуникативная цель высказывания с глаголом поведения, как отмечает Е. В. Падучева, состоит в квалификации говорящим част-

ного события как проявления определенного типа поведения [11]. Примером подведения поступка под тип поведения может служить следующий дискурсивный фрагмент, в котором описывается ситуация на уроке, в которой учительница делает замечание армянскому мальчику, чтобы в его семье не готовили блюда с чесноком, поскольку запах чеснока ее раздражает. На что ученик предлагает чаще открывать окна, тем более, что в классе жарко и душно, и легче открыть окно и проветрить, чем просить не готовить пищу с чесноком. Реакция ученика вызвала возмущение учительницы, и она решила наказать его ударом линейки по руке, мотивируя тем, что он *ведет себя вызывающее, безобразничает, дерзит*, ср.:

“Put out your right hand”, she said.

“What for”.

“For *being impertinent*”.

It happened that I had recently learned the meaning of this word.

“I haven’t been impertinent,” I said.

“You *are being impertinent* now” the teacher said [23].

Мальчик, в свою очередь, интерпретирует выражение лица учительницы, ее интонацию, взгляд и категоризует эти внешние признаки как нелепое поведение:

Put out your right hand or I shall send you to the principal who will give you a thrashing <...>”You are not going to make a fool out of me in *this* class” <...>. So many things happened to her face, to her eyes and her mouth that I almost felt sorry for her. I certainly felt disgusted with myself, although I knew she *was being ridiculous* [23].

Ситуация поведения является когнитивно сложной, ее характеризует определенная двуслойность, т. е. в семантическую структуру ситуации входит некоторое действие и его интерпретация. В такого рода ситуациях совокупность действий одного субъекта (субъекта действия) обобщается, оценивается, интерпретируется другим субъектом (субъектом сознания/ оценки/ наблюдателем). В языковой ре-

презентации ситуации поведения может быть эксплицирована как наблюдаемая активность, так и ее интерпретация, ср.:

Most people think they *are being silly if they have to ask a question* they think that everyone else isn't probably thinking the same way [16].

I think Mr Sheblee *is being unreasonable in not accepting the revised price* [15].

Как явствует из примеров выше, Наблюдатель оценивает единичное событие (*не задал вопрос, отказался от предложенной цены на товар*) и подводит его под категорию поведения, квалифицируя, интерпретируя его как *проявление глупости, недалёковидности*. В следующей ситуации Наблюдатель оказывается невольным свидетелем того, как его бывший друг, пытаясь проникнуть в дом, где находится сейф с деньгами, медлит, перед тем как открыть дверь, и эти наблюдаемые действия категоризируются как тип поведения *осторожничать*, ср.:

I watched him pause before the front door of the bungalow. He had obviously come prepared, for it was only a matter of seconds before he pushed open the door and went inside. But he *was being very cautious* [16].

Зачастую наблюдатель затрудняется с вербализацией действий, внешних признаков, которые побуждают его интерпретировать наблюдаемую ситуацию как тот или иной тип поведения, он «считывает» эту ситуацию с точки зрения того смысла, которым он ее наделяет, и форма прогрессива является грамматическим воплощением категориальной сущности ситуации поведения, ср.:

He distinctly got the impression that the painter *was being respectful* and he couldn't imagine why [23].

В данном примере описывается ситуация, в которой на выставке встретились писатель и начинающий художник, и, несмотря на явный интерес к картинам, у писателя сложилось впечатление, что отвечая на вопросы о том, кто позировал, как называется картина, художник лишь старался *проявить уважительность*.

Ментальная операция подведения под определенный тип поведенческой ситуации представлена и в конструкциях с существительным в позиции предикатива, ср.:

“He understood you perfectly well” – she said. – “He *was just being Italian*” [22].

Речь в ситуации идет о том, что официант делает вид, что не понимает по-английски. Видя его уловки, спутница американца объясняет поведение официанта как намерение подчеркнуть, что он итальянец, и интерпретативное значение прогрессива категоризирует характеристику поведения человека.

Действия, которые подводятся под определенный тип поведенческой ситуации, могут быть не вербализованы, а представлены интерпретативно, не случайно глаголы поведения входят в группу интерпретационных предикатов [1; 7; 11]. Позиция субъекта оценки, который категоризирует наблюдаемые действия как тип поведения, может быть эксплицирована ментальными глаголами, вводящими точку зрения, мнение, ср.:

“I think, you are being a little harsh on them” I said. – I was defending myself I suppose as well as her parents [18]; I know I am being a coward about this should tell Andy myself [23].

Интерпретативный компонент семантики глаголов поведения делает возможным полифоничность, когнитивное взаимодействие нескольких точек зрения на интерпретацию тех или иных действий, ср.:

She *is being stupid* and she is sure she *is being very clever* and that’s a nuisance, but I don’t think I hate her [18].

С точки зрения стороннего наблюдателя действие оценивается как проявление глупости, а сам субъект оценивает собственное действие как проявление ума.

Поведения, как подчеркивает Е. В. Падучева, отличаются от деятельности затрудненной сочетаемостью с обстоятельством цели: давая отрицательную оценку поведению субъекта, наблюдатель тем самым отрицает его целесообразность; так, *важничать*, *кичиться* не сочетаются с обстоятельствами цели, хотя некоторые (*заискивать*) не исключают цели. Важно то, что обстоятельство цели приобретает в контексте глаголов поведения, равно как и других глаголов с семантикой оценки, специальную интерпретацию: это не субъективная цель субъекта, как у обычных глаголов деятельности, а «та цель, которую субъекту приписывает наблюдатель» [11, с. 151]. Иллюстра-

цией приписывания цели являются примеры, в которых наблюдатель интерпретирует действия субъекта как производимые с целью создать определенное впечатление, ср.:

Nora sighed to show she *was being patient* [18]; “Was she *being stupid* on purpose, or did she really mean it”, Mungo wondered [26].

Конструкции с длительной формой стальных глаголов допускают употребление первого лица. Языковая форма с первым лицом маркирует когнитивный конфликт между разными ипостасями говорящего, отсылая к двум видам эго: субъективному – ощущающему, внутреннему и объективному – наблюдающему, внешнему. Суть феномена «расщепленного эго» («split ego») М. Льюнг объясняет изменением точки зрения: «говорящий видит себя не с обычной эпистемологической точки зрения, а как другой человек» [20, с. 52]. Изменение эпистемологической точки зрения в структуре акта высказывания имеет место и в конструкциях с длительной формой глагола *to be*, ср.:

I knew I *was being unreasonable* [22]; I am probably being *a fool* to turn you down [17].

Рефлексия говорящего над самим собой, своими ментальными состояниями, оценивающий взгляд на себя со стороны вербализуются при помощи средств эпистемической модальности (*must, perhaps, obviously*), предикатов пропозициональной установки, что обусловлено их функцией шифтеров, «загородок», они служат как бы апелляцией к собеседнику, «сигнализируя смену субъектных планов» [7, с.435], позволяя мыслить в качестве субъекта восприятия/ оценки кого-то, отличного от говорящего.

Итак, в употреблении длительных форм стальных глаголов обнаруживается определенная упорядоченность, обусловленная закономерностями восприятия, осмысления и языковой категоризации действительности. Когнитивный потенциал форм прогрессива стальных глаголов связан с возможностью категоризации на синтаксическом уровне ситуаций действенных проявлений внутренних состояний, ситуаций поведения, что обуславливает интерпретативный характер прогрессива стальных глаголов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д., Бабаева, Е. Э.* Языковая картина мира и системная лексикография. – М. : Яз. славян. культуры, 2006. – 912 с.
2. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. *Везжицкая, А.* Семантическая универсалии и базисные концепты. – М. : Яз. славян. культуры, 2014. – 568 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
4. *Болдырев, Н. Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.
5. *Гаспаров, Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
6. *Залевская, А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
7. *Золотова, Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка, – 2-е изд. – М. : ИРЯ РАН: МГУ, 2004. – 544 с.
8. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
9. *Лайонз, Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1978. – 543 с.
10. *Мечковская, Н. Б.* На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна : Междунар. ун-т природы, общества и человека, 1999. – С. 376-393.
11. *Падучева, Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М. : Яз. славян. культуры, 1996. – 464 с.
12. *Сартр, Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2004. – 639с. – (Мыслители XX века).
13. *Селиверстова, О. Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М. : Наука, 1982. – С. 86-157.
14. *Alexander, L. G.* Longman English Grammar. – New York : Addison Wesley Longman Ltd., 1988. – 374 p.
15. *Brairie, J.* Life at the Top. – London: Penguin Books, 1965. – 255 p.
16. *Chase, J. H.* Come Easy Go Easy. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 384 p.
17. *Hailey, A.* Airport. – New York : Bantam Books, 1968. – 438 p.
18. *Hammatt, D.* The Thin Man. – М. : Paduga Publishers, 2003. – 224 с.

19. *Leech, G. N.* Meaning and the English Verb. – London : Longman Group Ltd, 1971. – 131 p.
20. *Ljung, M.* Reflections on the English Progressive // Gothenburg Studies in English. – 1980. – Vol. 46. – P. 48-127.
21. *Priestley, J. B.* Angel Pavement. – М. : Progress Publishers, 1974. – 503 с.
22. *Shaw, I.* Nightwork. – СПб. : Антология, КАРО, 2005. – 448 с.
23. *Saroyan, W.* Selected Short Stories. – М.: Радуга, 2002. – 368 с.
24. *Voorst, J. V.* The Aspectual Semantics of Psychological Verbs // Linguistics and Philosophy. – Dordrecht, 1992. – V. 15. – № 1. – P. 65-91.
25. *Wierzbicka, A.* Emotions across Languages and Culture: Diversities and Universals. – London : Cambridge Univ. Press, 2011. – 349 p.
26. *Wilder, T.* Heaven's My Destination. – М.: Радуга, 2001. – 256 с.

УДК 81

О. А. Соколова

аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: olsokol.iraero@gmail.com

МЕСТО ПЕРЦЕПТИВНОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье анализируется лингво-когнитивный механизм метафоризации ментальной сферы. В рамках теории концептуальной метафоры выявляются и классифицируются по семантическим признакам визуально-перцептивные метафорические модели.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; ментальная сфера; концептуальная метафора; перцептивная метафора; метафорическая модель.

Sokolova O. A.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; e-mail: olsokol.iraero@gmail.com

PERCEPTIVE VISUAL METAPHOR IN CONCEPTUALIZATION OF MENTAL SPHERE IN THE ENGLISH WORLD VIEW

Lingua-cognitive process of metaphorization concerning the mental sphere is analyzed in the article considering the unobservable phenomena of human mind represented with the use of lexico-semantic means of description for the physical world. Visual-perceptive metaphorical models are determined and classified by their semantic features within the theory of conceptual metaphor.

Key words: cognitive linguistics; mental sphere; conceptual metaphor; perceptive metaphor; metaphorical model.

Развитие когнитивного подхода к языку позволяет выявить ментальную сущность метафоры в процессах концептуализации, и, в частности, в концептуализации ментальной сферы. Метафора, как отмечает Ортега-и-Гассет, представляет собой «не только средство выражения, но еще и важное орудие мышления, при помощи которого нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям» [9, с. 34]. Роль метафоры в когнитивном осмыслении действительности можно выразить словами Н. Д. Арутюновой: «ключевые метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее

фрагменту. Они обеспечивают его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий» [1, с. 313]. Метафора понимается как неотъемлемая характеристика познавательной и языковой деятельности человека, «результат анализа и синтеза его мыслительной деятельности» [19, с. 46]. Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний – когнитивной структурой «источник» и когнитивной структурой «цель» – принято называть концептуальными метафорами, которые согласуются с определенной культурой и языком. Метафорические модели представляют собой «отображения пропозициональных или образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области» [23, р. 158]. Ментальная сфера как сфера сознания, мышления человека, недоступная предметно-наглядному изучению, в языковом сознании представлена через осмысление человеком своего опыта в физическом мире [2; 12].

Исследование языкового материала свидетельствует о том, что ментальная сфера концептуализируется в языке при помощи ориентационно-пространственных, онтологических когнитивных моделей, моделей движения. Опираясь на теорию когнитивного моделирования Дж. Лакоффа и М. Джонсона нами были выделены метафорические модели разнонаправленного движения в репрезентации ментальной сферы [6; 16]; описана метафорическая модель СОЗНАНИЕ – КОНТЕЙНЕР [17]; выявлены метафорические модели МЫСЛЬ – ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ, СОЗНАНИЕ – СУБСТАНЦИЯ, МЫШЛЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД, МЫШЛЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, ВСПОМИНАНИЕ – ДВИЖЕНИЕ НАЗАД, СОЗНАНИЕ – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, СОЗНАНИЕ – ЖИДКОСТЬ [15; 18].

Важным для понимания языкового представления ментальной сферы человека являются выделенные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном перцептивные метафорические модели: ПОНИМАНИЕ – ВИДЕНИЕ; ИДЕИ – ИСТОЧНИКИ СВЕТА; ДИСКУРС – НОСИТЕЛЬ СВЕТА [23, р. 3]. Концептуальная метафора UNDERSTANDING IS SEEING является когнитивным инструментом репрезентации ситуации видения-понимания, где видение – область источника, а понимание – область мишени.

Из психологии перцептивных процессов известно, что активность человеческого мозга тесно связана с перцептивной зрительной

функцией, а процессы визуального мышления протекают на основании сенсо-моторного опыта человека [3; 11]. Р. Л. Грегори, исследуя феномен «внутреннего зрения», отмечает, что глаз нуждается в разуме, чтобы опознавать объекты и локализовать их в пространстве, поскольку вне мозговой деятельности «оптические изображения, формирующиеся на сетчатке глаз (ретинальные изображения), представляют собой всего-навсего световые узоры, которые важны лишь постольку, поскольку могут быть использованы для узнавания неоптических свойств вещей» [4, с. 20]. Неразрывная связь видения и мышления заключается, по мнению Мерло-Понти, в том, что видение – это не просто один из модусов мышления, но данная человеку способность быть вне самого себя: «чтобы видеть, недостаточно мыслить, видение – это мышление при определенных условиях, которое рождается по поводу» того, что происходит в теле, «побуждается» телом к мысли» [7, с. 34]. На когнитивном уровне мыслительному процессу всегда предшествует и до определенной степени включается в него перцептивный этап – этап образного отражения действительности. Психическая деятельность является функцией мозга и отражением внешнего мира, потому что сама деятельность мозга есть деятельность рефлекторная, обусловленная воздействием внешнего мира [11, с. 7].

Как явствует из эмпирического материала, при помощи глагола *see* описываются явления из сферы сознания. Так, можно разглядеть ментальным зрением и, соответственно, понять, проникнуть в суть проблемы, ср.:

Then I do not know how or why, I began to see a difficulty [20, p. 34].

He began to see why Henry Duval had received more kindness aboard the Vastervik than anywhere else [21, p. 187].

Mr. Timberlake, I saw to my disappointment, was out to show he understood the young. I saw he was planning a “quiet talk” with me about my problems [20, p. 36].

Глагол *see* в данных примерах метафорически репрезентирует ментальную категорию понимания. При помощи глаголов перцепции, как подтверждают исследования, может описываться опыт не только

восприятия, а также воображения, понимания, представления, нечеткого восприятия, кажимости [8; 14].

По мнению Н. К. Рябцевой, восприятие – это «источник перцептивного знания и опыта, условие распознавания, осознания и интерпретации того, что происходит в мире» [12, с. 229; 13]. Взаимосвязь перцептивных и ментальных процессов в когнитивной обработке мира человеком обусловлена тем, что сознание человека «строит образы средствами умственных действий, которые перерабатывают сенсорно-перцептивный опыт» [3, с. 495].

На языковом уровне явления из сферы сознания часто описываются как зрительно воспринимаемые образы, в частности, световые. Метафорический механизм концептуализации позволяет переносить характеристику явлений, связанных со светом, свечением в природной сфере, на процессы в сфере внутренней, ментальной сферы. Глаголы свечения являются языковым средством, позволяющим найти соответствующее языковое воплощение для отражения когнитивных процессов, происходящих в ментальной сфере. Денотатом света является «видимое излучение, которое воспринимается человеческим глазом» [5, с. 10].

В исследуемом эмпирическом материале была выделена группа языковых единиц с общей семой ‘видимое излучение’: *light – the energy from the sun, a lamp, etc. that makes it possible to see things; gleam – to shine with a pale clear light* [5]; *flicker – to keep going on and off as it shines or burns; glimmer – a faint unsteady light* [5]; *burn – to produce flames and heat; glow – to produce a dull, steady light* [5]; *luminous – shining in the dark; giving out light* [26].

Анализ дефиниций данных лексем позволяет выделить семантические компоненты, отражающие характеристики света в природной сфере: ‘усиливающийся свет’, ‘прерывистый свет’, ‘сияние’, ‘слабый свет’, ‘вспышка’, ‘мгновенность’, ‘непрерывность’, ‘постепенность’. В физическом пространстве освещение (искусственное или природное) репрезентируется при помощи первичного значения данных лексем, ср.:

*She could just see by the **light** of the candle; The moonlight **gleamed** on the water* [26].

Указанные лексемы используются и для репрезентации явлений ментальной сферы, ср.:

*In his **mind** a **gleam** of hope **flickered** [21, p. 421].*

*A **dawning comprehensions** – and anger – were mirrored on A.R. Butler's face [21, p. 285].*

*The truth will **dawn upon you** directly, child [20, p. 121].*

Согласно словарным дефинициям глагола *to dawn* мы можем выделить семы 'рассвет' и 'постепенное усиление освещения': 1) *begin to grow light*; 2) *gradually become clear to somebody's mind; become evident* [27]. Со светом в физическом пространстве связана первая дефиниция, тогда как последующая дефиниция метафорически описывает ментальное действие понимания. Следовательно, фразовые глаголы *to dawn on / to dawn upon*, спроецированные на ментальную сферу, концептуализируют процесс постепенного понимания, прояснения ситуации (*осенило, дошло до сознания, прояснилось, озарило*), ср.:

*It suddenly **dawned on me** that he had been taking these early morning rides for some time [20, p. 198].*

*He resorted to his coat, and there were none there, and then **it dawned upon him** that miracles were possible even with matches [20, p. 527].*

*It **dawned on me** that I was prettier than I had realized [25, p. 97].*

В ходе исследования выделен ряд глаголов, репрезентирующих ментальное действие внезапного осознания, осмысления, воспоминания, которое происходит как бы в виде вспышки, некоего светового эффекта, «сверкания сквозь туман». Так, мысль метафорически представлена в виде явления, которое может быть распознано и обработано внутренним зрением таким образом, будто «воспоминание тускло мерцает сквозь туман» или «мигает, как большая неоновая реклама»:

*Through the **fog** another **memory** is **glimmering** [22, p. 12].*

*His words land in my **mind** like a big **neon flashing light** [22, p. 244].*

В приведенных примерах описываются ситуации, в которых ситуация воспоминания осмысляется подобно светящейся неоновой надписи, которая то загорается, то гаснет. Глаголы *glimmer* и *flash* в указанных примерах метафорически представляют ментальный про-

цесс осознания как мерцание, прерывистый свет. Глагол *flash* имеет следующие дефиниции:

- to shine brightly and suddenly;
- to move somewhere fast;
- to appear for a short time [26].

В дефинициях представлены характеристики света в физическом пространстве, тогда как в языковых примерах данный глагол используется для номинации стремительности мысли в ментальном пространстве, которая подобно вспышке света как бы «проносится, пролетает, проходит» через сознание (*flash through*), ср.:

“Just like Mum” flashes through my mind, and a sudden coldness trickles me down my spine [22, p. 30].

A malicious thought flashed through my mind [20, p. 106].

Of course the same thought flashed through all our minds, but I said it first [20, p.503].

And then, like a flash of light, it’s in my head [22, p. 425].

Стремительность и высокая интенсивность действия подтверждается выявленными семами ‘сверкание’, ‘яркий свет’, ‘внезапный свет’, ‘мелькание’. Лексема *flash* в сочетании с предлогом *in* используется для метафорического обозначения момента понимания, озарения, вспышки, ср.:

In a flash I saw the terribly good reason; I had the whole story – at least I had the broad outlines of it – clear before me [20, p. 156].

In a flash I began to understand myself [20, p. 179].

In a flash he understood that she knew the extent of Huskett’s claims [21, p. 216].

Эффект внезапного и яркого воспоминания, воспоминания событий, образов, также осмысливается при помощи данной лексемы, ср.:

I remembered, in a flash, everything [20, p. 152].

He knew that all these pictures, and a hundred others, that flashed past his mind’s eye with incredible speed, were of one and

the same being who had been lowered into the grave two years ago [20, p. 410].

При помощи лексемы *flash* концептуализируется высокая скорость ментального процесса, действия или внезапное наступление состояния или аффекта, подобно яркой, но кратковременной световой вспышке. Как отмечает в своем исследовании Л. Н. Ребрина, «ситуация воспоминания может описываться языком и как зрительное восприятие, поскольку оно связано с интеллектуальными процессами, глаголы памяти тесно связаны с глаголами восприятия, выступающими их функциональными эквивалентами» [10, с. 178]. В сочетании с лексемами, означающими память (*remember, memory*), лексические единицы с семантикой визуального восприятия обозначают процесс воспоминания, ср.:

The fire flickered and the shadows danced, memories of strange historic things rose vividly in my mind [20, p. 484].

The faintest gleam of their lost memories glimmered for the briefest moment in their heads [25, p. 72].

Такие лексемы могут выражать качественную характеристику памяти, ее ясность, ср.:

Why, of all the figures which pass before my childhood's eyes, that of Putois remains the clearest in my memory [20, p. 119].

Подобным образом лексемы репрезентируют недостаточную ясность памяти, когда «свечение воспоминаний» может быть слабым, еле видным, ср.:

But the glow of their memories was far too weak, and their thoughts no longer had the clarity of fourteen years earlier [26, p. 72].

Стабильное состояние освещенности, ясности, четкости восприятия в природной сфере репрезентируется при помощи прилагательного *clear*, которое также связано с метафорической концептуализацией ментальной сферы, ср.:

He was still quite drunk but his head was clear [20, p. 26].

Only very clear-headed persons are troubled by such scruples [20, p. 131].

*In the office he was concise and **clear-headed**, with a flattering deference to Waythorn's judgment [20, p. 217].*

Ментальные процессы в сознании человека концептуализируются подобно тому, как в физическом пространстве человек лучше всего ориентируется в хорошо освещенной среде, а в тумане и в темноте блуждает и теряет путь. Сознание, судя по языковым данным, может быть замутнено, затемнено, мысли могут быть темными, ср.:

*Here there would be plenty of hot water; plenty of food and drink, perhaps a little dancing and amusing company to keep the **dark thoughts** at bay [20, p. 196].*

*My **mind** is crammed full of **thick darkness** [25, p. 109].*

*While she diagrams my wrist, as if in unison I feel a wholly other variety of **darkness infiltrating my mind** [25, p. 3].*

Такое выражение ментального состояния неясности, сомнения, подавленности обусловлено первичностью биологического начала человека и природой человеческого зрения и универсальным архетипическим паттерном «добро – свет, зло – темнота» [10, с. 176].

Словарные дефиниции существительного glare позволяют выделить семы 'резкий, ослепляющий, неприятный свет': *strong unpleasant dazzling light* [26]; *bright unpleasant light that hurts your eyes* [24]. Первичная физическая сема 'слепящий свет' в процессе метафоризации передает идею воспоминания о ярком освещении шумного городского трактира: *But his **head was not clear** and his mind wandered away to the **glare** and rattle of the public-house* [20, p. 64]. В примере подчеркивается неясность мышления, непонимание происходящего в реальности и обращение к воспоминаниям. В данном случае сознание субъекта обращается к воображаемому источнику слепящего света (glare), в то время как сознание замутнено (not clear). Представляется возможным выделить метафорические модели: ЗНАНИЕ/ ПОНИМАНИЕ – СВЕТ и НЕЗНАНИЕ/ НЕПОНИМАНИЕ – ТЕМНОТА. Непонимание, спутанность сознания, неясность мышления номинируются при помощи прилагательных визуального восприятия *vague* (смутный), *hazy* (подернутый дымкой), *faded* (поблекший), *foggy* (туманный), *cloudy* (облачный, мутный) [26], ср.:

*My **thoughts** are all **cloudy**, like a bomb site after the blast [22, p. 54].*

My mind was filled with hazy images of Vronsky falling off his horse [25, p. 92].

His thought had been vague and fleeting and might come to nothing [21, p.142].

The thought was vague, ephemeral... like groping in the dark [21, p.160].

Ключевыми перцептивными семами данных прилагательных являются семы 'неясность', 'нечеткость', 'размытость', 'неразличимость'. Неясная, непонятая до конца мысль сливается с темнотой, она практически невидима. Метафора яркой вспышки используется с целью выразить понимание, в то время как метафора нечеткого восприятия, туманности передает идею непонимания, неясности, ср.:

His impression was that she was beautiful, but perhaps this was only fancy because the memory of how she looked had faded in his mind [21, p.63].

Through a tortured mental haze Edgar Kramer had heard the last exchange [21, p. 407].

My head was always foggy [25, p. 75].

В контекст метафоры внутреннего зрения входит также метафора «сознание имеет глаза», ср.:

Suddenly, my family appeared in my mind's eye – Peach, Bub and Meg [27, p. 61].

In his mind's eye he saw a sweaty little boy holding a china serving platter over his head [25, p. 141].

And already in her mind's eye she beheld her yew trees cut into walls, spheres and pyramids, all for but a trifling outlay [20, p. 125].

In my mind's eye I saw the desk in my study, and lying on it, forgotten, the identification card which foreign residents are required by French law to carry at all times [20, p. 544].

Сознание, как бы обладая зрением, имея «глаза», способно «заглянуть в самую суть вещей»: *You're clever and quick, and you're the kind of mind which can see straight to the heart of things* [21, p.325].

Итак, в ходе проведенного исследования выявлены закрепленные в языке концептуальные метафоры визуального отображения, позво-

ляющие описывать ментальные действия и процессы. В данной статье нами были выделены концептуальные метафоры ЗНАНИЕ/ ПОНИМАНИЕ – СВЕТ и НЕЗНАНИЕ/ НЕПОНИМАНИЕ – ТЕМНОТА в метафорическом представлении явлений ментальной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
2. Барашкина, Е. А. Метафора как средство концептуализации ментальной сферы в русском языке // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 292-298.
3. Веккер, Е. В. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М. : Символ, 1998. – 685 с.
4. Грегори, Р. Л. Разумный глаз / пер. с англ. А. И. Когана. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРРС, 2003. – 240 с.
5. Гуревич, А. Г. Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Махачкала, 2005. – 168 с.
6. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 792 с.
7. Мерло-Понти, М. Око и дух / пер. с фр., предисл. и коммент. А. В. Густыря. – М. : Искусство, 1992. – 63 с.
8. Муняева, Е. И. Анализ конструкций с глаголом SEE в свете теории концептуальной интеграции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2007. – 141 с.
9. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М. : Азбука, 1990. – 383 с.
10. Ребрина, Л. Н. Репрезентация операций памяти в немецком языке в метафорической интерпретации // Альманах современной науки и образования: в 2 ч. – 2008. – № 8 (15). – Ч. I. – С. 176-181.
11. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 358 с.
12. Рябцева, Н. К. Ментальная сфера по данным языка: когнитивный аспект // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К 100-летию А. А. Реформатского. Отв. Ред. В. А. Виноградов. М. 2004. С. 453 – 465.
13. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект. – М. : Academia, 2005. – 640 с.

14. Семёнова, Т. И. Лингвистический феномен кажимости: монография. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2007. – 237 с.
15. Соколова, О. А. К вопросу о метафорической концептуализации ментальной деятельности в английской языковой картине мира [Электронный ресурс] // Magister Dixit: науч.-пед. журн. Восточной Сибири. – 2014. – № 2 (14). – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metaforicheskoy-kontseptualizatsii-mentalnoy-deyatelnosti-v-angliyskoj-yazykovoy-kartine-mira>.
16. Соколова, О. А. Метафора движения в репрезентации ментальных состояний // Неделя науки ИГЛУ: сб. тез. докл. (Иркутск, 1-5 марта 2010 г.). – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2010. – С. 458-460.
17. Соколова, О. А. Метафора контейнера в концептуализации ментальной сферы человека [Электронный ресурс] // Magister Dixit: сб. науч. ст. магистрантов. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ. – Режим доступа : <http://md.islu.ru/journal/1>.
18. Соколова, О. А. Метафора физического действия в репрезентации ментальных состояний // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирантские чтения (г. Иркутск, 14-15 мая 2015 г.): сб. науч. ст. [Электронный ресурс]. – Иркутск : Изд-во МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – Режим доступа : http://www.islu.ru/files/rar/annotation/problemy_ustoychivogo_razvitiya_gumanitarnyh_i_estestvennyh_nauk_0.pdf.
19. Хахалова, С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. – 2-е изд. испр. и доп. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. – 292 с.
20. *50 Great Short Stories* / ed. by Milton Crane. – Toronto, New York : Bantam Books, 1983. – 470 p.
21. *Hailey, Arthur*. In High Places. – New York : Barkley Books, 2001. – 534 p.
22. *Kinsella, Sophie*. Remember me? – Black Swan: London, 2008. – 444 p.
23. *Lakoff, G., Johnson M.* Metaphors We Live by. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 276 p.
24. *Longman Dictionary of Contemporary English*. – Third Edition. – England : Longman, 2001. – 1666 p.
25. *Murakami, H.* Hard-Boiled Wonderland and the End of the World. / translated from the Japanese by Alfred Birnbaum. – London : Vintage Books, 2003. – 400 p.
26. *Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary*. – London : Oxford University Press, 1982. – 1079 p.
27. *Weathers, B.* Left for Dead. My Journey Home from Everest: memoir. – New York, 2001. – 344 p.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ ЕАЛИ
Выпуск 17 (728)
Серия Языкознание и литературоведение

Редактор *И. Л. Андриевич*
Компьютерная верстка *И. Л. Андриевич*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 30.11.2015 г.
Объем 12,0 п. л. Формат 60х90/16
Заказ №

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

Перепечатка материалов
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна